

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

И. И. Мамайчук, Е. Н. Арбузова

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА
В ПРАКТИКЕ КЛИНИЧЕСКОГО
ПСИХОЛОГА

Часть 2

Психологическая экспертиза
в судебно-следственной практике

Учебное пособие

ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

УДК 340.6
ББК 88.7
М22

Рецензенты:

д-р психол. наук, проф. А. В. Шаболтас (С.-Петербург. гос. ун-т),
д-р психол. наук, проф. А. Г. Маклаков (Ленингр. гос. ун-т им. А. С. Пушкина)

Рекомендовано к публикации

*Учебно-методической комиссией по УГСН 37.00.00 «Психологические науки»
Санкт-Петербургского государственного университета*

Мамайчук И. И., Арбузова Е. Н.

М22 Психологическая экспертиза в практике клинического психолога. Часть 2. Психологическая экспертиза в судебно-следственной практике: учеб. пособие. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2024. — 138 с.
ISBN 978-5-288-

В данном учебном пособии отражены направления и специфика работы клинического психолога в экспертной судебной практике. Рассмотрены история судебно-психологической экспертизы, методы психологической экспертизы в судебно-следственной практике с учетом классификации правонарушений и преступлений. Приведены примеры судебно-психологической экспертизы несовершеннолетних, свидетелей и преступных групп, брачно-семейных отношений. Отдельная глава посвящена экспертизе противоправного психологического воздействия.

Учебное пособие рекомендовано не только студентам, обучающимся по специальности «Клиническая психология», но и клиническим психологам-практикам, клиницистам, педагогам и юристам.

УДК 340.6
ББК 88.7

*Рекомендовано к публикации по результатам ежегодного открытого
конкурса учебных изданий «Университетский заказ — 2022»
Санкт-Петербургского государственного университета*

ISBN 978-5-288-

© Санкт-Петербургский
государственный
университет, 2024

Оглавление

Предисловие	4
Введение	6
Глава 1. История судебно-психологической экспертизы	8
Глава 2. Предмет, цели, задачи и теоретико-методологические аспекты судебно-психологической экспертизы	16
Глава 3. Судебно-психологическая экспертиза аффективных деликтов	28
Глава 4. Судебно-психологическая экспертиза беспомощного состояния	44
Глава 5. Посмертная судебно-психологическая экспертиза	57
Глава 6. Судебно-психологическая экспертиза осознания содеянного и способности регуляции своих действий у несовершеннолетних правонарушителей	71
Глава 7. Судебно-психологическая экспертиза особенностей взаимодействия в преступной группе	80
Глава 8. Судебно-психологическая экспертиза пороков воли	89
Глава 9. Судебно-психологическая экспертиза брачно-семейных отношений	105
Глава 10. Судебно-психологическая экспертиза противоправного психологического воздействия	115
Заключение	129
Список литературы	131

Предисловие

В отличие от многих других научных направлений, развитие судебной экспертизы очень тесно связано с потребностями практики и вызвано огромным количеством запросов в области следственной и судебной деятельности. Интересно, что такие запросы имели место задолго до оформления психологии и тем более юридической психологии как науки. Именно на базе юридической практики начиная с 70-х годов XX века формируются первичная база и основные направления современных экспертных исследований.

К зоне наиболее популярных на данный момент запросов в первую очередь можно отнести те из них, которые имеют выход на исследование сложных (часто резонансных) преступлений, а также запросы, связанные с участием в судебных действиях несовершеннолетних. Эти и другие проблемы юридической практики и судебной психологии долгое время были в фокусе исследований Ирины Ивановны Мамайчук. Многолетний практический опыт в этой области нашел отражение в первой части книги, посвященной экспертной психологической практике.

К сожалению, окончание работы над второй частью книги пришлось на тот период, когда И. И. Мамайчук уже не стало, как и возможности корректировать данное издание вместе с автором первой книги. Вследствие этого некоторые разделы были незначительно изменены, дополнены или дописаны уже впоследствии. Незначительно изменена и сама структура работы.

Во второй части научного издания более подробно и точно представлены не только наиболее часто встречающиеся виды экспертного исследования, такие как экспертиза аффектов, беспомощных состояний, посмертная экспертиза и т. д., но и ряд других направлений, связанных не только с уголовным, но и с гражданским процессом. В частности, в издание включены разделы, которые слабо освещены в пределах других учебных изданий или представлены только в отдельных статьях и специальных методических пособиях. В первую очередь, это такие современные направления экспертной практики, как экспертиза грубых нарушений волевой регуляции («пороков воли») и экспертиза воздействия. Также несколько расширен блок экспертной оценки семейных проблем, связанных с изучением психологической составляющей юридического конфликта, включая разработку новых подходов к оценке взаимодействия в структуре детско-родительских отношений.

Практика использования экспертных исследований в гражданском процессе, а также в деятельности нотариата значительно расширяет как возможности самой экспертизы, так и возможности юридической практики в целом. Последнее является следствием все большей индивидуализации данных направлений деятельности.

В целом издание имеет научно-прикладной характер, насыщено примерами из реальной практики и ориентировано на студентов специальных вузов, которым интересна судебно-психологическая экспертная практика.

Е. Н. Арбузова,
канд. психол. наук,
доцент кафедры психологии здоровья
и отклоняющегося поведения СПбГУ

Введение

Судебная психологическая экспертиза представляет собой одно из направлений экспертной практики, которая в последние годы становится все более востребованной. Актуальность тематики обусловлена тем, что правоприменительная деятельность последних лет все более ориентируется на гуманистическую парадигму, способную значительно улучшить как саму деятельность, так и систему социального и воспитательного воздействия на людей, попадающих в поле правовых отношений. Отдельное место в этой системе занимают судебно-следственные органы, на которые ложится глобальная ответственность, связанная с поиском и оформлением доказательной базы и назначением наказания. Важной задачей судебной экспертизы при этом является расширение возможностей юридической практики в исследовании субъективной стороны преступлений и различных видов отклоняющегося поведения.

Не менее значимым является и поиск системного подхода к проведению различного рода экспертиз, включающий в себя понимание границ и критериев изучения экспертных проблем в рамках психологии. Большое значение имеет выработка подходов к разграничению возможностей комплексных экспертиз и экспертиз, которые проводятся исключительно в рамках психологических исследований. Последнее важно не только в сфере образования и подготовки психологов, планирующих заниматься экспертизой, но и для повышения качества научных исследований в данной области. Отдельное место в работах последних лет уделяется этическим принципам работы эксперта в рамках исследований в данной области.

Для облегчения решения исследовательских задач в области современной психологической экспертизы, которая включает в себя зачастую совершенно различные проблемы, все направления исследования принято разделять на те, которые проводятся в рамках уголовного и гражданского процесса. Связано это с тем, что каждое из указанных направлений имеет свои особенности, которые следует учитывать при проведении экспертных исследований.

В структуру книги вошли как классические разделы судебно-психологической экспертизы, так и новые виды экспертизы, которые находятся на этапе становления и разработки критериев исследования. Каждый раздел книги имеет определенную структуру, которая включает: определение наиболее часто заявляемых предмета

и объекта экспертизы; основные экспертные понятия; примеры, иллюстрирующие те или иные элементы экспертных понятий (или критерии оценки); список типовых вопросов, которые используются в данном виде экспертизы.

В работе сделана попытка не только структурировать теоретический материал в области современных подходов к психологической экспертизе, но и отразить некоторые стороны практического применения знаний в юридической практике. С этой целью в книге представлено множество примеров, иллюстрирующих ту или иную тему экспертизы, для лучшего усвоения текущего материала.

В целом данная область научных исследований на современном этапе развития науки все еще нуждается в последовательном изучении и расширении экспертных понятий и научных подходов.

Глава 1

ИСТОРИЯ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Становление судебно-психологической экспертизы (СПЭ) как научного направления относится к середине XX века и связано с развитием таких смежных наук, как юриспруденция, медицина и психология. В свою очередь, данные направления имеют более глубокие корни, связанные с социальной проблематикой и значительным интересом к человеку.

Еще в Древней Греции правоведение тесно смыкалось с человековедением. Глубоко психологичными были взгляды Демокрита (460–370 годы до н.э.). Аристотель констатировал: «Природа человека находится в вечном противоборстве между разумом и инстинктом. Закон повелевает разуму господствовать над инстинктами, как хозяин господствует над рабами» (цит. по: Еникеев, 2003, с. 403).

Эпоха Средневековья характеризуется слиянием государства и права, что значительно снизило социальную значимость самого права. Жесткая регламентация и значительные ограничения привели к изменению центральной функции права в угоду гласным и негласным законам. Однако такая ситуация не могла длиться долго. В определенный момент просветительская философия сформировала принципы, ориентированные на построение классических оснований правовой деятельности и снижение регламентированной части права в пользу его просветительской и информационной функции.

Значительным вкладом в развитие правовых дисциплин стала Декларация прав человека и гражданина, принятая в 1789 году после Великой французской революции. В ней впервые провозглашались свобода и равенство в правах всех рожденных людей. Позднее, в 1791 году, Учредительным собранием Франции был принят Уголовный кодекс, который провозгласил основные принципы современного уголовно-правового мировоззрения, гласящие, что преступны лишь предусмотренные законом деяния, а наказание должно быть неотвратимым и соразмерным преступлению. Впервые в судопроизводстве утверждается юридическое равенство участников правоотношения, вводится суд присяжных, отменяется теория формальных доказательств, присяжные и судьи получают право принимать решения на основе внутреннего убеждения, обвиняемый получает право на защиту. Оправдательный приговор становится обязательным при недоказанной виновности (Еникеев, 2003, с. 405).

Именно в этот период многие юристы начинают осознавать необходимость психологических знаний в судопроизводстве. Несмотря на то что на тот момент психология еще не сформировалась как самостоятельная научная дисциплина, в рамках юриспруденции начинают формироваться такие отрасли, как криминальная и судеб-

ная психология, а также другие направления современной юридической психологии. Юристы начинают осознавать тот факт, что психология является неотъемлемой частью судебного процесса. И. С. Баршев писал в этот период, что «если судья не знает психологии, то это будет суд не над живыми существами, а над трупами» (цит. по: Васильев, 2001, с. 20). В целом можно говорить о том, что потребность в психологических знаниях зародилась в правовой области гораздо раньше, чем в других смежных с психологией отраслях. В тот период появляется и достаточно много псевдопсихологических концепций, которые, однако, имели достаточно высокую эвристическую ценность и дали старт развитию научной психологии в дальнейшем.

В начале XIX века широко внедряется в практику учение о физиогномике Иоганна Лафатера (1741–1801). Автор в своих работах предпринимает попытку определить психическое состояние и психологический тип человека по особенностям строения его лица. В тот же период австрийский врач и анатом Франц Йозеф Галль (1758–1828) разрабатывает основы френологии, где пытается доказать, что развитие отдельных участков коры мозга человека влияет на форму его черепа и изучение поверхности черепа человека позволяет диагностировать не только способности человека, но и его личностные особенности. Несмотря на свою научную несостоятельность, теория Ф. Галля широко использовалась в юридической практике того периода. Родоначальником биологического направления в криминологии стал итальянский врач-психиатр Чезаре Ломброзо (1836–1909), который создал теорию прирожденного преступника (типов преступников). Несмотря на то что теория Ч. Ломброзо считается лженаучной, следует подчеркнуть, что именно он впервые поставил вопрос о необходимости исследования личности преступника. Значительный вклад в судебную экспертизу внесли и работы таких зарубежных авторов, как Альфред Бине (1857–1911), который ввел в экспертизу понятие внушаемости в судопроизводстве, и В. Штерн, разработавший персоналистическую концепцию памяти, имевшую не столько теоретическую, сколько эвристическую ценность. Значительную ценность для экспертной практики имели работы А. Крамера, В. Ф. Листа, Г. Гросса и других зарубежных ученых. Революционное правовое мировоззрение западных юристов сыграло определенную роль в формировании российского судопроизводства (Васильев, 2001, с. 22).

Уже вскоре после судебной реформы 1861 года юристы России поставили вопрос о психологических исследованиях в уголовном суде. В 1874 году в Казани публикуется первая монография по судебной психологии под названием «Очерки судебной психологии» врача-психиатра А. У. Фрезе (1826–1884). В 1877 году юрист Л. Е. Владимиров (1845–1917) публикует статью под названием «Психологические особенности преступников по новейшим исследованиям», в которой отмечает, что социальные причины преступности находят почву в индивидуальных характерах, изучение которых обязательно для юристов. Автор, имеющий опыт работы в суде присяжных, пишет, что «чужая душа не всегда потемки... людьми всегда судится целый человек, а не трактуется отдельное, вырванное из его жизни деяние» (Владимиров, 1901, с. 30). Автор подчеркивал, что целям уголовного правосудия удовлетворяет лишь медико-психологическое исследование, проводить которое может специалист, подготовленный по медицине и психологии, что медико-психологическое исследование должно включать содержание психологической жизни — сферы чувств, умственной жизни, мотивов, внушаемости личности (Владимиров, 1901).

В конце XIX века в связи с развитием экспериментальной психологии судебная психология в России постепенно оформляется в самостоятельную науку. Крупнейший ее представитель, известный российский криминалист Д. А. Дриль (1846–1910), в своих работах по психологии преступности анализируя общие механизмы преступного поведения, подчеркивал, что одним из механизмов преступного поведения является ослабление у преступников способности «властно руководствоваться предвидением будущего» (Дриль, 1912). Выдающийся русский юрист А. Ф. Кони (1844–1927), уделяя большое внимание связи уголовного права с психологией, написал целый ряд содержательных работ по судебной психологии: «Самоубийство в законе и жизни» (1898), «Нравственные начала в уголовном процессе» (1905), «Свидетели на суде» (1909), «Психология и свидетельские показания» (1913). В работе «Память и внимание (из воспоминаний судебного деятеля)» (1922) автор отмечал также значение психологических исследований в оценке свидетельских показаний и подчеркивал необходимость введения курсов психопатологии и психологии при обучении юристов (Кони, 1922, с. 30).

В 1908 году в России была опубликована книга основоположника криминалистики, известного австрийского криминалиста Ганса Гросса (1847–1915) «Криминальная психология», в которой впервые был введен термин «судебная психология» как прикладная отрасль общей психологии (Гросс, 2002).

С конца XIX и начала XX века психология превращается в самостоятельную отрасль научного знания в связи с активным внедрением экспериментальной психологии. Именно в этот период в западноевропейских странах появляются первые судебно-психологические экспертизы по уголовным делам. Их авторами были такие знаменитые психологи, как А. Бине (1857–1911), В. Штерн (1871–1938), К. Марбе (1869–1953), которые проводили психологические исследования по различным научным направлениям. Каждое экспертное исследование того периода носило не только практический, но и научный характер.

Российские психологи активно использовали широкий зарубежный опыт проведения судебно-психологических экспертиз. Уже в 1903 году в Казани выходит книга А. Н. Елистратова и А. В. Завадского «К вопросу о достоверности свидетельских показаний (опыты А. Бине и В. Штерна)», где анализируются экспертизы одного из родоначальников внедрения психологических экспертиз в судебно-следственную практику, психолога В. Штерна. Заслугой последнего авторы считали то, что он впервые внедрил экспериментально-психологические исследования в анализ свидетельских показаний не только у взрослых, но также у малолетних и несовершеннолетних детей. Однако на пути научных поисков Штерну не удалось избежать и ошибок. Например, он считал, что функция следователя должна ограничиваться только сбором доказательств, оценка же их должна поручаться психологу и основываться исключительно на данных лабораторных исследований и знаниях механизмов и закономерностей психических функций (Елистратов, Завадский, 1903; Штерн, 1902).

Данный период характеризуется еще одним значимым событием, которое позволило развиваться направлению судебно-психологической экспертизы, — это разделение таких направлений исследования, как психопатология и правовая психология. Впервые эту проблему освещает П. И. Ковалевский в 1899 году, основываясь на том факте, что большинство преступлений того времени имели смешанный

генез и дифференцировались скорее по факту наличия нарушений, чем по правовым основаниям (Васильев, 2001, с. 21).

С начала XX века достижения экспериментальной психологии начинают использоваться повсеместно. В 1907 году по инициативе В. М. Бехтерева и Д. А. Дриля был создан Психоневрологический институт, в задачу которого входила в том числе и разработка курса по судебной психологии. В 1909 году в рамках Психоневрологического института был создан Криминологический институт. Несколько позже Бехтерев в своей работе «Объективно-психологический метод в применении к изучению преступности» (Бехтерев, 1912) впервые рассмотрел проблемы психологической диагностики преступников и свидетелей.

В первые послереволюционные годы в судебной психологии наметился круг основных проблем, которые интересовали ученых данного направления, а именно: изучение психики преступников, свидетелей и других участников уголовного процесса, диагностика лжи и др. В работах того периода активно исследуется личность преступника, а судебная (криминальная) психология становится общепризнанной, авторитетной отраслью знаний. Уже в 1923 году на I Всероссийском съезде по психоневрологии организовывается секция криминальной психологии под руководством криминалиста С. В. Познышева (1870–1943), впоследствии автора книги «Криминальная психология. Преступные типы» (Познышев, 1926). Съезд отметил необходимость подготовки криминалистов-психологов, а также целесообразность открытия кабинетов для криминально-психологических исследований. Вслед за этим во многих городах России были организованы криминально-психологические кабинеты и кабинеты научно-судебной экспертизы, в работе которых участвовали ведущие психологи со всей страны.

Следует сказать, что исследования психологов того периода не потеряли актуальности и сегодня. Некоторые из этих исследований впервые позволили не просто применять букву закона, но правильно квалифицировать преступление и преступное поведение, учитывать его объективные и субъективные моменты. Однако в рамках многих исследований того времени были допущены и крупные методологические ошибки. Например, С. В. Познышев под влиянием исследований представителей конституционального направления ввел в обиход классификацию преступников, которая позволяла делить их на два типа: экзогенный и эндогенный (внешне обусловленных и внутренне обусловленных), что подвергалось резкой критике со стороны психологов (Познышев, 1926).

Значимым событием в области судебно-психологической экспертизы был выход в свет монографии А. Е. Брусиловского «Судебно-психологическая экспертиза. Ее предмет, методика и пределы» (1929). В ней были описаны опыты проведения судебно-психологических экспертиз в уголовном судопроизводстве. Особое внимание в работе уделялось судебно-психологической экспертизе свидетельских показаний малолетних и несовершеннолетних обвиняемых. В этой работе автор подчеркивал важность свободного рассказа малолетнего свидетеля в отличие от формального допроса, а также обращал особое внимание на высокую значимость психологического анализа истории показаний, динамики показаний при экспертизе свидетелей, особенно малолетних и несовершеннолетних. Брусиловский указывал на обязательное участие родителей и других близких лиц ребенка-свидетеля в психологической экспертизе (Брусиловский, 1929). В рамках данной работы за-

трагируется и такая важная проблема, как границы, или пределы, экспертных возможностей психологов.

В этот же период интенсивно разрабатываются новые методики экспертного исследования, направленные на анализ достоверности показаний участников уголовного процесса. А. Р. Лурия разрабатывает сопряженную моторную методику для диагностики аффективных следов. Эта методика явилась прообразом детектора лжи, широко применяемого в юридической практике в настоящее время (Лурия, 2002, с. 42).

Однако в практике зарубежной и отечественной судебно-психологической экспертизы того периода стали наблюдаться негативные тенденции. Нередко эксперт-психолог, претендуя на установление достоверности показаний, брал на себя задачу определить, насколько правдивы или лживы показания подэкспертного. С этой целью широко использовался метод свободных ассоциаций, и на основе свободного рассказа эксперты-психологи нередко делали выводы о наличии или отсутствии так называемых симптомов лжи. Давая ответ на вопрос о достоверности показаний подэкспертного, эксперт-психолог часто переступал границы своих специальных знаний и процессуальных полномочий и тем самым вторгался в пределы компетенции следствия и суда. Причины таких ошибочных взглядов были обусловлены следующими факторами:

1. Повальное увлечение экспериментальной психологией, особенно стандартными психологическими тестами, что негативно отражалось на эффективности экспертного исследования. Следует подчеркнуть, что, несмотря на активное развитие экспериментальной психологии, в тот период еще не были разработаны методологические и методические подходы к всестороннему исследованию личности.
2. Расширение границ компетенции судебно-психологической экспертизы. Одной из причин этого явления было использование в психологии и юриспруденции одноименных, но разных по содержанию понятий, таких, например, как «личность», «поведение», «мотив», «ответственность», «аффект». Содержание этих понятий различно для психологов и юристов. А поскольку тогда еще не были разработаны юридические и психологические критерии использования данных понятий, они рассматривались как синонимичные.
3. Ориентация экспертов-психологов на бытующие в тот период вульгарно-материалистические или вульгарно-социологизаторские подходы к изучению психики человека, что порождало выбор зачастую абсолютно противоположных методологических и методических направлений экспертного исследования.
4. Неблагоприятная идеологическая и политическая обстановка в стране, особенно в середине 30-х годов прошлого века, которая привела к правовому беспределу, нарастанию репрессивного произвола, отрицанию роли личностного фактора в судебно-следственном процессе. В то время нередко наблюдалось нарушение элементарных прав личности, законности. В советском правоведении утвердилось понимание сущности права как воли господствующего класса, как орудия регламентации и контроля, а также наказания отклоняющегося поведения.

Поскольку до середины 1940-х годов судебно-психологическая экспертиза была предана забвению, многие ее вопросы решались в рамках судебно-психиатрической экспертизы. Психиатры, проводя такие экспертизы, особенно по уголовным делам несовершеннолетних, пытались разрешать и многие психологические проблемы. Например, Л. С. Юсевич в статье «Из практики экспертизы достоверности показа-

ний несовершеннолетних» тщательно проанализировал психологические и этические проблемы свидетельских показаний несовершеннолетних и малолетних. В своей работе автор подчеркнул, что детские показания представляют собой «сложную психологическую структуру, возникающую на основе воспоминаний о пережитом, виденном и слышанном, формирующуюся в определенных психологических условиях, отражающую в своем развитии ряд влияний окружающей среды, видоизменяющуюся в зависимости от того, кто, в каких условиях и как расспрашивает ребенка...» (Юсевич, 1940, с. 80). Автор также отмечал, что в процессе расследования необходима совместная работа эксперта-психиатра и юриста над анализом и оценкой достоверности показаний.

Зародившаяся в 1960-х годах тенденция к демократизации общества обеспечила развитие общественных наук, активизировались исследования и по юридической психологии, в том числе судебной экспертизе. В 1964 году вышло постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране». На основе этого постановления в 1966 году в юридических вузах страны было введено преподавание общей и судебной психологии. Появляется ряд исследований по судебной психологии, психологии допроса, исправительной психологии. В отдельных юридических вузах начинаются исследования различных проблем судебной психологии. В эти же годы судебно-психологическая экспертиза переживает свое второе рождение. Становится востребованным новое направление судебной психологии — психология несовершеннолетних, которая является одним из ключевых направлений в области экспертных исследований. Одним из первых среди юристов, кто подчеркивал необходимость использования судебно-психологической экспертизы в судебно-следственной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних, был Г.М. Миньковский (Миньковский, 1959). Вскоре судебно-психологическая экспертиза получает и официальное признание. В постановлении пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 года «О судебной практике по делам несовершеннолетних» указывалось на целесообразность проведения судебно-психологической экспертизы при выяснении способности несовершеннолетних полностью осознавать значение своих действий и определении, в какой мере они могли руководить ими. С этого постановления начинается активное использование психологических знаний в судебно-следственной практике. В 1977 году Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности издает для служебного пользования первое методическое пособие по судебно-психологической экспертизе, автором которого был М.М. Коченов (Коченов, 1977). В 1980 году в Прокуратуре СССР разрабатывается и принимается методическое письмо под названием «Назначение и проведение судебно-психологической экспертизы» (1980). Судебно-психологическая экспертиза с того времени стала широко использоваться в судебно-следственной практике по уголовным, а позднее и по гражданским делам.

Ф.С. Сафуанов выделяет три этапа становления отечественной судебно-психологической экспертизы, с ее возрождения в 60-е годы прошлого века по настоящее время (Сафуанов, 2014).

Первый этап автор связывает с постановкой проблемы самой возможности производства судебной экспертизы с применением знаний в области психологии. На первом этапе, как отмечает автор, судебно-психологическая экспертиза «выде-

лилась как самостоятельная форма применения специальных познаний в уголовном процессе» (Сафуанов, 2014, с. 126). Тогда же были определены основные направления судебно-психологической экспертизы. Автор справедливо подчеркивает огромный вклад М. М. Коченова в развитие данного направления.

Второй этап (начиная с 1980-х годов до 1997 года) явился результатом бурного развития разнообразных направлений и появления новых проблем в области СПЭ. В целом, как подчеркивает Ф. С. Сафуанов, на данном этапе развития СПЭ «были успешно ассимилированы общенаучные методологические принципы, принятые в отечественной психологии, очерчен основной круг наиболее валидных и надежных экспериментальных методов, используемых в экспертной практике, и разработаны специальные методические приемы изучения объекта судебно-экспертного исследования» (Сафуанов, 2014, с. 129).

Третий этап развития СПЭ начинается в условиях нового законодательства (УК РФ), введенного в действие с 1 января 1997 года. В этот период начинают активно исследоваться проблемы аффективных деликтов, ограниченной вменяемости; разрабатываются критерии определения отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, но ограничивающего способность обвиняемого к осознанной и произвольной регуляции криминальных деяний. Появляются новые направления судебно-психологических экспертиз:

- порока воли (ст. 177–179 ГК РФ);
- морального вреда;
- детско-родительских отношений (по делам о месте проживания ребенка, участии родителей в воспитании, целесообразности усыновления и т. д.);
- иерархии преступной группы и индивидуально-ролевого статуса ее членов;
- соответствия психофизиологических особенностей субъекта требованиям деятельности в объективно сложной ситуации (в том числе по делам об авариях на транспорте и производстве);
- психологических мотивов противоправных действий;
- достоверности показаний (на настоящий момент проведение данного вида экспертизы ограничено рамками информационного письма «О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы» от 15 июня 2016 года);
- психологического воздействия и психического насилия;
- социального взаимодействия.

В современную практику входят также такие новые направления комплексных исследований, как:

- психолого-сексологическая экспертиза;
- психолого-лингвистическая экспертиза устной и письменной речи;
- психолого-лингвистическая экспертиза текста;
- психолого-искусствоведческая экспертиза фото- и видеопroduкции (Енгальчев, Шипшин, 1997).

Как видно из приведенного перечня, судебно-психологическая экспертиза в значительной степени развивалась за счет привлечения психологов для решения вопросов, возникающих в рамках гражданского процесса.

В современной зарубежной практике судебно-психологическая экспертиза также широко применяется как в уголовном, так и в гражданском процессе. Кроме

того, в некоторых странах общая психологическая характеристика личности субъектов преступления (преступника, жертвы, свидетеля) является необходимым компонентом любого судебно-следственного дела. Согласно немецкому законодательству, например, при рассмотрении каждого случая противоправных действий несовершеннолетнего должно быть установлено, может ли несовершеннолетний нести уголовную ответственность за свои деяния. В каждом случае общая психологическая экспертиза устанавливает психологический портрет личности подозреваемого. Такой подход не случаен и связан с особенностями развития судебной психологии в Германии, где большинство исследований направлено на изучение личности преступника, среды его обитания.

Развитие судебно-психологической экспертизы во многих других западных странах происходило под влиянием психоаналитической теории Зигмунда Фрейда. Психологи при анализе личности преступника пытаются проникнуть в подсознательную сферу субъекта для раскрытия глубинных личностных образований. Следует сказать, что в рамках этого направления также был получен ряд интересных данных. Например, исследование личности преступников с помощью психоаналитических методов показало, что у большинства преступников не развита психическая сфера личности, которую З. Фрейд именовал «Супер-Эго» (Сверх-Я); разорвана внутренняя структура социального самоконтроля; наблюдается дисбаланс во взаимодействии тормозных и возбуждательных процессов. Преступные наклонности рассматриваются как дестабилизация Эго (Я) вследствие ранней психической травматизации (Nye, 1958). В англоязычных странах до сих пор в судебной практике широко используется экспертиза, методологически ориентированная на психоанализ. В некоторых других странах, например в Италии, Японии, США, судебная психология и судебно-психологическая экспертиза традиционно ориентированы на клиническое направление, особенно при анализе аффективных деликтов, где стресс рассматривается как источник девиантного поведения, а преступники характеризуются как аномальные личности, требующие лечения, включающего индивидуальную и групповую психотерапию (Фокс, 1985).

Глава 2

ПРЕДМЕТ, ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ И ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Судебно-психологическая экспертиза (СПЭ), как любая из судебных экспертиз (медико-биологическая, графическая, психиатрическая и др.), представляет собой совокупность процессуальных действий, которые строго регламентированы законом. Результаты СПЭ представляются в виде письменного заключения эксперта и после соответствующей проверки и оценки следователем или судом могут являться одним из доказательств. СПЭ назначается на стадии предварительного или судебного следствия по уголовным и гражданским делам в отношении подозреваемых, обвиняемых, свидетелей, потерпевших, истцов, ответчиков разного возраста: малолетних, несовершеннолетних, взрослых, пожилых. В законе оговорены случаи, когда на проведение экспертного исследования не требуется согласия подэкспертного.

Предметом СПЭ является изучение конкретных психических процессов, свойств, состояний и механизмов психической деятельности человека, имеющих значение для установления истины по делу (Коченов, 1977, 1980, 2010). Изучение конкретной психической деятельности субъекта судебно-следственных действий не должно ограничиваться лишь простой констатацией, например, уровня интеллекта, объема памяти, структуры личности и т. п. Такое заключение не информативно и не может помочь суду и следствию при решении конкретных задач.

Например, эксперт-психолог, обследуя несовершеннолетнюю (10 лет) жертву полового преступления трехлетней давности, в своем заключении констатировал, что у девочки резко снижен объем памяти. Молодой следователь закрывает уголовное дело, мотивируя тем, что девочка не может быть свидетелем в связи с плохой памятью. По настоянию матери уголовное дело возбудили вновь и назначена повторная СПЭ. В процессе экспертного исследования проводился всесторонний анализ медицинских документов, социальной ситуации развития, личностных особенностей подэкспертной, анализ особенностей ее эмоционального реагирования на ситуацию стресса. Специально изучались межличностные взаимоотношения в семье подэкспертной, так как насильником был неродной дедушка девочки. Анализировались особенности ее гностических и мнемических процессов. Анализ показал, что у девочки действительно снижен объем слухоречевой памяти, что обусловлено стойким церебростеническим синдромом в связи с тяжелым ревматическим заболеванием, однако объем долговременной памяти достаточно высокий. Были выявлены специфические реакции на стрессовую ситуацию, а именно склонность к эмоциональному замыканию, отсутствие склонности ко лжи и фантазированию, высокий уровень развития эйдетической памяти. Психологический анализ стилей семейного воспитания и семейных взаимоотношений не выявил возможности индуцирования случившегося родственниками девочки.

Приведенный выше пример убедительно показывает роль клинико-психологического подхода в процессе данной экспертизы. Клинический психолог, используя

био психосоциальный подход к анализу гностических процессов и личности подэкспертной, не только констатировал снижение у нее объема слухоречевой памяти, но и выявил причину таких нарушений при помощи использования пато- и нейропсихологических методов.

Однако определение предмета СПЭ до сих пор является дискуссионной областью в связи с вопросом о том, является ли предметом СПЭ только психика здорового человека. Большинство отечественных психологов при определении предмета СПЭ предпочитают ориентироваться на понятие «закономерности и особенности структуры и протекания психических процессов, имеющие юридическое значение и влекущие определенные правовые последствия» (Дмитриева, Сафуанов (ред.), 2016, с. 396). В свою очередь, в многочисленных отечественных и зарубежных исследованиях подчеркивается, что качественный анализ психических расстройств возможен только с позиций комплексных био психосоциальных моделей. В связи с этим разрабатываемые психологические и психиатрические подходы к проблеме психических нарушений иногда не имеют выраженных различий и нередко реализуются только при совместных исследованиях. Поэтому комплексные психолого-психиатрические экспертизы имеют право на самостоятельное существование, но объектом их исследования должны являться лица с психической патологией.

Объектом СПЭ является психическая деятельность здорового человека. Однако понятие «здоровье», и особенно «психическое здоровье», весьма относительно. Нередко объектом СПЭ становятся лица с дисгармоничным развитием личности по типу акцентуаций характера или психопатического развития. Кроме того, у многих подозреваемых, свидетелей и жертв могут наблюдаться ситуационные психические травмы. У подэкспертных подростков нередко наблюдаются задержки психического развития различного генеза. И. А. Кудрявцев отмечает, что судебно-психологическая экспертиза направлена на изучение полной нормы, а при наличии пограничных состояний и психических расстройств необходимо проводить комплексную психолого-психиатрическую экспертизу (Кудрявцев, 1988). В целом комплексная экспертиза предполагает одновременное участие в ней различных специалистов: психиатра и психолога. Психиатр выявляет наличие или отсутствие психической патологии, производит диагностику, определяет степень сохранности отдельных сфер личности, а психолог устанавливает, как болезненные изменения повлияли на способность субъекта в полной мере осознавать фактическое содержание юридически значимых действий и сознательно руководить ими (Кудрявцев, 1988). Однако психиатрическая экспертиза может назначаться лишь тогда, когда у суда или следствия имеется обоснованное сомнение в полноценности психического здоровья гражданина (сведения о лечении в психиатрической клинике, справка о психиатрическом диагнозе и т. п.). Ходатайства суда или следствия об *обязательном* назначении комплексной психолого-психиатрической экспертизы в отношении подозреваемого, обвиняемого, свидетеля не соответствуют требованиям Закона о психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании.

Цель СПЭ заключается не в констатации особенностей психической деятельности подэкспертного, а в профессиональной оценке психических процессов, состояний и свойств личности в целом, в психологическом анализе отношения личности к сложившейся ситуации, а также анализе влияния выявленных психических

особенностей на поведение подэкспертного в изучаемой конкретной ситуации деликта. Как справедливо подчеркивал родоначальник отечественной СПЭ М. М. Коченов, «каждая судебно-психологическая экспертиза — это монографическое исследование конкретной личности, психологических механизмов поведения человека в строго определенных условиях» (Коченов, 1977, с. 162).

Специфика экспертного исследования психолога, в отличие от других психологических исследований, заключается в анализе конкретной ситуации как важного фактора, который обуславливает поведение личности. Отсутствие учета ситуационных факторов снижает объективность полученных экспертом данных исследования, а сама экспертиза может быть не принята судом.

СПЭ как научная дисциплина тесно связана с общей психологией и практически со всеми ее отраслями (возрастной, общей, медицинской, социальной, педагогической, юридической). В основу теории и методологии судебно-психологической экспертизы положены фундаментальные положения общей психологии, которые определяют основные **принципы судебно-психологического исследования**. Среди этих принципов можно выделить следующие:

1. *Принцип системного подхода*. Реализация этого принципа направлена на анализ психики подэкспертного в том множестве внешних и внутренних отношений, в котором она существует как целостная система. Оценка психических процессов, психических свойств или состояний личности подэкспертного, а также особенностей межличностного взаимодействия не должна проводиться изолированно, но только по совокупности всех фактов.
2. *Принцип поуровневого анализа*. Данный принцип позволяет рассматривать отдельные подсистемы, отражающие психические феномены (свойства, состояния, процессы), а также определять место и роль любого психического феномена в системе. Важнейшим условием выявления взаимоотношений между различными подсистемами и уровнями в каждом конкретном случае является определение системообразующего фактора, который позволяет объединить их в целостную функционально-динамическую систему (Ломов, 1984). Важность этого принципа можно проследить на модели поведения потерпевшего, которое можно рассматривать как систему, состоящую из трех основных компонентов: преступник — ситуация — жертва (Мамайчук, 1995). На особенности поведения потерпевшего в изучаемой ситуации существенное влияние оказывают как внешние, так и внутренние факторы. К внутренним факторам принято относить когнитивные, энергетические и саморегуляторные механизмы в структуре личности жертвы.
3. *Каузальный принцип*. Этот принцип очень важен при анализе индивидуально-психологических характеристик подэкспертного. Для эксперта-психолога реализация этого принципа заключается в тщательном психологическом анализе каждого полученного в процессе экспертизы феномена. Психолог в процессе проведения экспертизы не только констатирует тот или иной выявленный феномен, но и обязательно анализирует его причину. Например, эксперт-психолог выявляет высокий уровень агрессивности у подэкспертного, который может быть обусловлен как социальными факторами (неблагоприятная макросоциальная обстановка в семье, жестокое обращение с ребенком в школе, в детском доме и пр.), так и биологическими (например, у лиц, перенесших тяжелые че-

репно-мозговые травмы, наблюдается повышенная возбудимость, что является благоприятным фоном для возникновения агрессивных реакций).

4. *Принцип личностного подхода.* Этот принцип включает в себя подход к подэкспертному как к целостной личности с учетом всей ее сложности и индивидуальных особенностей. В процессе психологической диагностики эксперт-психолог анализирует не какую-то отдельную функцию или изолированное психическое явление у подэкспертного, а личность в целом. Этот принцип очень важен также в общении с подэкспертным. Психолог обязан учитывать общий эмоциональный фон субъекта, его установки на экспертизу и эксперта. Соблюдение этого принципа дает возможность оптимизировать психологический контакт с подэкспертным, без которого экспертиза, как правило, малоэффективна.
5. *Принцип динамического анализа личности подэкспертного.* Для реализации этого принципа необходим тщательный анализ особенностей формирования правосознания, личностных установок, ценностных ориентаций подэкспертного на различных этапах его жизненного пути. Соблюдение этого принципа позволяет глубже проанализировать индивидуально-психологические особенности его личности и раскрыть психологические механизмы мотивации его поведения.

Кроме общепсихологических принципов методологический аппарат судебно-психологической экспертизы включает в себя принципы юридической науки, такие как принципы законности, объективности, всесторонности исследования доказательств, справедливости, гуманизма и пр.

Например, *принцип объективности* предполагает дополнительный анализ полученных экспертных данных в процессе всестороннего изучения личности подэкспертного. Эксперт-психолог должен включать в методический аппарат психологической экспертизы взаимопроверяющие и взаимодополняющие методы исследования и сопоставлять полученные данные с характеристиками, представленными в материалах дела, с особенностями поведения подэкспертного в ситуации деликта, в быту, на работе, в преступной группе, в ходе следственных действий и пр. Отдельное внимание психолог должен уделять анализу материалов дела, в которых содержатся отдельные характеристики подэкспертного с места работы, учебы или проживания, а также характеристики свидетелей, полученные в процессе допросов подэкспертного. Психолог должен тщательно их изучить, проанализировать и сопоставить показатели с полученными экспертными данными (Мамайчук, 2002).

Большое значение имеет **классификация видов СПЭ**. Некоторые авторы выделяют два основных вида судебно-психологической экспертизы: СПЭ по уголовным делам и СПЭ по гражданским делам. Такое деление весьма условно, так как в нем не раскрывается специфика экспертно-психологического исследования.

Более дифференцированно предметные виды СПЭ впервые были описаны родоначальником отечественной судебно-психологической экспертизы М. М. Коченовым. Ориентируясь на Уголовный кодекс, автор выделил следующие виды СПЭ:

- СПЭ способности воспринимать важные для дела обстоятельства и давать о них правильные показания;
- СПЭ потерпевших по делам об изнасиловании;
- СПЭ несовершеннолетних обвиняемых;

- СПЭ аффекта;
- СПЭ по делам о происшествиях, связанных с управлением техникой (Коченов, 1980).

Несколько позже Ф. С. Сафуанов предложил еще более дифференцированный и психологически ориентированный подход к классификации видов СПЭ по уголовным делам в зависимости от характера вопросов, решаемых судебно-психологической экспертизой, и юридического значения экспертных заключений:

- экспертиза индивидуально-психологических особенностей (личности) обвиняемого (подсудимого) и их влияния на его поведение во время совершения инкриминируемых ему деяний;
- экспертиза аффекта у обвиняемого (подсудимого) в момент совершения инкриминируемых ему деяний;
- экспертиза способности несовершеннолетнего обвиняемого (подсудимого) с отставанием в психическом развитии, не связанным с психическим расстройством, в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими;
- экспертиза способности свидетеля или потерпевшего правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания;
- экспертиза способности потерпевшей по делу об изнасиловании понимать характер и значение совершаемых с нею действий или оказывать сопротивление виновному;
- экспертиза психического состояния лица, окончившего жизнь самоубийством (Сафуанов, 1998).

Однако наиболее целесообразной, на наш взгляд, может быть *классификация* видов СПЭ *по содержательно-психологической направленности*, в которой рассматриваются ведущие системообразующие факторы, определяющие особенности поведения личности в изучаемой юридической ситуации, а именно: эмоциональные, регуляторные, интеллектуальные и коммуникативные факторы (табл. 2.1).

Важную роль в эффективности судебно-психологической экспертизы играют используемые психологом методы экспертного исследования. Как уже отмечалось выше, психолог и психиатр могут изучать один и тот же объект экспертизы, однако используя разные методологические и методические подходы. В отличие от психологии, психиатрия изучает причины и сущность психических заболеваний. Способ изучения подэкспертного определяется не только поставленными задачами, но и спецификой используемых методов. Психиатрическая экспертиза использует метод психиатрического анализа, посредством которого выявляются нарушения психической деятельности, проводится психиатрическая диагностика этих нарушений. Если выявленные экспертами-психиатрами явления не входят в область психиатрической диагностики, то есть не могут быть определены как патологические, то с подэкспертным начинает работать эксперт-психолог (Дозорцева, 1988).

Традиционно методы психологического исследования принято делить на общие и специальные. К общим методам психологического исследования относятся: психологическая диагностика, прогнозирование, проектирование, методы воздействия. В отечественной психологии большинство авторов ссылается на классификацию, предложенную Б. Г. Ананьевым, который подчеркивает, что целостный цикл современного психологического исследования предполагает систему методов и по-

Таблица 2.1. Классификация видов судебно-психологической экспертизы

Название	Содержание	Задачи
СПЭ эмоциональных состояний личности	СПЭ аффективных деликтов, беспомощного состояния, суицидов	Анализ особенностей эмоциональных реакций и психических состояний участников преступления: подозреваемого, жертвы, свидетеля
СПЭ способности к осознанию своих действий и регуляции поведения	СПЭ малолетних и несовершеннолетних, лиц пожилого возраста на предмет способности осознавать свои действия и руководить ими. СПЭ лиц, страдающих психическими заболеваниями, в рамках комплексной психолого-психиатрической экспертизы	Исследование уровня развития психической зрелости субъекта преступления (подозреваемый, жертва, свидетель). Исследование мотивообразующих факторов, психических функций и поведения. Анализ индивидуально-психологических особенностей, устойчивых черт характера, ведущих качеств личности подэкспертных, имеющих значение для установления истины по уголовному или гражданскому делу
СПЭ когнитивных и личностных особенностей	СПЭ свидетельских показаний лиц разного возраста на предмет развития у них перцептивных, мнемических, мыслительных процессов. СПЭ, связанная с управлением техникой	Исследование особенностей развития психических процессов и специфики их проявлений в изучаемой ситуации
СПЭ межличностных отношений	СПЭ особенностей взаимодействия в преступной группе. СПЭ семейных проблем	Исследование структуры групп, особенностей межличностного общения и внутрисемейных конфликтов, социально-психологических характеристик членов преступных групп

Источник: Мамайчук, 2002.

рядок их применения в соответствии с логикой научного исследования (Ананьев, 2001). Классификация включает в себя различные методы, которые объединены в четыре группы (табл. 2.2).

Многоплановость задач, стоящих перед экспертом-психологом, требует глубокого исследования личности подэкспертного: процесса ее развития, многообразия проявлений личностных характеристик в различных ситуациях. Следует подчеркнуть, что ни один из указанных локально используемых психологических методов не гарантирует достоверных, объективных и ценных данных о личности. Эмпирические исследования последних лет показывают, что надежность используемого инструментария в целом колеблется в пределах от 15 (неструктурированное интервью) до 55 % (тесты на профессиональную компетентность) (Савина, 2001). Таким образом, использования опросников или отдельных тестов далеко не достаточно, так как это не отвечает принципу целостного подхода к личности (Ананьев, 2001).

Таблица 2.2. Классификация методов психологического исследования, предложенная Б. Г. Ананьевым

Основные методы	Их структурные компоненты	Значение
Организа- ционные	— сравнительный; — лонгитюдный; — комплексный	Призваны определять стратегию исследования. От выбора той или иной стратегии исследования зависят подбор конкретных методик, процедура исследования, его конечный теоретический и практический результат
Эмпириче- ские	— обсервационные (наблюдение и самонаблюдение); — экспериментальные (естественный и лабораторный); — психодиагностические (тесты, анкеты); — праксиметрические (анализ процессов и продуктов деятельности); — биографические (анализ фактов, событий жизненного пути, документации, свидетельств и пр.)	Служат для непосредственного сбора фактов и объединяют довольно большую группу методов
Методы обра- ботки данных	— количественный (математическая обработка); — качественные	Перевод качественных данных в количественные показатели: экспертная оценка по шкале, рейтинг, нормирование, а также все формы статистического анализа: — корреляционный, — регрессионный, — факторный, — дисперсионный, — кластерный и т. д. Описание типичных проявлений или исключений из общего правила
Интерпрета- ционные	— генетические (филогенетический, онтогенетический, социогенетический); — структурные (психография, типологическая классификация)	Являются основой для психологической диагностики, важны для психологической оценки степени и тяжести имеющихся нарушений и для дифференцированного подхода к методам психологической помощи

Источники: Ананьев, 2001.

В современной судебно-психологической экспертизе также принято выделять два основных блока методов: *экстенсивные* и *интенсивные*. *Экстенсивные* методы включают в себя биографический метод; метод направленного наблюдения в период экспертизы и других следственных действий; анализ видеозаписей; беседу; глубинное интервью с подэкспертным и его родственниками, сослуживцами, друзьями. К *интенсивным* относятся валидные экспериментально-психологические методы, такие как психометрические методы, функциональные пробы, опросники, проективные тесты. Использование экспериментальных методов в судебно-психологиче-

ской экспертизе ограничено вследствие необходимости соблюдения этических норм и статичности эксперимента, в то время как, по мнению В. Н. Мясищева, реакции личности в настоящем обусловлены историей ее развития в прошлом и перспективой в будущем (Мясищев, 1998).

Практико-ориентированная классификация методов исследования представлена в исследованиях Л. Ф. Бурлачука. Автор рассматривает их с точки зрения трех подходов: объективного, субъективного и проективного. *Объективный подход* к исследованию предполагает использование двух типов методик — для диагностики личностных особенностей и интеллекта, которые включают в себя тесты действия (целевые личностные тесты) и ситуационные тесты. К целевым автор относит все перцептивные тесты. В ситуационных тестах обследуемый помещается в ситуации, схожие с реальными жизненными обстоятельствами. Критериями исследования в данном случае являются успешность (результативность) или способ (особенности) выполнения деятельности. *Субъективный подход* включает в себя диагностику на основе сведений, которые подэкспертный сообщает о себе (самоописания, самооценивание и т. д.), а также диагностику состояний или поведения личности. Данная группа методов включает использование многочисленных опросников (личностные опросники, опросники состояний, анкеты и т. д.). *Проективный подход* осуществляется с помощью диагностики на основе особенностей взаимодействия субъекта с внешне нейтральным, как бы безличным материалом, который становится объектом проекции собственных качеств. Существенными признаками такого диагностического инструментария являются неопределенность, низкая структурированность и т. д. (Бурлачук, 1989, 2008). В экспертной практике необходимо использовать сразу несколько подходов к исследованию личности.

В настоящее время в экспертном исследовании широко используются опросники, базирующиеся на клинико-психологической типологии личности (ММРП), типологии черт личности (тест Р. Кеттелла), характера (ПДО, тест Шмишека), темперамента (тесты Г. Айзенка и Я. Стреляу), опросники для анализа отдельных черт личности (опросник Спилбергера, тест Басса — Дарки и др.), анализа защитных механизмов личности (тест Киллермана — Плутчика) и др. При этом следует помнить, что чрезмерное увлечение опросниками в экспертном исследовании не только не дает полного ответа на поставленные вопросы и может вызвать негативную реакцию со стороны подэкспертного, но и является грубой методологической ошибкой, способной привести к нарушению в том числе этических норм проведения подобного рода исследований (Shaboltas et al., 2020).

Учитывая тот факт, что проведение экспертного исследования почти всегда имеет под собой основание в виде открытого или скрытого конфликта, особую роль в судебно-психологической экспертизе принято отводить проективным методам, среди которых наиболее распространенными являются тест Роршаха, тематический апперцептивный тест (ТАТ), тест Розенцвейга, МАПС (Make-a-Picture-Story Test) и пр. (Горбатов, Горбатова, 2003). Практический опыт работы показывает высокую эффективность использования проективных методов исследования при анализе эмоциональных состояний, мотивации преступления, а также оценки индивидуально-психологических особенностей субъектов преступления в целом (Мамайчук, 1995, 2002, 2011).

В свою очередь, эмпирический материал, полученный в ходе судебно-психологической экспертизы, целесообразно анализировать и обобщать с использованием

метода *экспертных независимых оценок*, разработанного К. К. Платоновым (Платонов, 1986). Обобщение необходимо проводить по следующим направлениям:

- 1) обобщение сведений о личности подэкспертного с использованием результатов социально-психологического и клиничко-психологического анамнеза и характеристик, полученных в ходе экспериментально-психологического исследования;
- 2) обобщение полученных экспериментально-психологических данных и сопоставление их с данными, изложенными в материалах уголовного или гражданского дела;
- 3) психологический анализ конкретной ситуации деликта и особенностей психического состояния субъекта преступления в ситуации деликта;
- 4) сопоставление выявленных личностных характеристик с особенностями поведения субъекта преступления в конкретной ситуации деликта.

При систематизации наиболее информативных свойств личности субъектов преступления, предрасполагающих их к совершению конкретного деяния, целесообразно опираться на концепцию К. К. Платонова о *динамической и функциональной структуре личности*. Для анализа данных с этой точки зрения необходимо выделить наиболее существенные взаимосвязи в иерархии личностных свойств. При этом инвариантные (постоянные) свойства личности обуславливают однородность поведения людей. Индивидуальные свойства свидетельствуют о разнородности человеческого поведения. Как следствие, важной стороной продуктивного исследования личности является комбинирование экстенсивных и интенсивных методов исследования, а также сочетание объективного, субъективного и проективного подходов.

Одним из значимых научных феноменов судебной психологии является понятие внутренней картины преступления (ВКП). В центре ВКП находится психология конкретной личности. В психологическом плане ВКП может рассматриваться как сложный комплекс правосознания, представлений, идей, своеобразно отражающихся в психике преступника. ВКП зависит от особенностей личности преступника, от глубины осознания и переживания содеянного, от положения преступника в семье, обществе, в преступной группе. Основными составляющими внутренней картины проявления преступной деятельности являются: а) объективные проявления преступной деятельности; б) уровни эмоционального реагирования личности на содеянное; в) уровень интеллектуального развития; г) особенности личности преступника; д) жизненный опыт индивида (Васильев, 2001). Психологический анализ ВКП требует не только тщательного подбора *методического аппарата* экспертного исследования, но и качественной *интерпретации* полученных экспертных данных.

Всякое поведение человека, в том числе и антиобщественное, есть форма взаимодействия личности со средой. В этой связи В. Н. Кудрявцев выделяет три этапа формирования антиобщественного поступка:

- формирование личности с антиобщественной ориентацией;
- формирование у субъекта конкретного решения совершить антиобщественный поступок;
- реализация этого решения, включая совершение преступления и наступление вредных последствий (Кудрявцев, 1982).

Экспертное исследование особенностей формирования преступного поведения также принято делить на три этапа. На *первом этапе* экспертного исследования подозреваемых психолог анализирует особенности формирования правосознания, реаль-

ных жизненных ценностей, нравственно-нормативных установок, уровень развития самооценки и притязаний личности, а также индивидуальные свойства личности. На *втором этапе* исследуются психологические особенности способа принятия решений подэкспертным. Принятие решений рассматривается как процесс взаимодействия личностных черт субъекта, его установок, ценностных ориентаций, мотивов поведения с особенностями объективной внешней среды, в которой человек должен действовать (Козелецкий, 1979). При изучении особенностей принятия решений необходим анализ индивидуальных свойств личности в их сочетании с объективной внешней стороной ситуации деликта: затруднительными жизненными обстоятельствами и конфликтом. Поскольку у каждого человека имеются свои индивидуальные комбинации приемов выхода из затруднительной ситуации, что характеризует уровень его адаптации, эксперт-психолог акцентирует внимание на особенностях его реагирования на ситуацию, формы реагирования на фрустрацию, стресс. На *третьем этапе* изучаются особенности реализации поступка, включая совершение поступка и наступление вредных последствий. Эксперт-психолог исследует, в какой степени подозреваемый осознает содеянное, степень его психологического стресса в связи с содеянным, особенности психологической защиты личности.

Особую роль в формировании ВКП играет тип *эмоционального отношения* подэкспертного к преступлению, расследованию и прогнозу своей дальнейшей судьбы, что особенно важно при экспертном исследовании несовершеннолетних. В процессе нашей работы были выделены две группы несовершеннолетних преступников, различающихся по особенностям эмоционального отношения к преступлению. Первая группа — подростки, которые эмоционально недооценивают состав преступления, серьезность прогноза. Такое отношение к преступлению создает у подростка неадекватную модель ожидаемых результатов следствия и суда. Данный тип отношения к преступлению наблюдается у подростков с такими личностными характеристиками, как не критичность, конформность, психическая незрелость. Вторая группа — подростки, которые испытывают глубокие эмоциональные переживания из-за случившегося. У этой группы подростков ВКП приобретает автономность, становится доминирующим образованием и дезорганизует их поведение на этапах следствия и экспертизы. У подростков этой группы наблюдались такие личностные особенности, как высокий уровень невротизации личности, критичность, неконформность, в структуре самооценки преобладал тревожный компонент. Учет эмоционального отношения к содеянному повышает качество экспертного исследования, что важно для оптимизации судебно-следственных действий, в том числе с несовершеннолетними (Мамайчук, 1995, 2002).

Результаты судебно-психологической экспертизы в значительной степени зависят от развития теоретико-методологического аппарата психологической науки, научной обоснованности ее прикладных областей и используемых методов. Вторым, не менее важным фактором, определяющим компетенцию эксперта-психолога, является его специальная профессиональная подготовка. В большинстве стран мира судебно-психологической экспертизой занимаются клинические психологи, имеющие стаж работы не менее пяти лет и прошедшие дополнительную профессиональную подготовку в данной области. Однако на практике нередко к судебно-психологической экспертизе привлекаются лица с юридическим или педагогическим образованием, прошедшие краткосрочные курсы по психологии.

В компетенцию эксперта-психолога входит исследование различных проявлений психики, психических процессов, эмоциональных состояний, индивидуально-психологических особенностей психически здоровых лиц (свидетелей, потерпевших, обвиняемых, подсудимых и т. д.), участвующих в уголовном и гражданском судопроизводстве, а также изучение психических состояний и их изменения под влиянием различных судебно-следственных факторов, раскрытие психологического содержания отдельных юридических понятий, описывающих поведение людей и его внутренние механизмы.

Традиционно к компетенции психологов, занимающихся судебно-психологической экспертизой по уголовным делам, относятся следующие направления:

- установление индивидуально-психологических особенностей личности участников уголовного процесса (подозреваемых, обвиняемых, свидетелей, потерпевших);
- установление уровня психического развития подэкспертных, особенностей когнитивных функций, эмоционально-волевых процессов, влияющих на особенности их поведения в ситуации деликта;
- психологическая диагностика эмоциональных состояний непатологического характера (тревожности, страха, стресса, аффекта и т. п.), которые являются причиной противоправных действий или неадекватного поведения;
- исследование психологических составляющих мотивационной сферы, побудивших субъекта к той или иной противоправной деятельности;
- выявление у несовершеннолетних правонарушителей с признаками отставания в психическом развитии непатологического характера способности осознавать значение своих действий и руководить ими;
- установление способности психически здоровых свидетелей, потерпевших (с учетом их индивидуально-психологических, возрастных особенностей, уровня психического развития) правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания.

В компетенцию судебно-психологической экспертизы также входят вопросы социально-психологической структуры преступной группы, что важно при раскрытии преступлений, связанных с организованными преступными группировками (Коченов, 1980; Костицкий, 1987; Сафуанов, 1998; Васильев и др., 1997; Мамайчук и др., 2009; и др.).

При проведении судебно-психологической экспертизы по уголовным делам имеют место и определенные ограничения. Так, соответственно информационному письму от 2016 года значимые ограничения накладываются на возможность исследования достоверности показаний свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых и связанных с этим вопросов, ответы на которые являются исключительно прерогативой суда (Смирнова и др., 2016).

В гражданском судопроизводстве принято выделять те же направления компетенции психолога, которые используются в уголовном судопроизводстве.

Например, при судебном расследовании вопроса о признании недействительности сделки, совершенной гражданином, обязательно ставится вопрос о способности пострадавшего понимать значение своих действий или руководить ими (ст. 177 ГК РФ); или при причинении субъекту морального вреда ставится вопрос о психическом состоянии пострадавшего, особенностях его эмоционального реагирования

на конфликт, специфике нравственных страданий (ст. 151 ГК РФ). В гражданских делах по семейным проблемам при определении места проживания ребенка, порядка участия в его воспитании отдельно проживающего родителя, целесообразности усыновления, при лишении или ограничении родительских прав, восстановлении в родительских правах, установлении опеки и попечительства (ст. 24, 65–67, 69, 72, 75–76, 146 СК РФ) ставятся вопросы о стилях семейного воспитания и родительских отношениях, степени привязанности ребенка к родителям и т. д. Анализируются особенности психологической совместимости супругов, а также детей с родителями или лицами, их заменяющими; индивидуально-психологические особенности опекунов, попечителей; устанавливаются содержание и психологические причины семейных конфликтов, а также перспективы локализации конфликтов и пр. (Сахнова, 1997б; Сафуанов, 1998; Мамайчук, 2002; и др.).

Кроме того, в компетенцию эксперта-психолога входят вопросы, направленные на определение наличия или отсутствия у лица, управлявшего техническим устройством, психического состояния, существенно повлиявшего на его способность управлять этим устройством (на транспорте, в производстве).

В профессиональную компетенцию эксперта-психолога не входят:

- 1) оценка юридических признаков преступления, юридическая квалификация преступления (например, оценка достоверности показаний, виновность, невиновность, форма и степень виновности);
- 2) моральная оценка личности и поведения подэкспертного;
- 3) решение вопросов медицинской диагностики: в случае наличия у подэкспертного нарушений в психическом развитии, личностных расстройств, тяжелых соматических заболеваний, психических заболеваний необходимо проводить комплексную психолого-психиатрическую экспертизу, а при наличии тяжелых соматических заболеваний — медико-психологическую экспертизу (Васильев и др., 1997);
- 4) вопросы, которые на данном этапе психологической науки не могут быть разрешены (например, анализ парапсихологических явлений, зомбирования, колдовства и пр.) (Сафуанов, 1998);
- 5) использование неапробированных методов исследования личности, основанных на спекулятивных, неизвестных теоретических положениях и гипотезах;
- 6) использование психологических методов, направленных на ретроспективное исследование психических феноменов, относящихся к далекому прошлому, особенно у малолетних и несовершеннолетних жертв и свидетелей сексуальных преступлений;
- 7) исследование психических процессов и состояний, не имеющих юридического значения при тех или иных предметных видах экспертизы. Например, как отмечает Ф. С. Сафуанов, «ошибочно при экспертизе свидетелей выносить в постановление (определение) вопрос о способности подэкспертного правильно понимать характер и значение действий обвиняемого, так как этот вопрос имеет значение только при экспертизе потерпевших по делам об изнасилованиях» (Сафуанов, 1998).

Глава 3

СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА АФФЕКТИВНЫХ ДЕЛИКТОВ

Судебно-психологическая экспертиза аффективных деликтов назначается в тех случаях, когда перед следствием и судом встает вопрос о возможности квалифицировать действия подследственного или подсудимого как совершенные в состоянии физиологического аффекта, что предусмотрено законодателем как смягчающее вину обстоятельство по делам об убийствах и причинении тяжкого или средней тяжести вреда здоровью (ст. 107, 113 УК РФ).

В психологии аффект рассматривается как ярко выраженное кратковременное эмоциональное состояние, сопровождаемое двигательными и висцеральными проявлениями. *Физиологический аффект* (ФА) — такое эмоциональное состояние, при котором подэкспертный вменяем, однако его сознание существенно ограничено. В юриспруденции ФА соотносится с понятием «внезапно возникшее душевное волнение». Связано это с тем, что современный Уголовный кодекс расширил понятие аффекта применительно к квалификации преступлений по соответствующим статьям УК. Это позволяет говорить о составах преступлений, предусмотренных ст. 107 и 113 УК РФ, не только в случае физиологического аффекта в чистом виде, но и при других эмоциональных состояниях, например стрессе, фрустрации и пр. В связи с этим при психологическом анализе причин внезапно возникшего душевного волнения целесообразно ориентироваться на наличие не только физиологического аффекта, но также и других эмоциональных состояний. Понятия «физиологический аффект» и «внезапно возникшее душевное волнение» нельзя отождествлять. Первое из них относится к психологическим категориям, а второе — к правовым и может включать в себя кроме физиологического аффекта иные психические состояния.

Исходя из этого, *предметом* данного вида СПЭ являются особенности протекания эмоциональных процессов в момент совершения подэкспертным действий, сопряженных с уголовно-релевантной ситуацией и имеющих правовые последствия.

Объектом СПЭ является уровень выраженности и глубины проявления эмоциональных состояний (напряжения, стресса, фрустрации, аффекта или иных эмоциональных состояний) у подэкспертного до, во время и после инкриминируемого ему деяния.

Физиологический аффект в психологии рассматривается как эмоциональное состояние, которое может возникнуть у психически здорового человека в ситуации конфликта (Коченов, 1977, 2010; Кудрявцев, 1988; и др.). Как отмечает М. М. Коченов, определение «физиологический» было введено, чтобы подчеркнуть отличие простого, нормального аффекта, часто протекающего на фоне естественных для здорового человека реакций, от патологического. Причины наблюдаемых при аф-

фекте физиологических явлений, как правило, имеют психологическую природу. Таким образом, возможно, правильной было бы назвать физиологический аффект психологическим (Коченов, 1977, с. 126). Автор выделил три механизма возникновения аффекта. *Первый* связан с тем, что аффект возникает вследствие накопления (аккумуляции) у человека отрицательных эмоциональных переживаний. В таком случае «пусковым механизмом» для развития аффективного состояния может стать незначительное отрицательное воздействие, ставшее, образно говоря, «последней каплей». *Второй механизм* — это реакция на одноразовое действие очень сильного раздражителя (оскорбления, угрозы, насилие). *Третий* связан с оживлением ранее образовавшихся следов возбуждения, когда повторное действие раздражителя, вызывающего аффект, было как бы отсрочено на время от нескольких минут до нескольких лет (Коченов, 1977).

Важной особенностью ФА является то, что он воспринимается как необычная, парадоксальная, чуждая личности подэкспертного реакция на конфликтную ситуацию. Зачастую подэкспертный характеризуется положительно на работе и в быту, имеет адекватные социальные установки, высокий уровень самоконтроля. Однако взаимоотношения подэкспертного с потерпевшим, как правило, отличаются конфликтностью, причем конфликт может возникнуть как непосредственно перед ситуацией деликта, так и задолго до нее. В практике различают два вида физиологического аффекта: *классический* и *кумулятивный (аккумулятивный)*. Как при классическом, так и при кумулятивном аффекте возникший конфликт глубоко затрагивает значимые потребности подэкспертного, угрожает его самооценке и системе жизненных ценностей. Важно, что сложившуюся ситуацию подэкспертный переживает как безвыходную, неразрешимую.

Классический аффект — это стремительная, бурно протекающая эмоциональная реакция взрывного характера, которая следует непосредственно перед противоправным действием и длится крайне недолго, после чего наступает спад.

Например, между двумя однокурсниками в учебной лаборатории произошла ссора, во время которой один из них ударил другого в присутствии посторонних по лицу, выразился нецензурно, в том числе и в адрес его девушки. Другой в состоянии аффекта схватил скальпель со столика с инструментами и ударил им в глаз и грудь обидчика, нанеся ему тяжелые ранения, в результате которых обидчик стал инвалидом.

Важной причиной для возникновения аффективных реакций является *наличие конфликтной ситуации*, связанной с психогенными переживаниями субъекта. При анализе ситуации эксперту-психологу необходимо учитывать особенность конфликта, его внешние и внутренние проявления. К внешним факторам принято относить фактор внезапности возникновения конфликтной ситуации (как в приведенном выше примере — внезапное грубое оскорбление). Однако для возникновения аффективных реакций необходимо учитывать и отношение человека к возникшей ситуации, его субъективное восприятие и оценку ситуации, то есть внутренний фактор. Нередко следствие и суд сталкиваются со сложными проблемами анализа причин деликта. Поэтому на этапе предварительного следствия, даже когда неясна конкретная причина преступления, анализ индивидуально-психологических особенностей личности и ее аффективных переживаний будет способствовать выявлению типов аффективных ситуаций и характера психогенной реакции.

Например, молодая женщина, Г., мать тяжело больной дочери, ехала в трамвае из собеса, где она оформляла дочери инвалидность. Слегка пьяный пожилой мужчина, вошедший в трамвай, стал приставать к девушке, которая сидела на первом сидении, и требовать от нее, чтобы та уступила ему место. Девушка была инвалидом, ее костыли лежали на полу, и мужчина их не заметил. Кто-то из пассажиров предупредил скандалиста, что девушка инвалид и имеет право сидеть на этом месте. Мужчина продолжал кричать, оскорблять девушку. Пассажиры пытались успокоить распоясавшегося скандалиста, доказывать ему, что девушка не может стоять в транспорте. Мужчина, увидев костыли, стал называть ее «уродиной», «недоноском» и другими оскорбляющими словами. Девушка плакала, а Г. в течение всего времени молчала, но, услышав эти слова, неожиданно для себя ударила мужчину тяжелой сумкой по голове, в результате чего тот потерял сознание и был госпитализирован. Затем он заявил в прокуратуру, и на женщину было заведено уголовное дело. В процессе следствия женщина вела себя пассивно, на вопросы отвечала неохотно, причину содеянного не объясняла, часто плакала. Была проведена судебно-психологическая экспертиза. Эксперты отмечали гармоничную личностную структуру подэкспертной, ее эмоциональную устойчивость, сдержанность, бесконфликтность. Выявленные личностные характеристики не соответствовали поступку подэкспертной в изучаемой ситуации. Анализ психического состояния подэкспертной в момент деликта выявил выраженную суженность сознания, амнезию. По показаниям свидетелей, подэкспертная в момент деликта выглядела «ненормальной», «она вся побледнела», «неожиданно ударила сумкой по голове», «не пыталась бежать», «была в каком-то ступоре». По заключению психолога, подэкспертная в момент деликта находилась в состоянии физиологического аффекта.

Возникший в трамвае конфликт имел высокую личностную значимость для подэкспертной. Имея дочь-инвалида, она значительно глубже и болезненнее воспринимала возникшую ситуацию. Высокая субъективная значимость конфликтной ситуации стала определяющим условием (пусковым механизмом) в возникновении у Г. аффективной реакции, достигшей глубины физиологического аффекта.

В отличие от классического аффекта при *кумулятивном аффекте* эмоциональные переживания у подэкспертного обычно сильно растянуты во времени — от нескольких месяцев до нескольких лет. В течение этого времени развивается психотравмирующая ситуация, которая обуславливает кумуляцию (накопление) эмоционального напряжения у подэкспертного. Сам по себе аффективный взрыв может наступить и по незначительному поводу, который играет роль «последней капли».

Например, Н., 23 года, проживал с родителями в загородном доме. Отец подэкспертного постоянно злоупотреблял алкоголем, устраивал в доме частые скандалы. Н. «привык» к такому поведению отца, старался сглаживать конфликты, успокаивал мать. Незадолго до деликта у матери была обнаружена злокачественная опухоль молочной железы, возникновение которой врачи связывали с прежней травмой груди. Несколько лет назад отец сильно избил мать, у нее были ушибы в области грудной клетки. Подэкспертный тяжело переживал болезнь матери, постоянно посещал ее в больнице, утешал. В день деликта подэкспертный, приехав из больницы, увидел пьяного отца, который ходил по участку около дома и грубо ругался. Н. сделал замечание отцу, но тот стал ругаться еще больше, оскорблять и угрожать ему. Н. пытался не обращать внимания на крики отца, но, когда отец неслестно отозвался о больной матери, Н. нанес ему множественные удары кулаками и затолкал в гараж. После случившегося Н. ушел к знакомым, сидел у них, затем пришел домой и лег спать. Утром стал собираться на работу и заметил, что отец не выходит во двор и его не слышно в доме. Н. стал искать отца, обратил внимание, что гараж закрыт с внутренней стороны, стал стучаться в дверь, затем вызвал милицию.

По заключению судебно-медицинской экспертизы, смерть отца наступила в результате отека мозга, который возник в связи с множественными ушибами головы, особенно в теменно-затылочной области. Судебно-психологическая экспертиза показала, что у подэкспертно-

го тормозные процессы преобладают над возбуждающими, отмечаются нерешительность, сдержанность, повышенная чувствительность к мнениям и оценкам окружающих, склонность к повышенной фиксации на источнике конфликта. Выявлены высокая фрустрационная напряженность личности в связи со сложившейся жизненной ситуацией (тяжелая болезнь матери, постоянные пьянки и циничное поведение отца). Наблюдаются добросовестность, трудолюбие, высокие нравственные требования к себе. Выявленные личностные особенности подтверждаются характеристиками, представленными в материалах уголовного дела. Аффективные переживания накапливались у подэкспертного в течение длительного времени. Основной формой психологической защиты подэкспертного было вытеснение аффективных переживаний с целью ослабления напряженности. Подэкспертный до деликта много работал, постоянно навещал мать в больнице, много времени проводил с любимой девушкой, которая за неделю до преступления уехала в отпуск, не попрощавшись с ним. Все это способствовало углублению аффективных переживаний у подэкспертного, а грубое поведение пьяного отца явилось «последней каплей» аффективного напряжения, которое произошло в аффективной вспышке, достигшей глубины физиологического аффекта.

Исследования отечественных экспертов-психологов показали, что при классических аффектах аффективные реакции могут возникнуть у лиц с определенными индивидуально-психологическими особенностями, такими как недостаточно устойчивая самооценка, неспособность к быстрому принятию решений в сложных конфликтных ситуациях, эгоцентрические установки. К аккумуляции (накапливанию) аффективных переживаний склонны лица, отличающиеся нерешительностью, социальной робостью, тревожной самооценкой, ригидностью, склонностью к застреванию на источнике конфликта (Кудрявцев, 1988; Печерникова и др., 1983; Мамайчук, 2002).

В процессе СПЭ аффективных деликтов важна психологическая оценка динамики и специфики психического состояния подэкспертного в период самого преступного деяния. Выделяются три основные фазы физиологического аффекта (табл. 3.1).

Снижение произвольности действия является характерным признаком ФА. Как подчеркивает И. А. Кудрявцев, «снижение произвольности действий сопровождается резким усилением их энергетике. Движения становятся стремительными, выполняются непрерывно с большой силой. В этот период лицо способно преодолевать значительные препятствия, развивать усилия, недопустимые в обычном состоянии» (Кудрявцев, 1988, с. 98).

В нашей практике был подэкспертный, отличающийся низким ростом, малой физической силой. В своем доме он застал любимую жену в постели с мужчиной, который был значительно выше и сильнее подэкспертного. По словам свидетеля (жены), он набросился на ее любовника так, что «когда скидывал его с постели, то с огромной силой подбросил его вверх, а затем откинул к двери»; в результате мужчина получил тяжелую черепно-мозговую травму и скончался в больнице.

Эффективная оценка эмоциональных состояний подследственного или свидетеля в значительной степени зависит не только от профессионального опыта психолога, но и от объема информации о личности и поведении субъекта преступления в материалах уголовного дела. К сожалению, при проведении допросов и других следственных действий следователи редко фиксируют свое внимание на особенностях самочувствия, настроения подследственного перед случившимся. В то же время опрос свидетелей о том, как выглядел подследственный перед случившимся и в мо-

Таблица 3.1. Фазы физиологического аффекта

Название фазы	Характеристика	Особенности физического и психического состояния	Особенности поведения	Внешние признаки
Подготовительная	Наличие конфликта, который глубоко затрагивает значимые потребности подэкспертного, угрожает его самооценке и системе жизненных ценностей. Переработка подэкспертным психогенных переживаний	Наращение аффективного напряжения, особенно при кумулятивном аффекте. Сложившаяся ситуация переживается подэкспертным как безвыходная, неразрешимая	Нередко имеет место уход в сепаративное поведения (чаще при кумулятивном аффекте). При пролонгированной психогенной ситуации — уход в работу. В отдельных случаях — аддиктивное поведение (алкоголь, наркомания, игромания и пр.)	Подавленность, нарушение работоспособности, нередко склонность к аутизации. Возможны соматические негативные проявления со стороны сердечно-сосудистой системы, пищеварения, эндокринной системы
Аффективное деяние	Взрывной характер реакции, неожиданной для самого субъекта	Выраженное сужение сознания. Концентрация внимания только на источнике деликта. Интенсивное переживание обиды. Сознание подэкспертного отличается высокой эмоциональной насыщенностью переживаний обиды, гнева, отмечается снижение ориентировки в окружающем, отсутствует реакция на вид крови, крики, стоны и пр.	Поведение подэкспертного отличается выраженной ригидностью (негибкостью), импульсивностью нецелесообразностью. Наблюдается снижение произвольности действия	Выраженные вегетативные реакции и двигательные проявления. Нарушения дыхания (стремительность, импульсивность), нарушение дыхания (учащенность или замедленность), вазомоторные реакции (покраснение, побледнение, расширение зрачков и пр.)
Стадия истощения	Постаффективная стадия	Апатия, вялость, астенические проявления, амнезия (запамятование конкретных действий в период деликта)	При острых психогенных болевых ощущениях подэкспертных испытывают жалость к жертве, раскаяние. При пролонгированных психогенных чаще наблюдается отсутствие раскаяния или жалости после деликта, но нарастает астения, что проявляется в усталости, безразличии	Расширенные зрачки, бледность или, наоборот, покраснение кожи. Возможны замедленная речь, ступор

Источники: Печерникова и др., 1983.

мент деликта, какие особенности в его поведении наблюдались после случившегося, является важной составляющей исследования. При опросе свидетелей эксперт-психолог может предложить следователю задать вопросы такого содержания: «Является ли для вас неожиданным поступок подсудимого?» или «Соответствуют ли особенности личности подсудимого его поступку?» Ответы опрашиваемых следователь заносит в протокол. Еще одна важная составляющая исследования — имеющиеся в материалах уголовного дела характеристики подсудимого, причем не только бытовые и производственные, но также характеристики свидетелей.

В исследованиях экспертов-психологов подчеркивается, что лица, совершившие преступление в состоянии физиологического аффекта, как правило, не отличаются агрессивностью, у них слабо выражена аффективность, они уравновешены и бесконфликтны. Содержательная сторона их деяний не согласуется с их личностными характеристиками (Коченов, 1980; Печерникова и др., 1983; Мамайчук, 1995, 1997, 2002; Кудрявцев, 1988, 1999; Сафуанов, 1998).

Эксперт-психолог в процессе экспертизы должен выявить следующие обстоятельства:

1. События, предшествовавшие совершению преступления: имели ли место насилие, издевательства или тяжкое оскорбление. Состояние физиологического аффекта может возникнуть только при наличии конфликтной ситуации. Конфликты могут быть вызваны как межличностными, так и внутриличностными противоречиями. Межличностные конфликты, как правило, вызваны противоречиями в отношениях с окружающими, в частности с потерпевшим, и связаны, например, с угрозой жизни, здоровью, самоуважению, чести, достоинству субъекта. Внутриличностные конфликты имеют место тогда, когда человек сталкивается с противоречиями в интересах, мотивах, несоответствием внутренних и внешних ценностных установок, нарушениями в системе отношений и пр.
2. Субъективную значимость психотравмирующей ситуации для подэкспертного. Ни одна ситуация сама по себе не может оказывать негативного влияния на психику. Рассматривать ситуацию как психотравмирующую возможно только после тщательного анализа взаимодействия личности и ситуации (Сафуанов, 1998). Восприятие личностью психотравмирующей ситуации необходимо рассматривать в субъективной иерархии значимых переживаний субъекта. Чем более значимы затрагиваемые психической травмой переживания личности, тем более патогенной является психическая травма (Бурлачук, Коржова, 1998).
3. Длительность психотравмирующей ситуации. Может быть обусловлена не только систематическим противоправным или аморальным поведением обидчика, но также особенностями личности подэкспертного (аффективная ригидность, импрессивный тип реагирования на конфликт, уравновешенность, бесконфликтность).
4. Особенности поведения подэкспертного в момент совершения преступления. Как отмечалось выше, поведение подэкспертного часто отличается выраженной ригидностью (негибкостью), импульсивностью нецелесообразностью, а также снижением произвольности действия. Эксперт-психолог, анализируя материалы уголовного дела, должен обращать внимание на показания свидетелей и потерпевших. Как правило, свидетели аффективного деликта часто обращают внимание на двигательные проявления, а именно на стремительность,

импульсивность движений, наличие выраженных вегетативных реакций (учащенное или замедленное дыхание), а также на цвет кожи (покраснение или бледность), расширенные зрачки.

5. Особенности поведения подэкспертного после совершения преступления: помнит ли он обстоятельства случившегося, как выглядел непосредственно после совершения деяния, что делал.

Итак, состояние физиологического аффекта может возникнуть только при наличии аффектогенной ситуации. Можно выделить следующие признаки аффектогенной ситуации:

1. Высокая личностная значимость ситуации для подэкспертного. Это может быть обусловлено психотравмирующим воздействием со стороны потерпевшего не только в форме физического насилия с угрозой жизни и здоровью, но и в виде угрозы самоуважению, чести, достоинству личности.
2. Внезапность аффектогенной ситуации, что обусловлено ее новизной, динамизмом и требует быстрого разрешения.
3. Экстремальность аффектогенной ситуации, когда человек не имеет достаточной информации о происходящем, не имеет опыта решения возникающих необычных, новых для него проблем, а также находится в условиях дефицита времени для принятия решения и его реализации.
4. Реальность аффектогенной ситуации. Как подчеркивал М. М. Коченов, аффектогенная ситуация должна быть *реальной*, а не воображаемой. Восприятие ситуации в значительной степени зависит от системы ценностей личности, особенностей ее функционального состояния в момент случившегося, особенностей психического состояния, предшествующих переживаний и пр. (Коченов, 1980).

Как справедливо подчеркивают В. Ф. Енгальчев и С. С. Шипшин, для возникновения состояния физиологического аффекта обязательны два условия: необходимое и достаточное. Необходимое — это аффектогенный характер ситуации. Отсутствие этого условия исключает возможность возникновения аффекта. Но не каждая аффектогенная ситуация порождает аффект. Физиологическим аффект диагностируется в том случае, когда он включает в себя специфическую динамику и содержание, свойственные физиологическому аффекту. В противном случае, как отмечают авторы, мы чаще всего имеем дело с другими психическими состояниями, такими как стресс, фрустрация. «Об экстремальности ситуации также может свидетельствовать сдвиг в диапазоне эмоциональных переживаний к самому краю отрицательных эмоций (страх, ужас, отчаяние, безвыходность)» (Енгальчев, Шипшин, 2013, с. 99).

Физиологический аффект необходимо отличать от *патологического аффекта*. Субъектом последнего является личность с нарушениями в психическом развитии или психическими заболеваниями. Патологический аффект — это болезненное состояние психики. Если у подэкспертного наблюдаются признаки умственной отсталости, психопатические черты характера, имеются данные о перенесенных им черепно-мозговых травмах или менингоэнцефалитах, психических заболеваниях, назначается комплексная судебно-психолого-психиатрическая экспертиза. Врачи-психиатры определяют состояние вменяемости у подэкспертного на момент совершения преступления. В клинической картине патологического аффекта схематически выделяют три стадии, или фазы: первая — подготовительная, вторая — фаза взрыва и третья — исходная, или заключительная (табл. 3.2).

Таблица 3.2. Фазы патологического аффекта

Фаза	Характеристики	Особенности психического состояния	Особенности поведения
Подготовительная	Психотравмирующие факторы: обида, оскорбление, насилие и пр.	Резко нарастает эмоциональное напряжение. Изменяется восприятие окружающего мира. Нарушается способность наблюдать происходящее, оценивать обстановку и осознавать свое состояние	Сознание ограничено узким кругом представлений, непосредственно связанных с травмирующим переживанием. Все остальное не воспринимается. Начальная фаза без резких границ переходит в фазу взрыва
Фаза взрыва	Напряженный аффект гнева или иступленной ярости мгновенно достигает кульминационной точки расстройства. Аффективный разряд проявляется бурным двигательным возбуждением с автоматическими действиями, бессмысленной агрессией и разрушительными тенденциями	Глубокое помрачение сознания проявляется в резком повышении порога восприятия и полной дезориентировке. На высоте нарушения сознания возможны: иллюзорные представления, функциональные галлюцинации, психосенсорные расстройства	Аффективный разряд проявляется в бурном двигательном возбуждении с автоматическими действиями, в бессмысленной агрессии с разрушительными действиями и деструктивными тенденциями. Наблюдаются выраженные мимические и вегетативно-сосудистые реакции. Лицо резко краснеет или становится необычайно бледным. Черты лица искажаются, чрезмерно выразительная мимика отражает смещение различных эмоций (гнев и отчаяние, ярость и недоумение и т. д.)
Заключительная	Внезапное истощение физических и психических сил	Наступает глубокий сон	В некоторых случаях вместо сна возникает прострация, которая проявляется в общей слабости, вялости, безучастности; безразличии к окружающему и содеянному

Источник: Печерникова и др., 1983.

Информативными признаками патологического аффекта являются:

- глубокое помрачение сознания;
- бурное двигательное возбуждение;
- полная (или частичная) амнезия своих действий (Печерникова и др., 1983).

Следует сказать, что в современном контексте все чаще возникает вопрос о том, что феноменология течения эмоциональных проявлений значительно изменяется и в некоторых случаях может не соответствовать классической картине как физиологического, так и патологического аффекта (Сафуанов и др., 2016, с. 9).

В табл. 3.3 представлены сравнительные характеристики физиологического и патологического аффекта.

Таблица 3.3. Дифференциальный анализ физиологического и патологического аффекта

Признаки	Физиологический аффект	Патологический аффект
Интенсивность	Высшая интенсивность возбуждения	Сверхинтенсивность перевозбуждения
Соответствие причины и следствия	Соответствие вызвавшей причине	Несоответствие вызвавшей причине
Дезорганизация	Значительная дезорганизация сознания («сужение сознания»)	Полная дезорганизация сознания, умопомрачение
Регуляционная составляющая	Несдержанность в действиях	Полная потеря способности отдавать отчет в своих действиях
Мышление	Несвязанность ассоциативных идей, доминирование одного представления	Бессвязное хаотическое сочетание идей
Память	Сохранение отдельных воспоминаний	Амнезия

Источник: Печерникова и др., 1983.

В последнее время в психологии выделяется третий вид аффекта — *аномальный аффект*, диагностика которого входит в сферу комплексной психолого-психиатрической экспертизы. Аномальный аффект наблюдается у пациентов с личностными (психопатическими) расстройствами и у лиц в состоянии алкогольного опьянения. Традиционно утвердилось мнение, что алкогольное опьянение изменяет возможность регуляции поведения. Даже слабое алкогольное опьянение может вызвать глубокое помрачение сознания, что снижает способность субъекта осознавать свои действия и руководить ими. Состояние алкогольного опьянения также способствует снижению критичности поведения, менее эффективной интеллектуальной регуляции поведения. Однако действие алкоголя очень индивидуально и зависит от возраста, общего состояния здоровья, временных функциональных состояний организма и пр. Влияние алкогольной интоксикации на динамику аффекта можно проследить уже на первой стадии развития эмоциональной реакции. Состояние опьянения обуславливает изменение субъективного восприятия и осмысления ситуации, что является одним из условий возникновения аффекта. Вторая и третья фазы аномального аффекта протекают как при физиологическом аффекте. Выраженная степень алкогольного опьянения исключает квалификацию состояния обвиняемого как аффекта, поскольку поведение определяется наркотическим действием алкоголя. В. Ф. Енгальчев и С. С. Шипшин подчеркивают, что собственно физиологический аффект в состоянии алкогольного опьянения возникнуть не может, поскольку алкоголь сам по себе вызывает дезорганизацию психической деятельности человека. С одной стороны, в системе «аффектогенная ситуация — физиологический аффект» появляется новое звено — алкогольное опьянение, что проявляется в повышении субъективизации восприятия и оценки ситуации, в изменении темпа протекания психических процессов, в снижении их продуктивности и пр. С другой

стороны, алкогольная дезорганизация влияет на способность человека контролировать свои эмоции и действия, обуславливает двигательную расторможенность, что, в свою очередь, углубляет негативное влияние экстремальных психических состояний на сознание и психическую деятельность человека в целом (Енгальчев, Шипшин, 1997).

Если в материалах уголовного дела имеются сведения об употреблении подэкспертным до совершения преступления алкоголя, как правило, рекомендуется провести комплексную психолого-психиатрическую экспертизу. Очень важно выяснить мотивы принятия алкоголя субъектом, совершившим деликт. О. Д. Ситковская выделяет четыре типичных случая принятия алкоголя:

- 1) для облегчения совершения преднамеренного преступления;
- 2) для получения удовольствия, причем субъект, зная особенности своего характера и специфического воздействия на него алкоголя, ясно представляет себе возможные последствия, но игнорирует их;
- 3) ситуация, аналогичная предыдущей, но связана не с осознанно-равнодушным отношением к возможным последствиям, а с легкомысленным отношением к ним или нежеланием задуматься о них;
- 4) алкоголь выпит случайно, по ошибке или в результате принуждения.

В первом случае можно говорить о прямом умысле, во втором — о косвенном умысле, в третьем — о преступной неосторожности в отношении последствий содеянного, в четвертом — об отсутствии вины (Ситковская, 1998, с. 184). В каждом конкретном случае необходимо решить вопрос о наличии или отсутствии аффекта у обвиняемого, находившегося в состоянии алкогольного опьянения, особенно в случае легкой степени опьянения.

Как отмечалось выше, Уголовный кодекс расширил понятие аффекта применительно к квалификации преступлений в ст. 107 и 113. Это позволяет говорить о составах преступлений, предусмотренных не только в случае физиологического аффекта в чистом виде, но и при других эмоциональных состояниях, например стрессе, фрустрации и пр. Исходя из этого, следует учитывать, что подэкспертный в момент совершения преступления мог находиться в таком психическом состоянии, которое не достигло глубины физиологического аффекта, но оказало негативное влияние на сознательное регулирование его поведения. Такими эмоциональными состояниями, оказывающими дезорганизующее влияние на поведение человека в ситуации конфликта, могут быть *стресс* и *фрустрация*. Эти эмоциональные состояния, если они диагностируются экспертами-психологами, также могут интерпретироваться юристом как состояния сильного душевного волнения и рассматриваться в качестве смягчающего вину обстоятельства.

В психологии *стресс* понимается как состояние психического напряжения, возникающее у человека в наиболее сложных, трудных условиях как в повседневной жизни, так и при особых экстремальных ситуациях. Ведущей психологической характеристикой стресса выступает напряжение, которое сопровождается изменением интенсивности многих процессов в организме и психике. У некоторых людей в состоянии стресса могут усиливаться эмоции, у людей тревожных, впечатлительных, ранимых, обидчивых может измениться обычный эмоциональный фон. Человек может ощущать и некоторый эмоциональный дискомфорт, не предполагая, что его состояние является стрессом. При этом нередко состояние стресса может

приводить к полной дезорганизации поведения. Различают две основные формы стресса: острый (кратковременный) и затяжной. Объективными признаками, по которым можно судить о стрессе, являются его физиологические проявления (повышение кровяного давления, изменение сердечно-сосудистой деятельности и дыхания, мускульное напряжение и пр.) и психологические (переживание тревоги, раздражительность, ощущение беспокойства, усталость и пр.). Но главным признаком стресса является изменение функционального уровня деятельности. Чрезмерное напряжение, как правило, снижает функциональный уровень субъекта и может способствовать дезорганизации деятельности в целом. Различают физиологический и психологический стресс. Физиологический стресс вызывается непосредственным действием неблагоприятного стимула на организм. Например, мы погружаем руку в ледяную воду, и у нас возникают стереотипные реакции (мы выдергиваем руку из воды). Психологический стресс, как более сложное интегративное состояние, требует обязательного анализа значимости ситуации с учетом интеллектуальных процессов и личностных особенностей индивида. Если при физиологическом стрессе реакции индивида стереотипны, то при психологическом стрессе реакции индивидуальны и не всегда предсказуемы. Возникновение психологического стресса в определенных жизненных ситуациях может отличаться не в силу объективных характеристик ситуации, а в связи с субъективными особенностями ее восприятия человеком. В силу этого обстоятельства невозможно выделить универсальные факторы и ситуации, вызывающие психологический стресс в равной мере у всех людей. Например, даже очень слабый раздражитель в определенных условиях или для определенного субъекта может играть роль психологического стрессора, или даже очень сильный раздражитель или раздражители могут не вызвать стресса (Китаев-Смык, 2009; Серебрякова, 2007). Эти и другие факторы являются очень важными при оценке эмоционального состояния человека, особенно в судебно-следственной практике.

Например, Г., 58 лет, выйдя вечером из квартиры, нанес ножевой удар человеку из компании, которая каждый вечер собиралась под окнами, громко разговаривала, смеялась, пела песни и пр. Это продолжалось в течение двух летних месяцев. Несмотря на неоднократные предупреждения жильцов дома и самого Г., компания продолжала посиделки и мешала дышать окружающим. В последние полтора месяца Г. страдал бессонницей, что было обусловлено напряженной работой, мелкими семейными неурядицами, общим невротическим состоянием в связи с климатическим возрастом.

За несколько часов до деликта Г. пришел домой, у него было плохое самочувствие, ему хотелось выспаться, отдохнуть, и в это время начались привычные возгласы с улицы, заиграла гитара, раздался смех. Г. схватил нож, которым жена резала картошку, и выскочил на улицу. В это время из кустов вышел молодой человек. Г. нанес ему удар ножом в область руки, после этого пришел домой и попросил жену вызвать скорую помощь и милицию. После судебно-психиатрической экспертизы, которая признала Г. вменяемым, была проведена судебно-психологическая экспертиза.

Подэкспертный в контакт вступал легко, охотно отвечал на вопросы, в том числе и относящиеся к материалам уголовного дела. Анализ индивидуально-типологических особенностей выявил достаточную силу нервных процессов, но с преобладанием тормозных процессов над возбуждаемыми. Г. отличался умеренной общительностью, конформностью, высокой степенью нервно-психической напряженности, тревожностью. В бытовых и производственных характеристиках подчеркивается уравновешенность, спокойствие, дисциплинированность, стойкость моральных принципов. Психологический анализ выявил импунитивный тип реагирования на конфликт, что проявлялось в склонности избегать конфликтных ситуаций, замыкаться в себе с целью смягчения эмоционального дискомфорта.

Ситуацию деликта описывал достаточно подробно, амнезии, аффективной суженности сознания не прослеживалось. В момент деликта отмечалось выраженное эмоциональное переживание гнева, обиды, глубокого недовольства. На допросах и в процессе экспертизы подробно описывал, в какой позе находился потерпевший, обозначил место удара ножом. Анализ динамики психического состояния Г. в момент деликта не выявил у него состояния физиологического аффекта.

На наш взгляд, судебно-психологическая экспертиза не должна ограничиваться простой констатацией факта наличия аффекта. Перед экспертом стоит важная задача *установления причинных связей эмоциональных реакций* подэкспертного. Именно описание психологических закономерностей возникновения эмоциональных реакций помогает суду и следствию осветить важные аспекты, отражающие юридическое понятие «внезапно возникшее сильное душевное волнение». Особая сложность при решении этой задачи возникает в случае кумулятивных аффективных реакций, что наглядно представлено в описанном выше случае с Г. Непосредственная, разрешающая причина аффективной реакции у Г. носила лишь провоцирующий характер, а подлинной психологической причиной его поступка являлась вся конфликтная ситуация в целом. Аффективный взрыв у Г. последовал сразу за разрешающим поводом — появлением шумной компании под окнами в полночь, — но рассматривать его изолированно, в отрыве от предшествующих психотравмирующих факторов, которые имели место у подэкспертного, нецелесообразно. Психологический анализ показал, что Г. в течение длительного времени находился в стрессовом состоянии, что было обусловлено множеством причин: неприятностями на работе на фоне хронической загруженности и напряженного трудового процесса; перенесенным незадолго до деликта соматическим заболеванием, что способствовало развитию астенического синдрома; климактерическим возрастом подэкспертного. «Последней каплей» в формировании аффективного напряжения стала хроническая бессонница в связи с постоянным шумом под окнами. Оценка объективной стороны содеянного — задача юриста. Эксперт-психолог анализирует внутреннюю картину деликта, то есть субъективную значимость аффектогенного повода для подэкспертного.

Состояние сильного душевного волнения может быть обусловлено не только стрессом, но и *фрустрацией*, которая определяется как психическое состояние дезорганизации сознания и деятельности человека, вызванное объективно непреодолимыми препятствиями. Несмотря на многообразие фрустрирующих ситуаций, они характеризуются наличием двух обязательных условий: актуально значимой потребности и препятствий для ее осуществления. Поведение человека в период фрустрации может проявляться в различных вариантах: в двигательном беспокойстве, в апатии, в агрессивных и деструктивных реакциях, в регрессивном поведении, что означает обращение к моделям поведения более раннего периода жизни субъекта (Левитов, 2015).

От истинного фрустрационного поведения человека необходимо отличать *псевдофрустрационное поведение*. Главным признаком фрустрационного поведения является нарушение его мотивированности и целесообразности. При псевдофрустрационном поведении сохраняется одна из перечисленных выше характеристик (Василук, 1984). Например, человек находится в состоянии ярости при желании достичь цели. Несмотря на ярость и агрессивность такого человека, его поведение является целесообразным.

Например, двое молодых людей подошли к незнакомому человеку с целью ограбления и попросили его дать прикурить. Незнакомец грубо отказал в просьбе, и они стали его избивать, затем взяли кошелек и убежали. Один из них, который нанес первый удар пострадавшему, утверждал, что тот оскорбил его и он был в слепой ярости. Однако поведение этого молодого человека нельзя рассматривать как фрустрационное, так как он имел определенную цель — ограбить пострадавшего.

Описанное выше псевдофрустрационное поведение характеризуется утратой контроля со стороны субъекта преступления, но оно целесообразно и мотивированно. *Фрустрационное поведение* — это такое поведение, которое недостаточно контролируется ни волей, ни сознанием человека, оно дезорганизовано, и при этом отсутствует содержательно-смысловая связь мотива с ситуацией. При таком поведении свобода осознания и волеизъявления ограничена. В связи с этим фрустрацию нужно исследовать как особое состояние, которое должно рассматриваться юристами как смягчающий фактор, при наличии которого человек не должен нести полную ответственность за совершенное в таком состоянии деяние.

Например, подэкспертная Б., 26 лет, находясь в неприязненных отношениях со своим отцом Д., нанесла ему удар ножом в левую половину грудной клетки, отчего потерпевший скончался на месте. По заключению судебно-психиатрической экспертизы признана виновной, эксперты-психиатры рекомендовали провести судебно-психологическую экспертизу на предмет физиологического аффекта.

Б. вторая дочь в семье, сестра старше на 13 лет. Б. характеризовала свое детство как безрадостное из-за систематических пьянок отца. Старшая сестра тоже пила, в связи с чем отношения с ней были также неприязненные. Окончила восемь классов, ПТУ, имеет двоих детей, на период деликта находилась на седьмом месяце беременности. В материалах уголовного дела отражается наличие длительных конфликтных ситуаций в родительской семье, грубое циничное поведение пострадавшего, постоянные скандалы.

Психологический анализ показал, что основной жизненной потребностью Б. была ее семья: муж, которого она любила, но он жил отдельно из-за скандалов тестя. У подэкспертной диагностирован сильный подвижный тип нервных процессов с преобладанием возбуждательных процессов над тормозными. В структуре личности выявлена эмоциональная неустойчивость, что проявлялось в слабом самоконтроле поведения, в склонности к импульсивным реакциям. Выявлены: самостоятельность, ответственность, доверчивость, настойчивость в достижении поставленной цели. В ситуации конфликта склонна к внешнеобвинительным формам реагирования с повышенной фиксацией на источнике конфликта. Анализ показал стойкую тенденцию к снятию эмоционального напряжения через повышенную раздражительность, аффективность. Наблюдаются слабая саморегуляция и неспособность к поиску адекватных способов разрешения конфликта.

Накануне деликта Б. вернулась домой от свекрови, где проживали муж и старший сын. В доме отца встретила сестру, которая была уже пьяной. Не обращая внимания на родственников, прошла в свою комнату, покормила и уложила спать младшего (1,5 года) сына, затем вывела собаку на улицу. Когда на улице появились отец с сестрой, собака начала лаять и прыгать на сестру. Отец стал кричать, угрожать, что задушит собаку, пинать ее ногой. Подэкспертная ушла в дом, в свою комнату и стала пить чай. Отец продолжал ругаться уже в доме. Подэкспертная мазала ножом булку с маслом, вышла на крики отца, чтобы напомнить ему о спящем ребенке. Отец продолжал кричать, угрожать, обзывать подэкспертную, оттолкнул ее к двери. Б. нанесла ему удар ножом, после чего ушла в спальню к плачущему ребенку. Сначала успокоила ребенка, а затем сказала матери, чтобы она вызвала скорую и милицию.

Анализ показал, что в момент деликта Б. находилась в состоянии высокого нервно-психического напряжения, однако ограничения восприятия, нарушения контроля над ситуацией у нее не наблюдалось. Она утверждала, что почувствовала, как вошел нож, «ощущение

неприятное». Наблюдалось отсутствие нарушения произвольности действий, стереотипии. Б. сама вынула нож из груди отца, услышала плач ребенка, ушла в комнату, чтобы его успокоить, затем попросила мать вызвать скорую и милицию. В постаффективной стадии глубокой психической астении не наблюдалось. Б. ушла к соседке ждать приезда милиции, покурила с соседкой. Услышав плач ребенка, снова ушла его успокоить. Эксперты пришли к выводу, что эмоциональные реакции подэкспертной не достигли глубины физиологического аффекта. Однако сами действия Б. отличались внезапностью и импульсивностью. На особенности поведения Б. в изучаемой ситуации повлияло имеющееся у нее высокое аффективное напряжение в связи с хронической конфликтной ситуацией в семье, а также низкий уровень ее психической адаптации вследствие общей эмоциональной неустойчивости, которая усугубилась беременностью. Высокая фрустрационная напряженность способствовала дезорганизации ее поведения в исследуемой ситуации, существенно ограничивала свободу воли.

Исследование лиц, совершивших преступления в состоянии фрустрации, показывает наличие у них отдельных личностных и поведенческих характеристик, предрасполагающих их к преступлению. Это повышенная эмоциональная вовлеченность в ситуацию, тенденция оценивать свои потребности как высоко значимые, недостаточная адекватность поведения. Повышенная эмоциональная вовлеченность в ситуацию проявляется у них в эмоциональном отклике на любые, даже несущественные стимулы и готовности к эмоциональным ответам на широкий круг стимулов. У Б. за несколько лет до случившегося были неприятности на работе, которые выражались в конфликте с мастером. Подэкспертная никогда не жаловалась вышестоящему начальству на предвзятое отношение мастера к ее работе, пыталась сама выяснить с ним отношения, что значительно усугубляло конфликт. Впоследствии она проявила агрессивную реакцию по отношению к мастеру: кинула в него ящик с заготовками деталей, в связи с чем получила строгий выговор и вынуждена была уйти с работы. Эмоциональная вовлеченность в ситуацию проявляется у фрустрированных лиц не только в агрессивных формах поведения. В некоторых случаях имеет место «уход в себя» (эмоциональное замыкание) для уменьшения эмоционального дискомфорта. В других случаях могут наблюдаться регрессивные формы поведения, то есть возврат к примитивным способам поведения. На специфику поведенческих реакций существенно влияют личностные характеристики, особенно эмоциональная неустойчивость, которая проявляется у субъекта в повышенной чувствительности, эмоциональной раздражительности и возбудимости, в недостатке самоконтроля и тревожной самооценке. Тенденция оценивать индивидуальные потребности как высоко значимые у фрустрированной личности может быть обусловлена как внешними, так и внутренними факторами. Внешними факторами являются препятствия к достижению поставленной цели (например, Б. вынуждена была из-за сложившихся бытовых условий терпеть отца-пьяницу). Внутренний фактор определяется интеллектуальными и личностными характеристиками подэкспертного. Исследования показали, что такие личности характеризуются неадекватной самооценкой, низким уровнем психической адаптации, эгоцентризмом, ригидностью, слабыми коммуникативными качествами. Причем если при физиологическом аффекте и стрессе определяющую роль в развитии этих состояний играет внешний фактор, например испуг, угроза и пр., то при фрустрации — внутренний фактор, то есть личностная структура субъекта.

Итак, состояние фрустрации у субъекта преступления может способствовать возникновению сильного душевного волнения. Дифференциальная диагностика

физиологического аффекта от иных эмоциональных состояний чрезвычайно сложна и требует высокой квалификации эксперта-психолога.

Отдельные авторы в своих работах указывают и на ряд других, более обобщенных психических состояний, таких как эмоциональная напряженность, возбуждение и т. д., которые способны влиять на сознание субъекта в момент совершения криминального действия (Сафуанов и др., 2016, с. 11). Особое внимание при этом, на наш взгляд, следует уделять тем состояниям, которые содержательно близки понятию аффекта. В табл. 3.4 представлен анализ признаков аффективной вспышки и физиологического аффекта.

Таблица 3.4. Дифференциально-диагностические критерии физиологического аффекта и аффективной вспышки, возникшей вследствие фрустрации и стресса

Признаки	Физиологический аффект	Аффективные вспышки
Суженность сознания	Выраженная аффективная суженность сознания, фрагментарное восприятие, неспособность к интроспекции, самонаблюдению	Слабовыраженная аффективная суженность сознания; целостное восприятие, ограниченная способность к интроспекции
Особенности произвольного поведения	Нарушение произвольного поведения; снижение способности контролировать свои действия и руководить ими; наличие двигательных автоматизмов	Относительная сохранность произвольного поведения: частичная способность контролировать свои действия. Отсутствие двигательных автоматизмов и стереотипий
Особенности личности	Несоответствие структуры личности, типа эмоционального реагирования характеру деяний	Аффективные реакции на эмоциональные переживания являются привычными формами реагирования
Динамика ситуации	На начальной стадии — внезапное возникновение и аккумуляция психотравмирующих переживаний. Физическое и психическое истощение после деликта	Отсутствие внезапности, аккумуляция психотравмирующих переживаний по типу «последней капли». Психофизическое истощение отсутствует или слабо выражено

Источник: Мамайчук, 2002.

Итак, аффект как бурный и кратковременный эмоциональный процесс оказывает влияние на сознание и деятельность человека и сопровождается изменениями в двигательной, эндокринной, сердечно-сосудистой и других системах организма. Он снижает возможность человека осознавать фактический характер и значение своих действий и руководить ими и является одним из признаков субъективной стороны преступления. Экспертное заключение о физиологическом аффекте, возникшем у обвиняемого в момент правонарушения, может служить основанием для юридической квалификации противоправных действий как совершенных в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения. В свою очередь, сильное душевное волнение как юридическое понятие не ограничивается только аффектом. В понятии сильного душевного волнения заключена юридическая оценка всей со-

вокупности правонарушения, а в понятии аффекта — характеристика субъективных переживаний и определяемых ими действий обвиняемого. Сильное душевное волнение как юридическое понятие может быть квалифицировано только юристами. Однако нередко оно определяется на основе экспертного заключения о том, что в момент совершения преступления обвиняемый находился в состоянии эмоционального возбуждения, достигшего или не достигшего степени аффекта, а также в состоянии фрустрации или стресса.

Перечислим **типовые вопросы**, выносимые юристом в постановление о назначении судебно-психологической экспертизы эмоциональных состояний.

1. Каковы индивидуально-психологические особенности подэкспертного?
2. Каковы особенности межличностных отношений жертвы и подэкспертного (социально-психологическая характеристика динамики их межличностных взаимоотношений, специфика их конфликта, анализ способов разрешения конфликтных ситуаций до и после деликта и т. д.)?
3. Как выявленные личностные характеристики могли повлиять на особенности поведения подэкспертного в исследуемой ситуации?
4. В каком психическом состоянии находился подэкспертный в момент совершения деликта?
5. Находился ли подэкспертный в состоянии физиологического аффекта или ином эмоциональном состоянии, оказавшем существенное влияние на его поведение?

Глава 4

СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА БЕСПОМОЩНОГО СОСТОЯНИЯ

СПЭ беспомощного состояния может проводиться в отношении любых лиц женского и мужского пола, пострадавших от сексуального насилия. На практике этот вид экспертизы проводится, как правило, в отношении малолетних и несовершеннолетних жертв половых преступлений и подразумевает использование комплексной формы исследования.

Чаще всего данный вид экспертизы проводится в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ). К предмету КСППЭ по определению беспомощного состояния И. А. Кудрявцев относит выявление «таких качеств, психических расстройств, сопутствующих психологических особенностей и обстоятельств, совокупный дизрегулятивный эффект которых определяет невозможность жертвы преступления понимать характер и значение совершаемых с нею действий» (Кудрявцев, 1999, с. 333). В свою очередь, данная проблема не исключает проведения только психологической судебной экспертизы, которая может как являться самостоятельным исследованием, так и проводиться с целью получения ответов на дополнительные вопросы следствия и суда.

Объектом исследования в данном виде экспертизы является анализ уровня выраженности психологических качеств жертвы, оказывающих дизрегулятивный эффект на способность понимания характера и значения совершаемых с нею действий.

В юридической практике предлагаются три варианта классификации беспомощного состояния потерпевших. К ним относятся:

- состояние, которое может возникнуть в связи с психическим заболеванием, когда потерпевшие не дают отчета своим действиям и не могут ими руководить;
- состояние физической беспомощности (болезнь);
- состояние, при котором беспомощность обусловлена обстановкой, например групповое изнасилование.

Окончательное заключение о беспомощном состоянии выносит следствие и суд, ориентируясь на особенности психических нарушений у потерпевших, а именно:

- их способность прогнозировать опасность ситуации;
- способность оценить ситуацию;
- наличие специфических реакций растерянности, страха в экстремальных ситуациях;
- способность к быстрому принятию решений;
- уровень осведомленности в половых отношениях;
- особенности интеллектуальных и эмоционально-волевых нарушений.

Юридическое определение беспомощного состояния означает неспособность жертвы понимать смысл и значение происходящего, когда против нее совершается противоправное действие, а также неспособность оказывать сопротивление насильнику. В этом определении имеются две психологические составляющие, характеризующие структуру феномена. Это интеллектуальный фактор (невозможность осознавать характер совершаемых действий) и волевой фактор (невозможность оказывать сопротивление).

Наибольшую сложность в экспертной практике вызывает вопрос о раскрытии содержательной стороны беспомощного состояния. Например, в какой степени потерпевшие должны понимать характер и значение происходящего, чтобы быть признанными беспомощными? Как правило, вопроса о понимании характера совершаемых действий у взрослых жертв половых преступлений не возникает, если жертва не страдает психическими заболеваниями. Исходя из этого, решение подобных вопросов в судебной психологии принято связывать с другим экспертным понятием — виктимностью.

Судебно-психологическая экспертиза беспомощного состояния проводится только со здоровыми жертвами. Основанием для назначения СПЭ здоровых взрослых жертв половых преступлений являются сомнения следствия или суда в отношении способности потерпевших оказывать сопротивление. Если в материалах дела есть данные об интеллектуальных, эмоционально-личностных расстройствах у подэкспертных, то, как правило, назначается комплексная судебно-психологическая экспертиза (Кудрявцев, 1988, 1999; Кудрявцев и др., 2014; Метелица, 1990; Морозова, 1997; Гусева и др., 2008; Филатов, 2009). В исследованиях Т. Ю. Филатова было показано, что у взрослых потерпевших по уголовным делам, имеющих психические расстройства, наблюдаются различные нозологические формы психической патологии. Наиболее часто наблюдались пациенты с органическими психическими расстройствами (34,4%), умственной отсталостью (26,5%), шизофренией (24,2%), расстройствами личности (10,2%). У 13,3% потерпевших в посткриминальный период были диагностированы психогенные расстройства различной степени выраженности. Проведенное автором клинко-психопатологическое исследование показало, что у 80,5% совершеннолетних потерпевших с психическими расстройствами наблюдалось пассивное виктимное поведение (пассивно-оборонительное, пассивно-безучастное), а также провоцирующее и провоцирующее с агрессией (Гусева и др., 2007).

В отношении несовершеннолетних законодателем установлено, что неспособность понимать значение совершаемых действий у здоровых потерпевших проявляется только в малолетнем возрасте до 10 лет. Однако в связи с высоким уровнем полового просвещения детей и акселеративными процессами ориентироваться только на малолетний возраст потерпевших в настоящее время нельзя. Исходя из этого, в отношении жертв в возрасте 8–12 лет этот вопрос необходимо специально выяснять с привлечением эксперта-психолога, особенно когда расследуются «развратные действия в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста» (ст. 135 УК РФ). При этом наиболее значимым основанием для исследования является не регулятивный, а интеллектуальный компонент.

В нашей практике был случай, когда четыре малолетние девочки в возрасте от 8 до 9 лет неоднократно общались с развратником, который за определенное вознаграждение (конфеты, жевательные резинки и даже кукла Барби по просьбе одной из девочек) принуждал их

рассматривать его половой член и пр. Девочки не рассказывали взрослым о случившемся, и только одна из них (8 лет) рассказала старшей сестре (15 лет), когда принесла домой подаренную развратником куклу. Вскоре развратник был задержан.

В процессе экспертного исследования было выявлено, что уровень сексуальной просвещенности у девочек был достаточно высокий. Они неоднократно смотрели эротические видеофильмы, порнографические открытки, обсуждали сексуальные проблемы между собой. Девочки охотно отвечали на вопросы эксперта, подробно излагали ситуации случившегося. Растерянности и страха при описании действий развратника у них не прослеживалось. Девочки замыкались, когда психолог спрашивал их о вознаграждениях развратника. На вопрос психолога «Почему не рассказали о случившемся родителям?» девочки утверждали, что боялись наказания. В постановлении следователя по данному делу был вопрос: «Могли ли подэкспертные понимать характер и значение совершаемых действий?» При ответе на этот вопрос необходимо разделять категорию понимания и категорию значения. Понимание *характера* действий виновного подразумевает правильное отражение содержательной стороны действий, которое включает в себя уровень информированности в вопросах сексуальных отношений между полами. Анализ показал, что подэкспертные были осведомлены о сексуальных отношениях между мужчинами и женщинами, но в разной степени. Понимание потерпевшим *значения* действий подразумевает также способность улавливать внутреннее содержание ситуации, то есть умение разгадать истинные намерения виновного, оценить возможные последствия случившегося, оценить свое поведение и ситуацию в целом с точки зрения морально-нравственных и правовых норм, то есть полностью *осознать ситуацию* и свое поведение. Анализ показал, что все девочки в силу своих возрастных особенностей воспринимали ситуацию деликта как игру с «незнакомым дяденькой», охотно шли на контакт с ним. Они не могли анализировать ситуацию, свое собственное поведение. Как показал анализ, девочки осознавали только внешнюю картину ситуации и не предвидели последствий случившегося. Например, одна из девочек утверждала, что «дяденьку надо расстрелять». На вопрос психолога «Почему?» отвечала: «Он нехороший, гуляет, где дети играют, показывает глупости, конфеты противные дает, дурачок какой-то».

Чем старше пострадавшие, тем большее значение в экспертной оценке беспомощного состояния приобретает анализ индивидуально-психологических особенностей и их влияния на поведение жертвы. При экспертно-психологическом исследовании подростков, пострадавших от сексуальных преступлений, анализируется не только способность понимать значение и характер совершаемых действий, но и способность оказывать сопротивление. М. М. Коченов отмечает, что факторами, определяющими способность оказывать сопротивление, являются целенаправленность поведения в период деликта и отсутствие таких состояний, как аффект, страх, стресс и другие, способствующие дезорганизации поведения (Коченов, 1980).

Важным фактором, определяющим способность пострадавших оказывать сопротивление насильникам, является их эмоциональное состояние в момент деликта. Возникновение аффективной реакции *страха* часто проявляется в беспорядочных оборонительных реакциях или в заторможенности, что делает поведение неадекватным требованиям ситуации. Я. Рейковский выделяет два типа реакций в стрессовых ситуациях: неспецифические, наблюдаемые в любой стрессовой ситу-

ации, и специфические, обусловленные степенью напряженности ситуации и тяжести угрозы. Неспецифические реакции включают в себя три фазы.

В фазе *мобилизации* у субъекта возникает определенное эмоциональное напряжение, которое положительно влияет на принятие решения. У субъекта усиливается подвижность и гибкость, он достаточно легко находит новые альтернативные решения и предусматривает их последствия. На этой стадии реализуются потенциальные возможности личности.

В фазе *расстройства* уменьшаются пластичность и подвижность мыслительных процессов, отмечаются «глобальные реакции», которые проявляются в выборе слишком общих и неточных вариантов действий.

В фазе *деформации* полностью нарушается организация действий по принятию решений. Человек не способен найти рациональный вариант деятельности, его решения стереотипны, и он не учитывает конкретные условия. В этой фазе принятие адекватных решений практически невозможно (Рейковский, 1979).

Последовательность протекания стадий у человека, находящегося в стрессовой ситуации, зависит как от степени напряженности ситуации, так и от личностных особенностей. В экспертной практике мы наблюдали, что в одинаковых по напряженности ситуациях у одних подэкспертных четко проявляется стадия мобилизации, у других — стадия расстройства или деформации.

Например, О., 15 лет, оказавшись в окружении группы подростков на пустыре, которые угрожали насильем, предложила им поменять место общения, убедила их найти другое место. Подростки согласились отойти, а девушка выскочила на дорогу, остановила машину, и подростки убежали.

У Н., 15 лет 4 мес., в аналогичной ситуации не наблюдалось стадии мобилизации, стадия расстройства вызвала дезинтеграцию ее поведения, и она оказалась жертвой изнасилования.

В процессе расследования половых преступлений и анализа поведения пострадавших юристы и психологи нередко сталкиваются с *виктимным* (способствующим) поведением жертвы. Как отмечает Л.В. Франк, виктимность — это способность стать жертвой преступления при определенных обстоятельствах, или, другими словами, неспособность избежать опасности там, где она объективно была предотвратима (Франк, 1977, с. 22). Как следствие, жертва не оказывает сопротивления там, где это было необходимо.

Анализ различных криминологических подходов к пониманию виктимности (Франк, 1977; Рыбальская, 1978; Ситковская, 1998; Фаргиев, 2009; Малкина-Пых, 2017) показывает несогласованность в определении основных виктимологических терминов и понятий. В криминологических исследованиях представлены классификации различных вариантов виктимности, в которых авторы выделяют общую виктимность, зависящую от социальных ролей, возрастных и гендерных характеристик личности, и специфическую виктимность, которая проявляется в установках, свойствах, атрибуциях личности.

Роль психологических факторов в формировании виктимного поведения также оценивается различными авторами по-разному. Ряд авторов рассматривают виктимность как свойства личности потерпевшего, которые в совокупности или взятые в отдельности при определенных жизненных обстоятельствах способствуют превращению этого лица в жертву преступления (Скрипченко, 1974; и др.). Другие авторы подчеркивают, что виктимность зависит не только от внутренних факторов

(личностного потенциала), но также от конкретной ситуации деликта (Рыбальская, 1975; Котик, 1989; и др.). В работах психологов, направленных на изучение факторов формирования виктимности, подчеркивается роль психологических характеристик в формировании криминальной ситуации и непосредственной реализации преступных деяний (Мамайчук и др., 2009; Мамайчук, 1995, 2002).

К проблеме виктимного поведения нельзя подходить односторонне, рассматривая его только как результат личностного развития жертвы преступления или, наоборот, как результат влияния сложившейся ситуации. При экспертно-психологическом анализе виктимного поведения необходимо учитывать сложную систему взаимодействия трех основных блоков (рис. 1).

Рис. 1. Общая схема взаимодействия в условиях уголовно-релевантной ситуации

В криминологической литературе традиционно выделяются три вида виктимного поведения: случайное, устойчивое и злостное. Устойчивое и злостное виктимное поведение криминологи связывают с повышенной виктимизацией личности, что может проявляться в провоцирующем поведении жертвы.

Проведенное нами экспертно-психологическое исследование 85 несовершеннолетних жертв сексуальных преступлений в возрасте от 10 до 18 лет показало, что у 53 из них (62,3 %) наблюдалось *случайное* виктимное поведение. Это проявлялось в пассивно-подчиняемом и пассивно-оборонительном типах поведения. Подавляющее большинство составляли девочки, но было и три мальчика, в возрасте от 10 до 14 лет. У всех обследуемых с пассивно-подчиняемым поведением наблюдались выраженные нарушения психической адаптации. У жертв с пассивно-оборонительным типом поведения, что проявлялось в некоторых попытках противостоять насильнику (убежать, отвлечь разговорами, закричать и пр.), также наблюдался сниженный уровень психической адаптации, но более высокий уровень сексуальной просвещенности (когнитивный блок).

У 24 жертв (28,2 %) было выявлено *устойчивое* виктимное поведение. Это проявлялось в различных видах взаимодействия жертвы с преступником, например совместное распитие спиртного, в заигрывании с ним, в речевом общении и пр. Подавляющее большинство из них — это девочки второй возрастной группы (с 14 до 18 лет), причем трое из них были жертвами повторного изнасилования. Анализ показал, что в структуре личности у них наблюдались такие базальные характеристики личности, как повышенная внушаемость, конформность. Их поведение в период деликта отличалось выраженной противоречивостью. Например, на фоне пассивно-подчиняемого поведения наблюдались агрессивные и аффективные поступки, потерпевшие могли выпивать, курить вместе с насильником, нецензурно выражаться, нередко проявляли сексуальный интерес. Жертвы этой группы чаще подвергались групповому изнасилованию, причем 33,3 % были раньше знакомы с насильником или его друзьями.

Злостное (провоцирующее) виктимное поведение наблюдалось у восьми (9,4 %) обследуемых девушек второй возрастной группы. При этом у двоих из них субъектами их провокаций были сожители матерей, у остальных — знакомые юноши. В структуре личности этих девушек четко прослеживались такие особенности, как активность, самостоятельность, высокая самооценка. У шести из них наблюдался неоднократный опыт сексуального общения (Мамайчук и др., 2009).

Для того чтобы учесть все возможные факторы виктимного поведения, в экспертном исследовании рекомендуется использовать классификацию Н. Б. Морозовой, ориентированную на клинико-психологические особенности жертвы сексуального насилия и ее поведения (табл. 4.1).

Таблица 4.1. Типы поведения жертв сексуального насилия по Н. Б. Морозовой

Тип поведения	Особенности
Активно-оборонительный	Оказание жертвой активного сопротивления насильнику на протяжении всей ситуации деликта; крики о помощи, сопротивление, защита в форме агрессивных реакций, укусы, царапание и пр., привлечение внимания окружающих и т. д.
Пассивно-подчиняемый: — пассивно-оборонительный; — безучастный	Снижение двигательной активности у жертвы, робкие попытки противостоять насильнику; пассивное подчинение и выполнение всех требований посягателя
Псевдопровоцирующий	Стремление к взаимодействию с насильником, установление с ним речевого контакта, кокетство, проявление интереса сексуального характера вплоть до прямого поощрения сексуальной активности и сексуальной расторможенности, а также совместное употребление алкогольных напитков и эйфоризирующих средств
Неустойчивый	Отсутствие четкой линии поведения, крайняя изменчивость поступков и высказываний, противоречивость действий, смена периодов пассивно-подчиняемого, псевдопровоцирующего и активно-оборонительного поведения

Источник: Гурьева (ред.), 2007, с. 341.

Ситуация экспертизы подразумевает анализ поведения не только жертвы, но и самого насильника. Это приобретает особую актуальность, когда поведение жертвы является устойчивым и провоцирующим.

Исследования 32 насильников в возрасте от 17 до 52 лет показали, что часть из них (12,3 %) не полностью осознавали свои действия. Также значение имеет гармоничность или дисгармоничность личностной структуры подозреваемого, уровень его самооценки, особенности волевой регуляции поведения, уровень сексуальной просвещенности и морально-этических установок (Реан, 1990; Мамайчук и др., 2009).

В целом, учитывая многофакторность феномена внутренней картины виктимного поведения (ВКВП), в процессе экспертного анализа необходимо обратить внимание на следующие параметры:

- 1) данные о структуре личности с использованием результатов социально-психологического анамнеза, педагогического наблюдения и эксперимента;

- 2) особенности состояния и поведения потерпевшей (потерпевшего) в конкретной ситуации деликта;
- 3) психологические характеристики подозреваемого (насилъника).

Полученные данные анализируются на основе всестороннего сопоставления перечисленных выше факторов с обязательным учетом потенциальных и компенсаторных возможностей личности потерпевшей (потерпевшего).

На первом этапе необходимо исследовать эмоциональные, когнитивные и поведенческие характеристики жертвы.

Эмоциональный блок включает в себя анализ особенностей психического состояния и психической адаптации (ПА) жертвы. В наших исследованиях на основе комплексного изучения несовершеннолетних жертв сексуальных преступлений были выделены три группы жертв с различным уровнем адаптивных проявлений: стойкая дезадаптация, неустойчивая адаптация и эффективная адаптация.

У пострадавших со *стойким нарушением ПА* наблюдались низкая способность к интеграции поведения, высокая степень конформности, социальная робость. В ситуации конфликта у них наблюдались выраженные дезадаптивные реакции, что проявлялось в повышенной фиксации на источнике конфликта, в тенденции «ухода в себя» с целью смягчения эмоционального дискомфорта. Несформированность базальных и программирующих свойств личности у жертв этой группы способствовала формированию неадекватных способов защиты от насилъника. В процессе деликта большинство насилъников принимали поведение жертвы как добровольное согласие, и отсутствие активного сопротивления со стороны жертв в значительной степени провоцировало их на преступление.

Например, Л., 14 лет, вечером, гуляя с подружкой по поселку, познакомилась с тремя военнослужащими, которые завели ее в лес и изнасиловали в извращенной форме. Девочка вернулась домой, легла спать, родителям ничего не рассказала о случившемся, но поделилась с подружкой, которая затем рассказала своим родителям, в результате было возбуждено уголовное дело. У подэкспертной были обнаружены низкий уровень психической адаптации и высокая степень фрустрационной напряженности личности. Выявлены стойкие личностные особенности, снижающие пороги фрустрации: высокая степень конформности, низкий уровень самоконтроля поведения, эмоциональная неустойчивость. Высокие показатели по фактору тревожности свидетельствовали о преобладании тревожно-депрессивного фона настроения, склонности недооценивать свои возможности, склонности к самоупрекам. На этапах следствия девочка замыкалась, обвиняла себя в случившемся, стремилась уклониться от описания важных для следствия обстоятельств.

У жертв с *неустойчивой ПА* наблюдалась достаточная организация как базальных, так и программирующих свойств личности. Это способствовало эффективной интеграции поведения, образованию стабильных поведенческих стереотипов в повседневной жизни. В структуре личности у них наблюдались высокие показатели тревожности, что способствовало возникновению страха в ситуации деликта. Поведение таких жертв отличалось пассивно-оборонительной позицией, отмечались растерянность, скованность, что снижало возможность оказывать более активное сопротивление.

Например, А., 15 лет, вместе с тремя подружками после дискотеки поехала на машине с незнакомым юношей на «день рождения». Девушек привезли в баню в загородном доме, там оказалось более десятка незнакомых мужчин, которые были в нетрезвом состоянии. Мужчины посадили девушек за стол, угощали их вином. А. отказалась выпивать, просила от-

пустить ее домой. На ее глазах двое мужчин увели ее подругу в душ, и вскоре оттуда стали доноситься крики о помощи. Один из мужчин предложил А. вступить с ним в половую связь и после ее отказа совершил с ней половой акт насильственно. Вскоре мужчины стали уходить, так как одна из девушек убежала и насильники испугались приезда полиции. Двое мужчин посадили А. в машину и привезли в гостиницу. Администратор обратила внимание на растерянную девушку, но А. не пожаловалась и не просила о помощи. В номере девушка была вновь изнасилована в простой и извращенных формах.

Структура личности А. отличается достаточной гармонией. Наблюдается высокая тревожность. В показаниях свидетелей подчеркивается, что А. «уравновешенная, морально-устойчивая... Но тревожная... тревожится за оценки, перед выступлением в классе и пр. ответственная, доброжелательная...». Представленные характеристики согласуются с данными психологического обследования.

У жертв с *эффективной ПА* наблюдалась достаточно гармоничная структура личности, что проявлялось в интегрированном поведении не только в повседневной жизни, но и в ситуации деликта. Они отличались стеничностью, активностью, разнообразием защитных реакций. Высокое развитие программирующих свойств личности, таких как самореализация и саморегуляция, способствовало адекватной оценке угрожающей ситуации и выработке адекватной стратегии поведения в момент деликта. Негативное влияние на специфику их поведения в момент деликта могут оказать такие факторы, как: интенсивность ситуации (высокая активность насильника), неожиданность (неожиданное поведение насильника по отношению к жертве), а также угроза жизни со стороны насильника.

Итак, анализ уровня психической адаптации важен при экспертной оценке беспомощного состояния.

Экспертное исследование жертв сексуальных преступлений включает также обязательный анализ жизненного опыта потерпевшей, уровень ее сексуальной просвещенности, нормативно-ценностные ориентации, что во многом определяется особенностями семейного воспитания. Наши исследования показали, что у жертв сексуального насилия нередко отсутствуют эмоционально-доверительные отношения с родителями, а воспитание со стороны родителей строится по типу повышенной моральной ответственности. Такие девушки отличаются излишней добросовестностью, склонностью к чрезмерному соблюдению правил поведения. Они охотно откликаются на провоцирующие просьбы насильников, например сесть в машину, чтобы показать дорогу, зайти в квартиру, чтобы помочь кому-то, и пр.

Не меньшее значение имеет и уровень психосексуального развития жертвы. В практике выделяются три уровня развития юношеской и подростковой сексуальности:

- когнитивно-оценочный, когда подростки имеют представление о сексуальных взаимоотношениях людей из книг, интернета, фильмов, обсуждения проблем со сверстниками;
- эмоциональный, при котором у подростка наблюдаются эротические фантазии, сны, переживания;
- поведенческий, при котором наблюдаются мастурбации, сексуальные игры, сексуальные связи (Кон, 1979).

Следует отличать психосексуальное развитие от полового созревания. Половое созревание — это сложный биосоциальный процесс, экспертная оценка которого требует обязательного участия врача, психолога и других специалистов.

Особенности поведения жертв определяются не только уровнем их психической адаптации, но также особенностями психосексуальной зрелости, сформированностью саморегулирующих компонентов поведения. К последним относятся уровень самооценки, самоуважение, степень волевой регуляции поведения, уровень социальной активности и самостоятельности личности. Важным регулятором поведения личности является уровень развития ее самооценки. У подавляющего большинства жертв наблюдается неадекватная самооценка, которая проявляется в неадекватно заниженной, неадекватно завышенной или «тревожной» самооценке. У девочек с заниженной самооценкой в исследуемых ситуациях наблюдались наиболее выраженное ограничение активности, неуверенность в своих силах, высокая степень психической напряженности.

Например, Н., 12,5 лет, вместе с братом гуляла вечером во дворе; к ней подошел незнакомый мужчина и попросил позвонить его знакомой женским голосом, после согласия девочки завел ее в сарай и изнасиловал. После случившегося девочка вернулась во двор, постояла с подругами, затем пошла домой. Дома бабушка обратила внимание на необычный вид внучки: грязное пальто, лицо в пятнах, мятая юбка. По настоятельной просьбе бабушки девочка рассказала о случившемся. Психологический анализ выявил неадекватную, заниженную самооценку у потерпевшей, низкий уровень активности в ситуации конфликта, высокую конформность. В характеристиках педагогов подчеркиваются робость, неумение отстаивать свою точку зрения, безынициативность. Девочка характеризует себя как неудачницу, неумную, неприспособленную.

У жертв с завышенной самооценкой наблюдаются отсутствие критичности, склонность к риску, тенденция брать на себя задачи, превышающие их возможности.

Например, Л., 14 лет, поздним вечером возвращалась из города в спортивный лагерь. Водитель «Москвича» предложил ее подвезти. Девушка охотно согласилась. По дороге слушали музыку, разговаривали, курили. В двух километрах от лагеря водитель остановил машину и изнасиловал девушку. До лагеря она добралась пешком, легла спать, никому не рассказала о случившемся. Через месяц поделилась с подругой, пошла на обследование к гинекологу в связи с подозрением на венерическое заболевание. После осмотра у специалистов обратилась в полицию. Психологическое обследование выявило высокую общительность, социальную смелость, самостоятельность в решении сложных задач, завышенную самооценку, самоуверенность. В ситуации конфликта преобладают внешнеобвинительные реакции, самостоятельно находит рациональные способы разрешения конфликта. На вопросы экспертов об обстоятельствах дела утверждает, что надеялась справиться с насильником, что неоднократно находилась в аналогичных ситуациях, но все обошлось благополучно.

Нередко у пострадавших наблюдается повышенная тревожность в области представлений о себе, и тогда относительно нейтральные ситуации могут оказывать влияние на самооценку субъекта.

Например, О., 12 лет, после переезда в другой город поступила в школу, где чувствовала себя поначалу очень скованно, так как одноклассники относились к ней недружелюбно. Девочка переживала это, пыталась утвердить себя в классе с помощью распространения порнографических открыток, рассказов о своих былых «похождениях». Этим вызвала интерес у мальчиков старших классов, с одним из них вступила в интимные отношения, затем по его настоятельной просьбе вступала в половые контакты с его друзьями. На протяжении года мальчики преследовали пострадавшую, в случае отказа от контактов избивали ее. Девочка рассказала о случившемся матери, и было возбуждено уголовное дело. Специальный анализ показал, что у подэкспертной отмечалась высокая чувствительность к оценкам однокласс-

ников, высокая самооценочная тревожность. Девочка обнаруживала полное непонимание социальных и биологических последствий случившегося, в процессе изнасилования не оказывала должного сопротивления. Ее больше волновало неуважительное отношение одноклассников и насильников к ней: угрозы, избиения, насмешки и пр. Полное непонимание мотивов собственного поведения тесно связано у пострадавшей с неадекватной самооценкой, что приводило к снижению самоконтроля.

В процессе экспертного исследования нередко возникают задачи анализа тех побудительных сил, скрытых в мотивационной сфере жертвы, которые способствовали ее виктимному поведению. Кропотливый анализ мотивационной сферы личности потерпевшей, ее потребностей с учетом ее индивидуально-психологических особенностей и своеобразия ситуации деликта способствует раскрытию истинных мотивов поведения.

Например, М., 15 лет, была изнасилована группой подростков и военнослужащим в строительной бытовке, куда пришла вместе с подружкой «пообщаться со знакомыми ребятами». После совместного распития спиртного с ней по очереди совершали половые акты шесть человек. О случившемся М. никому не рассказала, а на следующий день вновь пришла в бытовку, чтобы выяснить отношения с насильниками. Подростки стали смеяться над ней, цинично отзываться о ее поведении. Это обидело девушку, и она обратилась в полицию. Психологический анализ показал, что личностные особенности М. характеризуются противоречием и дисгармонией. Это проявлялось в психологической нестабильности, в невротическом типе реакций на ситуации конфликта. Выявлена акцентуация характера по лабильному типу, что проявлялось в неустойчивом настроении, в высокой потребности к сопереживанию. С другой стороны, у девушки отмечались желание утвердить себя любыми способами, социальная смелость, самостоятельность в решении сложных жизненных проблем. Для устранения психологического дискомфорта пострадавшая пошла на компромисс, который заключался в изменении методов действия, в постановке замещающих целей. М. была влюблена в одного из членов этой подростковой группы, появилась в бытовке с целью увидеть возлюбленного, но он ушел с ее подружкой в другую бытовку. Экспертный анализ показал достаточно высокий уровень сексуальной просвещенности у девушки, ранее она имела половые контакты со сверстниками. Она понимала и осознавала значение совершаемых с нею действий. Однако, вследствие своеобразия ситуации, в которой оказалась (угрозы со стороны насильников, методы физического насилия), она не могла оказывать активного сопротивления насильникам.

В процессе судебно-психологической экспертизы беспомощного состояния эксперт-психолог должен учитывать *отношение подэкспертных к случившемуся*, особенности проявления психологической защиты личности, что зависит от возрастных, индивидуально-психологических и личностных особенностей подэкспертных. Нередко у подростков — жертв сексуальных преступлений наблюдаются реакции оппозиции и негативизма на допросах и в ходе других следственных действий, что часто задерживает разбирательство, а иногда и вводит в заблуждение судебно-следственные органы.

Например, Ж., 15 лет, подвергалась неоднократному групповому изнасилованию подростками, но в течение полугода никому не рассказывала об этом. Девушка пыталась покончить жизнь самоубийством после очередного изнасилования, но была остановлена насильниками. У подэкспертной наблюдались типичные для ее личности способы реагирования на экстремальные ситуации: уйти в себя, замкнуться, разрешить конфликт самостоятельно, без посторонней помощи. Такое поведение мы рассматривали как защитные реакции на стрессовые ситуации с целью устранения тревожности и психических травм. На этапах следствия девушка часто замыкалась, не желала раскрывать для следствия важные обстоятельства. Од-

нако она рассказала о случившемся некоторым одноклассникам. Защитными механизмами у подэкспертной были, с одной стороны, рационализация пережитого, то есть попытка доказать одноклассникам с целью самоутверждения, что ее поведение являлось рациональным и оправданным; с другой стороны, эмоциональная изоляция, то есть замыкание в себе, пассивность при защите от нанесенной обиды. Такое противоречие защитных механизмов свойственно некоторым подросткам и обусловлено дисгармоничной структурой их личности.

В целом анализ поведения жертвы всегда требует соотнесения выявленных личностных характеристик субъекта со структурой объективной ситуации случившегося. Изучение ситуаций по материалам уголовного дела, опросов жертвы и свидетелей дает важную информацию о поведении жертвы, способах ее защиты (Васильев и др., 1997; Мамайчук, 2002).

В процессе направленной беседы эксперт-психолог уточняет особенности психического состояния подэкспертных в ситуации деликта. Однако пострадавшие, как правило, испытывают затруднения при вербальном описании того, что они испытывали. В связи с этим целесообразно использовать цветоассоциативный эксперимент (Мамайчук, 1995; Васильев и др., 1997). На основе цветового выбора пострадавшей предлагается оценить свое состояние в исследуемых ситуациях. Полученные в эксперименте цветовые маркеры поведения анализируются с точки зрения цвета, его символического значения. Эти результаты могут дать важный материал для анализа психического состояния личности в исследуемой ситуации. Такие данные можно использовать как дополнительную информацию об активности жертвы в исследуемой ситуации, о ее отношении к насильникам, о специфике ее психического состояния (тревоге, фрустрации, стрессе, дискомфорте, напряженности и др.). Этот методический прием очень важен для структурного анализа состояния беспомощности пострадавшей (Васильев и др., 1997).

Особую значимость в психологическом анализе виктимного поведения жертвы приобретает анализ защитных механизмов личности. Защитные механизмы психики, или механизмы психологических защит, — это бессознательные модели поведения, направленные на сохранение психического здоровья и внутренней гармонии личности, которые нивелируют последствия травм, конфликтов и негативных переживаний субъекта. Особое значение анализ защитных механизмов личности жертвы приобретает при изучении особенностей восприятия ситуации деликта со стороны субъекта. В свою очередь, в психологической литературе показано, что в основе восприятия и понимания человека человеком лежат различные психологические механизмы, которые могут быть ответственны за искажение восприятия личности другого человека и его поступков. Например, установлено, что чаще всего человек не столько познает, сколько приписывает причины поведения другому человеку, в основном опираясь на собственный опыт и проецируя свои личностные особенности на других людей. Наиболее часто механизмы проекции проявляют себя в детском, подростковом и раннем юношеском возрасте. Как следствие, нередко подростки или юноши не придают значения совершенному насилию, объясняя это тем, что подэкспертная не оказывала необходимого сопротивления, не звала на помощь, не сопротивлялась насилию и пр.

Например, С., 15 лет, в присутствии своего приятеля совершил половой акт с одноклассницей в школьном туалете. У С. наблюдались выраженные признаки физической акселерации, что проявлялось в высоком росте, в атлетическом телосложении, в уверенном муж-

ском голосе. Подросток выглядел на три-четыре года старше своих сверстников. Уровень психосексуального развития высокий, сексуальные контакты с 13 лет с девушками и женщинами старше по возрасту. В структуре личности С. выявлены эмоциональная устойчивость, эгоцентризм, доминантность. Выявлена акцентуация характера по гипертимному типу. Выраженных агрессивных тенденций не прослеживалось. В классе пользовался авторитетом. В беседе с экспертом-психологом утверждал, что на перемене вместе со своим другом предложил К. прогуляться по школе. Компания зашла в ремонтируемый зал, и С. совершил половой акт. К. не сопротивлялась, «улыбалась», что подтверждал его приятель. Анализ личности С. показал, что основным защитным механизмом личности у него является проекция, что проявлялось также в трудностях аффективного контроля и эмоциональной нестабильности. Кроме того, высокий уровень использования проекции как механизма психологической защиты в целом препятствовал личностному развитию С.

К., 15 лет, никому не рассказала о случившемся, раньше ушла с уроков, но дома у девочки началась истерика, свидетелем которой был старший брат. Выяснив, что случилось, брат К. пошел разбираться с обидчиками. Около школы брат избил обидчиков, в связи с чем оказался в полиции и объяснил причину драки. Обидчики были задержаны и допрошены. Подростки не отказывались от содеянного, но утверждали, что К. не возражала, улыбалась, молчала, не оказывала никакого сопротивления.

Структура личности у К. характеризуется достаточной гармоничностью, эмоциональной устойчивостью. Общительна. Уровень интеллектуального развития достаточно высокий, что подтверждалось школьными успехами. Обращают на себя внимание импрессивные реакции на ситуацию конфликта с тенденцией к эмоциональному замыканию. В процессе экспертизы и беседы с психологом по материалам дела у девушки наблюдалась улыбка на фоне дрожащих рук, взволнованного голоса. Однако в цвето-ассоциативном эксперименте отражалось состояние безысходности, разочарования, страха, вины и стыда. Со слов матери: «У К. такое лицо, и всем кажется, что она улыбается... это у нее с детства, даже когда ее ругали...» На эту особенность обратили внимание и педагоги, которые отразили этот факт в характеристике. С насильником К. обучалась в одном классе, она не отрицает, что он ей нравился, но никаких отношений, кроме переписки, у нее с ним до этого случая не наблюдалось.

Данный пример отражает искаженную интерпретацию насильником особенностей поведения жертвы в ситуации деликта, что обусловлено трудностями самоконтроля и его личностными характеристиками: эгоцентризмом, доминантностью, гипертимностью. Высокий уровень использования проекции как механизма психологической защиты препятствует процессу личностного развития.

То же самое можно сказать и о жертве преступления. Нарушения в структуре защитных и саморегулирующих механизмов личности (самооценки, самостоятельности, уровня активности) могут вести к повышению виктимности жертвы. Такие жертвы нередко сами создают для себя ситуацию угрозы или находят ее, вследствие чего становятся неоднократными жертвами сексуальных преступлений.

Например, Н., 22 года, впервые была изнасилована в возрасте 18 лет на курорте во время отпуска. После танцев молодой человек пригласил ее прогуляться по городу, предложил зайти в общежитие, где он проживал, и вместе со своим приятелем изнасиловал девушку в простой и извращенной формах. О случившемся девушка никому не рассказала, так как насильник извинился перед ней и просил молчать. Вскоре после случившегося девушка познакомилась с парнем, с которым начала сожительствовать. Через четыре года была изнасилована вторично группой молодых людей, работающих в кооперативных ларьках. После ссоры с подругой девушка ночью пошла домой через территорию парка, услышала крики женщины о помощи, ей послышался голос подруги, и она побежала к месту крика. По дороге девушка встретила подвыпившего парня, который стал приставать к ней и ударил ее в лицо. Н. испугалась и убежала от него. Затем ей повстречалась группа молодых мужчин, которые

стояли около машины, и она попросила их подвезти ее до дому. В машине молодые люди поочередно совершили с ней половой акт в извращенной форме. Затем молодой человек, который был за рулем, остановил машину, повел девушку к кустам и там совершил с ней неоднократные половые акты. Мужчины отвезли девушку в принадлежащий им ларек и там совершали поочередно половые акты в простой и извращенных формах. Утром мужчины отпустили девушку, и она пошла к подруге, так как потеряла ключ от квартиры, приняла ванну и после этого рассказала подруге о случившемся. Подруга уговорила Н. написать заявление о случившемся в полицию.

В структуре личности подэкспертной были выявлены такие особенности, как сбалансированность тормозных и возбуждающих процессов, повышенная внушаемость, склонность к зависимому поведению. Специальный анализ показал недостаточную сформированность саморегулирующих и самоконтролирующих компонентов личности, что проявлялось в низкой самооценке, в недостаточном контроле своих действий и слабости прогностических оценок, что способствовало недооценке угрозы и формированию неадекватных стратегий поведения в период деликта. В процессе следствия и экспертизы подэкспертная обвиняла себя в случившемся, утверждала, что не могла сопротивляться, так как насильников было много и они угрожали ей. Узнав от адвокатов, что у одного из насильников родился ребенок и его рождение мужчины отмечали в парке, и что всем грозит лишение свободы, подэкспертная высказывала экспертам-психологам жалость к насильникам. Причем, по следственной версии, инициатором преступления был хозяин ларька, тот самый, у которого родился ребенок.

Анализ многочисленных случаев экспертного исследования показывает, что оценка беспомощного состояния жертв сексуальных преступлений требует многостороннего психологического анализа не только самой жертвы, но и конкретной ситуации деликта, а также личности преступника.

Перечислим **типичные вопросы**, выносимые юристом в постановление о назначении судебно-психологической экспертизы беспомощного состояния.

1. Каковы индивидуально-психологические особенности и уровень психической адаптации потерпевшей?
2. Есть ли в характере пострадавшей такие психологические особенности, как повышенная внушаемость, склонность ко лжи и фантазированию?
3. Могла ли пострадавшая понимать и осознавать характер и значение совершаемых с нею действий?
4. Могла ли пострадавшая оказывать сопротивление насильнику?

Глава 5

ПОСМЕРТНАЯ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Посмертная СПЭ нередко назначается при проверке фактов насильственной смерти, когда следствие разрабатывает версии о возможном убийстве, замаскированном под самоубийство, или, наоборот, самоубийстве, замаскированном под убийство (в том числе доведение до самоубийства), а также чтобы разграничить самоубийство и смерть в результате несчастного случая. Наиболее сложной с психологической точки зрения является ситуация, связанная с доведением до самоубийства, которая зачастую служит основанием для возбуждения уголовного дела по факту любого суицида.

В ст. 110 УК РФ отмечается: «Доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего наказывается ограничением свободы на срок до трех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок». Юридически не считается самоубийством лишение себя жизни лицом, не осознающим смысл своих действий или их последствий (невменяемые, дети в возрасте до пяти лет). В таких случаях фиксируется смерть от несчастного случая.

Рассмотрение вопросов доведения до самоубийства, как правило, требует участия эксперта-психолога. При этом посмертные СПЭ чаще всего проводятся в рамках комплексной психолого-психиатрической экспертизы. Данный вид экспертизы является ретроспективным, а поэтому очень сложным и ответственным, так как эксперты лишены возможности непосредственного общения с подэкспертным, но при этом им необходимо «воссоздать» особенности личности, психологический статус, степень дезадаптации субъекта, чтобы выяснить мотивы, побудившие его уйти из жизни, или констатировать отсутствие этих причин.

Предметом СПЭ являются установление суицидоопасного характера психического состояния, непосредственно предшествовавшего факту смерти, оценка связанного с ним риска суицидального поведения и его причинных зависимостей (Кудрявцев, 1999, с. 413).

Объектом посмертной СПЭ, как правило, являются специфика и уровень выраженности психических состояний у погибшего человека.

К основным задачам экспертного исследования в данном случае относятся:

- исследование индивидуально-психологических особенностей погибшего;
- анализ психического состояния погибшего в период, предшествующий смерти;
- исследование причин и условий развития у погибшего психического состояния, спровоцировавшего его самоубийство (Шипшин, 2009).

Главным экспертным понятием в данном случае является «самоубийство». В медико-правовом смысле самоубийство принято рассматривать как вид насильственной смерти с указанием ее причины. В широком смысле данное понятие определяется как умышленное лишение себя жизни, вид саморазрушительного (аутодеструктивного) поведения.

Николай Бердяев в психологическом этюде «О самоубийстве» писал: «Самоубийство есть психологическое явление, и, чтобы понять его, нужно понять душевное состояние человека, который решил покончить с собой. Самоубийство совершается в особую, исключительную минуту жизни, когда черные волны заливают душу и теряется всякий луч надежды. Психология самоубийства есть прежде всего психология безнадежности» (Бердяев, 1931, с. 11).

Научный подход к изучению данного явления позволил сделать вывод о наличии устойчивых факторов, способных повысить риск суицида. К ним можно отнести:

- 1) психозы и «пограничные» психические расстройства;
- 2) суицидальные высказывания, повторные суицидальные действия, ранний (до трех месяцев) постсуицидальный период;
- 3) подростковый возраст;
- 4) экстремальные условия (тюрьма, одиночество);
- 5) утрату семейного и общественного престижа;
- 6) конфликтную и психотравмирующую ситуацию;
- 7) употребление алкоголя и сильнодействующих психотропных средств (Амбрумова, Тихоненко, 1978).

По мнению некоторых современных исследователей, суицид (самоубийство) является следствием психологической дезадаптации личности, которая связана с невозможностью существования субъекта в сложившихся условиях. В свою очередь, при экспертной оценке тяжести и глубины психологической и социально-психологической дезадаптации личности традиционно рассматриваются три компонента:

- 1) существенные нарушения привычных условий жизни;
- 2) отношение человека к сложившейся ситуации (жизненный крах, безвыходная ситуация, личностная катастрофа или тяжелый, но преходящий эпизод);
- 3) нежелание или неготовность человека проявить усилия, чтобы приспособиться к ситуации.

В психиатрии и клинической психологии широко обсуждается суицидальное поведение, которое нередко предшествует самоубийству и требует тщательного клинико-психологического анализа. *Суицидальное поведение* — осознанные действия, направляемые представлениями о лишении себя жизни. В структуре суицидального поведения принято выделять два вида: собственно суицидальные действия и суицидальные проявления (мысли, намерения, чувства, высказывания, намеки).

Суицидальные действия включают суицидальную попытку и завершённый суицид. Суицидальная попытка — это целенаправленное оперирование средствами лишения себя жизни, не закончившееся смертью. Завершённый суицид — действия, завершённые летальным исходом.

Суицидальные проявления включают в себя суицидальные мысли (различные представления и фантазии на тему смерти), суицидальные замыслы (способы придумывания места и времени самоубийства) и суицидальные намерения (готовность

осуществить задуманное). Период от возникновения суицидальных мыслей до попыток их реализации называется *пресуицидом*.

В отечественной и зарубежной литературе отмечается, что возраст существенно влияет на особенности суицидального поведения. Например, кризисные периоды жизни, такие как подростковый возраст, юность или начало старости, характеризуются повышением суицидальной готовности (Малкина-Пых, 2004).

Суицидальное поведение в детском возрасте носит характер ситуационно-личностных реакций, то есть связано собственно не столько с желанием ребенка умереть, сколько со стремлением избежать стрессовых ситуаций или наказания. Большинство исследователей отмечает, что суицидальное поведение у детей до 13 лет — редкое явление и только с 14–15-летнего возраста суицидальная активность резко возрастает, достигая максимума к 16–19 годам. Так, до 13 лет в 70 % случаев суициды наблюдаются у детей, страдающих психическими заболеваниями, а суициды, обусловленные ситуацией, возникают только у 18 % детей. В более старшем возрасте (13–14 лет) число страдающих шизофренией среди самоубийц уменьшается до 38 %, а количество лиц с ситуационными реакциями, наоборот, возрастает до 60 % (Жезлова, 1978, 1981). В литературе отмечается, что наиболее частыми способами у девочек являются отравления, у мальчиков — порезы вен и повешение. Большинство форм суицидального поведения сопровождаются многочисленными актами самоповреждающего поведения (Горбатов и др., 2020, 2021). По данным В. Т. Кондрашенко, суицидальные действия у подростков обусловлены следующими причинами: 18 % — сложными романтическими ситуациями; по 15 % — невротическими состояниями и проблемами самореализации в референтной группе; 12 % — сложной семейной ситуацией; 10 % — психотическими расстройствами; 8 % — дидактогенными; 7 % — боязнью ответственности за совершенные действия; 5 % — употреблением алкоголя и наркотических веществ; 1 % — тяжелыми соматическими заболеваниями; 9 % — невыясненными причинами (Кондрашенко, 2005).

Исследования психологов показали, что до 5 лет дети представляют смерть как обратимую, временную и безличную. Это обусловлено несформированностью в данном возрасте представлений о необратимости событий. В возрасте 5–9 лет многие дети начинают осознавать, что смерть — это конец и что все живущие умирают, но они еще не воспринимают смерть как личную проблему. В этот возрастной период дети склонны ассоциировать смерть с конкретными образами (например, ангела или скелета). В дошкольном и в младшем школьном возрасте ребенок нередко фантазирует по поводу смерти, плохо понимая различия между живущим и умершим. И только ближе к подростковому возрасту смерть начинает восприниматься как реальное явление, хотя и отрицается, кажется маловероятной для себя. В возрасте 9–10 лет и до подросткового возраста дети начинают понимать, что смерть необратима, что все живущие умирают и что они тоже когда-то умрут. Отсутствие страха смерти является отличительной чертой детского возраста. В подростковом возрасте у лиц, склонных к рефлексии и эмоциональной нестабильности, представления о смерти приобретают яркий эмоциональный характер и проявляются на когнитивном уровне в рассуждениях о смысле жизни, а на поведенческом уровне — в склонности к экстремальному поведению. Целью такого поведения часто является преодоление страха смерти.

Суицидальное поведение у детей и подростков обусловлено и рядом личностных особенностей, таких как повышенная чувствительность, внушаемость, недо-

статочная критичность к своему поведению, эгоцентричность, импульсивность в принятии решений (Личко, 2023; Попов, Пичиков, 2017; и др.).

Также в исследованиях суицидологов отмечается, что самоубийство у детей и подростков может быть обусловлено протестом, злобой, желанием наказать себя и других (Исаев, 1996; Клайн, 1991; Ялом, 1999; Амбрумова, Тихоненко, 1978; Попов, Пичиков, 2017; и др.).

А. Е. Личко, анализируя суициды в подростковом возрасте, выделяет три типа суицидального поведения: демонстративное, аффективное и истинное.

Демонстративный тип суицидального поведения проявляется в стремлении подростка обратить внимание на себя и свои проблемы. Как правило, демонстративные суицидальные действия совершаются не с целью причинить себе реальный вред или лишить себя жизни, а с целью напугать окружающих, заставить их задуматься над проблемами подростка.

Аффективное суицидальное поведение совершается под влиянием ярких эмоций; как правило, подросток действует импульсивно, не имея четкого плана своих действий. Сильные негативные эмоции (обида, гнев) затмевают реальное восприятие действительности, и подросток, руководствуясь ими, совершает суицидальные действия.

Истинное суицидальное поведение характеризуется продуманным планом действий, когда подросток готовится к совершению суицидального действия. При таком типе суицидального поведения подростки часто оставляют записки, адресованные родственникам и друзьям, в которых они прощаются со всеми и объясняют причины своих действий. Поскольку действия являются продуманными, такие суицидальные попытки чаще заканчиваются смертью. Однако даже в таком случае суицидальное поведение подростков часто включает в себя элементы демонстрации. К примеру, по данным А. Е. Личко, лишь у 10 % подростков имеет место истинное желание покончить с собой (покушение на самоубийство), в 90 % случаев суицидальное поведение подростка — это «крик о помощи». По ходу возникновения суицидальных мыслей ребенок часто задает вопросы окружающим, спрашивает о том, что может случиться с человеком, если он совершит подобную попытку, и т. д., то есть всячески транслирует данную проблему окружающим. Эту тенденцию косвенно подтверждает тот факт, что 80 % попыток суицида совершается дома, притом в дневное или вечернее время, когда у подростка есть надежда быть услышанным (Личко, 2023).

Клинико-психиатрический анализ также показал тесную связь нозологической принадлежности суицидоопасных состояний с возрастом суицидентов. Так, суицидальное поведение детей до 12 лет, как правило, служит признаком и выражением шизофренического процесса. В пресуицидальном периоде у подростков выявляются различные варианты депрессивных состояний (эндогенных, реактивных и ситуационных), протекающих, как правило, на фоне подростковых акцентуаций характера. Суицидоопасные депрессии, в отличие от взрослых, у подростков протекают атипично, в форме соматовегетативных расстройств, ипохондрических нарушений, девиантного поведения. С увеличением возраста суицидентов отмечается уменьшение числа эндогенных депрессий, наблюдается тенденция к преобладанию реактивных депрессий (Попов, Пичиков, 2017).

Формирование суицидального поведения в детском и подростковом возрасте во многом зависит также от некоторых особенностей личности суицидента. По

данным исследований В. В. Нечипоренко, для подростков-суицидентов характерны следующие особенности: обидчивость, ранимость; снижение толерантности к эмоциональным нагрузкам; низкая самооценка; отвержение социальным окружением, чувство покинутости; переживание собственной несостоятельности, физического отставания; избегание «нагрузочных» ситуаций и пассивность в разрешении трудных ситуаций (Нечипоренко, 2017). Эти особенности способствуют социально-психологической дезадаптации личности ребенка и подростка.

Исследования семей детей и подростков с суицидальным поведением в 95% случаев обнаруживают отягощенный семейный анамнез: хронический алкоголизм, которым страдали один или оба родителя; личностные акцентуации (чрезмерное усиление отдельных черт характера) родителей, создающие в семье обстановку напряжения; патологии, наблюдающиеся у родственников и родителей, депрессии и другие психозы, а также случаи самоубийства в семьях суицидентов (Амбрумова и др., 1989; Эйдемиллер и др., 2006).

В многочисленных исследованиях отмечается, что в подростковом возрасте депрессии, предрасполагающие к возникновению суицидов, проявляются по-разному и зависят от особенностей акцентуаций характера (табл. 5.1).

Важной составляющей суицидального поведения у детей и подростков является *мотивация*, включающая:

- 1) переживание обиды, одиночества, отчужденности и непонимания;
- 2) действительную или мнимую утрату любви родителей, неразделенное чувство и ревность;
- 3) переживания, связанные со смертью, разводом или уходом родителей из семьи;
- 4) чувство вины, стыда, оскорбленного самолюбия, самообвинения;
- 5) боязнь позора, насмешек или унижения;
- 6) страх наказания, нежелание извиниться;
- 7) любовные неудачи, сексуальные эксцессы, беременность;
- 8) чувство мести, злобы, протеста, а также угрозу или вымогательство;
- 9) желание привлечь к себе внимание, вызвать сочувствие, избежать неприятных последствий, уйти от трудной ситуации;
- 10) сочувствие или подражание товарищам, героям книг или фильмов («эффект Вертера»).

К особенностям суицидального поведения в детском и подростковом возрасте относятся:

- 1) недостаточно адекватная оценка последствий аутоагрессивных действий, абстрактное восприятие смерти, отсутствие четкой границы между истинными и демонстративно-шантажными аутоагрессивными поступками;
- 2) несерьезность, мимолетность и незначительность мотивов, которыми дети и подростки объясняют попытки самоубийства;
- 3) взаимосвязь попыток самоубийств детей и подростков с отклоняющимся поведением: побегами из дома, прогулами школы, ранним курением, мелкими правонарушениями, конфликтами с родителями, алкоголизацией, наркотизацией, сексуальными эксцессами и т. д.;
- 4) обусловленность суицидального поведения депрессивными состояниями, которые проявляются иначе, чем у взрослых.

Таблица 5.1. Депрессивные реакции и особенности суицидального поведения подростков с различными типами акцентуаций характера

Тип акцентуации	Специфика проявления депрессивных реакций	Особенности суицидального поведения
Гипертимный	В целом депрессивные реакции не свойственны, но могут проявляться в склонностях к риску, в пренебрежении опасности. Например, зацеперы, бейскамберы, любители паркура и т. д.	Склонность к суицидальному поведению не характерна. Возможны употребление дурманных веществ, склонность к экстремальному поведению
Циклоидный	Склонность к депрессии проявляется в субдепрессивной фазе	В субдепрессивной фазе наблюдается суицидальное поведение, особенно в стрессовой ситуации на высоте аффекта (при оскорблении, издевательствах). Возможный суицид не является до конца осозанным
Эмоционально-лабильный	Суицидальное поведение может быть связано с отсутствием эмоциональных контактов и поддержки на фоне склонности к самообвинениям	Суицидальное поведение возможно на фоне быстрого принятия решений и их реализации. Склонны к самообвинениям и аутоагрессии
Сенситивный	Депрессивные реакции могут возникать на фоне зависимости от окружающих, отсутствия реализации потребности в доброжелательных отношениях, отсутствии смысловых составляющих жизни	Суицидальные намерения в целом проявляются редко и не проявляются вовсе до факта совершения суицида
Психастенический	Тревога и страх в ситуациях конфликта, а также нерешительность исключают вероятность аутоагрессии	Не склонны к суицидальному поведению
Шизоидный	Депрессивные состояния свойственны крайне редко	Не склонны к суицидальному поведению и нанесению себе физического ущерба
Эпилептоидный	Склонны к проявлению не столько депрессивных, сколько аффективных реакций, а также демонстративным формам поведения	В безысходной ситуации склонны к демонстративной аутоагрессии и самоповреждению (самопорезы, ожоги и пр.). Истинные суициды не наблюдаются
Истероидный	Наблюдаются демонстративные реакции суицида на публике с целью привлечь к себе внимания или добиться желаемого (суицидный шантаж)	Истинные суициды не свойственны. Однако демонстративность суицида может обернуться реальным самоубийством из-за несчастного случая
Неустойчивый	Депрессивные реакции не свойственны. Имеют место слабость волевой организации поведения, склонность к аддиктивному поведению	Суицид может быть совершен под влиянием группового воздействия (подражание, внушение)

Тип акцентуации	Специфика проявления депрессивных реакций	Особенности суицидального поведения
Астеноневротический	Свойственны капризность, раздражительность, неустойчивый сон, ипохондрические настроения	Суицид возможен вследствие тяжелой психической травмы (насилие, шантажирование, преследование с угрозами и пр.)
Конформный	Реакции на ситуации определяются поведением окружающих. Эти лица приспособляются под любое окружение. Депрессивные состояния не свойственны	Возможен участие в групповых суицидах, под влиянием религиозных сект или других групп, значимых для подростка

Источник: Личко, 2023.

Пример из практики группового самоубийства подростков.

Из постановления известно, что 6 мая 2002 года около 1 часа ночи двое подростков, мальчик А. (11 лет) и девочка Е. (12 лет), спрыгнули с крыши девятиэтажного дома. Допрошенные по делу родственники и знакомые А. поясняют, что в последний год мальчик стал уходить из дома, заявлял, что ему надоела такая жизнь. За год до случившегося мальчик узнал, что муж матери не является его родным отцом. Он стал встречаться с группой неблагополучных подростков, с которыми вместе нюхал клей, скрывался в подвале.

Е. воспитывалась в многодетной семье, где родители злоупотребляли алкоголем, отец уходил из дома из-за ссор в семье, в связи с чем Е. неоднократно пыталась покончить жизнь самоубийством, принимала снотворное. 5 мая А. и Е. вместе со своими знакомыми подростками находились в подвале дома. А. нюхал клей «Момент». В разговоре с подростками он высказал идею о том, что «если умереть в Пасху, то возродишься и у тебя будет еще 13 жизней». Он предложил подросткам спрыгнуть с крыши. Знакомые подростки отказались, а Е. поддержала его, и они вместе ушли. Через некоторое время знакомые подростки обнаружили их мертвыми, лежащими на дороге возле многоэтажного дома.

В процессе экспертизы исследовались материалы уголовного дела, анализировались педагогические характеристики, свидетельские показания, представленные в материалах уголовного дела (УД). По ходатайству следствия проводились беседы с родственниками, педагогами и свидетелями для уточнения особенностей развития потерпевших, их взаимоотношений, особенностей конфликтной ситуации в семье, анализа стиля и типа семейного воспитания.

Из материалов УД и со слов матери А. выявлено, что мальчик от первой беременности, матери на период беременности было 19 лет, отцу 21 год. Мать подчеркивает, что беременность для нее была желанной: «Я очень хотела ребенка, но муж категорически возражал, отговаривал». Мальчик родился в срок, психомоторное развитие было без отклонений. Когда ребенку было три года, мать развелась с мужем и переехала с сыном к своей бабушке. Мать подчеркивает, что сын с раннего детства был подвижным, активным, любил быть в центре внимания. Посещал дошкольные учреждения, жалоб со стороны педагогов на мальчика не было. Когда ребенку было четыре года, мать повторно вышла замуж. Со слов матери отношения сына с мужем были хорошие до пятого класса, когда прабабушка «сообщила мальчику, что это его не родной отец». Мать характеризовала сына как способного, подвижного мальчика. Указывает, что он был «заводилой, мог сорвать урок, посмеяться, пошутить... с ребятами сходилась легко, отношения с одноклассниками были хорошие». В характеристике педагога подчеркивается, что «по характеру был добрый, общительный, никогда не конфликтовал». В материалах УД представлены сведения об успеваемости подэкспертного с 1995 по 2000 год. В целом оценки хорошие и отличные, в 2001 году успеваемость резко снизилась

до удовлетворительных оценок. Родители перевели мальчика в другую школу, с более высокими требованиями. Он неохотно посещал другую школу, затем стал пропускать уроки, отказывался учиться. Мать отмечает, что еще в 2001 году заметила изменения в поведении сына: «Замыкался в себе, молчал, когда его спрашивали или ругали...» В этот период произошли существенные изменения в физическом развитии мальчика: «Вырос, изменился голос». Вскоре у мальчика стали наблюдаться выраженные девиации: убежал из дома, систематически пропускал занятия, связался с компанией подростков, нюхал клей, брал из дома деньги. На уговоры родителей не реагировал, проявлялись выраженные реакции оппозиции. В последний день перед суицидом просил родителей закрыть его дома. Деадаптация отчетливо стала проявляться с конца 2001 года. Педагоги характеризовали мальчика как «трудного, проблемного» подростка. В характеристиках педагога подчеркивается: «не интересовался учебой... на замечания не реагировал, мог повести себя неадекватно, вспылить, мог соврать... курил».

За 10 дней до случившегося родители обратились в парапсихологический Центр восстановления семьи по поводу плохого поведения сына. В справке отмечалось, что у мальчика подавленное эмоциональное состояние. В процессе беседы сам себе царапает руки. Моторное возбуждение при разговоре об отчине. По заключению парапсихологов — девиантное поведение. Мать отмечает, что в центре были предложены нетрадиционные способы воздействия на мальчика. «Мы дважды возили его к экстрасенсу... заплатили 150 долларов США. Нам обещали полную реабилитацию... мы должны были после праздников сообщить туда, как у сына дела». Обращает на себя внимание непрофессиональное заключение специалистов центра. При наличии у подростка подавленного состояния, самопорезов, моторного возбуждения специалист обязан проконсультировать мальчика у психиатра, а не рекомендовать нетрадиционные способы воздействия.

Таким образом, ретроспективный анализ показал, что в период, предшествующий самоубийству, у мальчика наблюдались выраженные эмоционально-волевые и поведенческие нарушения:

- подавленное настроение с аффективной неустойчивостью;
- аутоагрессивные действия — самопорезы;
- употребление токсических веществ (клей «Момент»), после чего он становился возбудимым;
- немотивированные побег из дома;
- тенденция к эмоциональному замыканию, что противоречило его индивидуально-психологической структуре личности (общительность, активность, склонность к лидерским позициям, желание быть в центре внимания).

Перечисленные выше особенности отражают стойкие эмоционально-волевые нарушения у подростка на фоне резко выраженной акселерации, но без существенных психогенных переживаний. Анализ межличностных отношений в семье мальчика показал, что мать и отец заботились о сыне, удовлетворяли его потребности, обеспечивали его материально. Со стороны отца негативного отношения к мальчику не прослеживалось. В беседе с психологом мать подчеркивает, что мальчик эмоционально был привязан к прабабушке, которая умерла два года назад. Накануне самоубийства мальчик ходил к ней на кладбище. Анализ показывает признаки проявления суицидального поведения, что выражалось в суицидальных замыслах. Деадаптация у несовершеннолетнего нарастала постепенно и проявлялась сначала в бурных реакциях оппозиции и протеста, а затем в выраженных девиациях поведения. На формирование суицидальных замыслов существенное влияние оказало общение с Е., которая совершала попытку самоубийства, а также рассказы о потусторонней жизни, которые обсуждались подростками. Кроме того, следует подчеркнуть, что накануне мальчик не ночевал дома, неизвестно, чем питался, нюхал ли клей и пр. Эти факторы могли способствовать снижению самоконтроля поведения у подростка и формированию суицидальных поступков.

Анализ представленного выше случая самоубийства показывает, что у А. четко прослеживается истинное суицидальное поведение. Подросток готовился к совершению суицида. Это проявлялось в самопорезах кистей рук, а также в продуманно-

сти плана действия: накануне ходил к бабушке на кладбище, прощался с ней; в общении со сверстниками проговаривал тему прыжка с крыши; за два дня до самоубийства просил родителей закрыть его дома; не ночевал дома; определенное время нюхал клей; рассуждал о тринадцати жизнях и т. д.

Суицидальное поведение является следствием психологической дезадаптации личности подростка в условиях переживаемого семейного конфликта.

Многочисленные исследования отечественных и зарубежных суицидологов показывают, что при оценке суицидального поведения нельзя ограничиваться только анализом специфики конфликтных ситуаций или личностных особенностей суицидента. При анализе материалов необходимо исследовать также *динамику суицидального поведения*, в том числе:

- 1) наличие у подэкспертного размышлений об отсутствии ценности жизни. На этом этапе у человека еще отсутствуют представления о собственной смерти, но наблюдается отрицание жизни, а пассивные суицидальные мысли характеризуется лишь представлениями, фантазиями на тему своей смерти, но не на тему лишения себя жизни;
- 2) суицидальные замыслы, которые рассматриваются как активная форма проявления суицидальности, когда суицидент продумывает способы суицида, разрабатывает планы;
- 3) факты реализации замысла суицида, который может проявляться в двух формах суицидального поведения: суицидальных попытках и завершенном суициде (Личко, 2023).

Важной детерминантой суицидального поведения является наличие *конфликтной ситуации*. В течение жизни у человека наблюдаются устойчивые формы реагирования на конфликтную ситуацию, которые обязательно должны быть тщательно проанализированы экспертом-психологом.

Нередко эксперты-психологи и психиатры сталкиваются с необходимостью проведения СПЭ самоубийств, совершенных военнослужащими в период срочной службы.

Мотивами самоубийств среди военнослужащих срочной службы являются как неадекватная тактика приспособления к специфичным условиям жизни в воинском коллективе, так и конфликтные взаимоотношения в коллективе. Подавляющее большинство самоубийств приходится на первые полгода службы в армии. Молодые солдаты вынуждены приспосабливаться к строгому армейскому распорядку, физическим нагрузкам, ограничению личной свободы в закрытом воинском коллективе, где порой имеют место такие негативные явления, как дедовщина, землячество и т. д. Исследования психологов показали, что высокая вероятность дезадаптации в армии наблюдается у лиц, в характере которых преобладают сенситивно-шизоидные черты: замкнутость, молчаливость, сдержанность, трудности в установлении неформальных контактов, склонность преимущественно к индивидуальной, а не групповой деятельности, скромность, бесконфликтность, невысокий уровень напористости, агрессивности, повышенная чувствительность, обидчивость. Несмотря на свою дисциплинированность, исполнительность, такие солдаты обладают низким статусом в коллективе, не пользуются популярностью среди сослуживцев, не входят в мелкие сплоченные группы, относительно близки только с одним-двумя сослуживцами, а то и вовсе не имеют друзей, не привлекают к себе внимания

командиров. Это приводит к эмоциональной изоляции, неприятию, отторжению и агрессии со стороны коллектива и отдельных военнослужащих. При отсутствии эффективной воспитательной работы в подразделении у таких солдат со временем нарастает состояние подавленности, тоски, безысходности, снижаются самооценка и чувство самоуважения, что и предрасполагает к принятию решения о самоубийстве (Кулганов и др., 1997; Кулганов, 2022; Мамайчук, 2002; Юнацкевич, 2018; Днов и др., 2018).

Значительное внимание при анализе случаев суицида среди военнослужащих уделяется их личностным особенностям. Самоутверждение у гипертимных и истероидных военнослужащих в период службы в армии нередко происходит с применением грубой физической силы, морально-психологического прессинга в отношении дезадаптивных сослуживцев.

Например, В. самовольно ушел из части во время дежурства. Через несколько недель его труп был найден в лесу, висящим на дереве. Была проведена посмертная комплексная психолого-психиатрическая экспертиза. В распоряжение экспертов были предоставлены материалы дела, письма погибшего родным и знакомым, предсмертная записка. Эксперту-психологу было разрешено общение с родителями и сослуживцами погибшего на предмет выявления его устойчивых личностных характеристик. В. — второй ребенок в семье; со слов родственников, рос и развивался нормально. Родители подчеркивали уравновешенный характер сына, трудолюбие. В школе учился на «хорошо» и «отлично», увлекался спортом. Учительница литературы на выпускной фотографии сделала такую надпись: «На память честному, принципиальному и доброму ученику от классного руководителя». Из негативных характерологических особенностей родители выделяли вспыльчивость сына. В характеристиках из школы и техникума подчеркиваются высокая общественная активность В., доброжелательность, отзывчивость, внимательное отношение к окружающим, скромность. В целом анализ школьных характеристик, характеристик родственников, знакомых подэкспертного до службы в армии позволил выделить такие позитивные качества, как отзывчивость, принципиальность, общественная активность. Характеристики В. в период службы в армии резко отличаются от доармейских. Подчеркиваются его низкий авторитет, замкнутость, обидчивость, злопамятность, вспыльчивость и пр. В роте у В. была кличка «ублюдок». Однако, несмотря на преобладание негативных армейских характеристик, в материалах дела встречались и позитивные: трое сослуживцев охарактеризовали В. как доброго, отзывчивого, принципиального. Противоречивые характеристики на подэкспертного, представленные в материалах дела, указывают на существенные трудности его адаптации к армейской службе. Например, в письмах к родителям и в посмертной записке В. пишет, что таким его сделала армия, оценивает свои проблемы и трудности, рассуждает о морально-этических проблемах, противоречиях морали в армии и в обществе. В письмах также четко прослеживаются конфликты с сослуживцами. В. пытался объяснить причину своих конфликтов: «Я излишне вспыльчив, но не умею защищаться». Еще в начале службы В. ударил обидчика по лицу за то, что тот заставлял его дежурить за него в столовой. Вспыльчивость проявлялась у В. и в ранние годы; следовательно, ее можно отнести к устойчивым личностным характеристикам. В письмах подэкспертного и его характеристиках четко прослеживается его эмоциональная вовлеченность в различные, даже малозначимые ситуации. В. остро переживал негативное отношение к себе сослуживцев, что усугубляло его замкнутость, которая, вероятно, носила защитный характер. В. жаловался в письмах к родителям на «расшатанные нервы», на боли в области сердца и пр. Анализ показал выраженную тенденцию у В. оценивать свои потребности как эмоционально значимые. Все это в значительной степени оказывало фрустрирующее влияние на В. и снижало возможности его адаптации в период службы в армии.

Анализ особенностей психического состояния В. перед смертью, проведенный нами по материалам уголовного дела, бесед с сослуживцами, показал высокий уровень эмоцио-

нальной напряженности. Это наглядно проявлялось и в содержании предсмертной записки: «меня никто не понимает», «большую часть времени вынужден молчать», «психика на нулевой отметке». Содержание записки отражает высокую степень эмоциональной напряженности, фрустрированность, безысходность. Свидетели, видевшие В. за несколько минут до ухода с дежурства, отмечают: «был заторможен... шел вяло... смотрел куда-то вдаль... потом быстро вскочил и побежал». В целом анализ показал, что у подэкспертного наблюдалось обдуманное, выношенное решение уйти из жизни: выкрал веревку из техкомнаты, написал записку, ушел далеко в лес, чтобы никто ему не помешал.

Динамический анализ характеристик, представленных в материалах дела, и показаний сослуживцев выявил нарастание замкнутости, отрицательного фона настроения, нервозности. Основной формой психологической защиты у В. был уход в себя с целью смягчения имеющегося эмоционального дискомфорта. Однако анализ показал, что в течение армейской службы у погибшего защитные механизмы проявлялись по-разному. На первом этапе наблюдалась аффективность, что проявлялось в ссорах с сослуживцами и командным составом, затем интеллектуализация, что наглядно отражено в письмах к родителям, где В. рассуждает о тяготах армейской службы и специфике армейских коллективов, то есть имело место пресечение эмоциональных переживаний с помощью логических манипуляций, рассуждений, анализа. На последнем этапе наблюдается глубокая эмоциональная изоляция подэкспертного, что в значительной степени усугубило его психическую дезадаптацию.

Эксперты пришли к заключению, что структура личности В. характеризовалась дисгармоничностью, которая проявлялась в высоком уровне социальной ориентации, трудолюбии, принципиальности в сочетании с максимализмом, вспыльчивостью, интровертированностью. Особенности личности и сложная армейская обстановка способствовали снижению психической адаптации и трансформации личностных качеств: принципиальности — в упрямство; вспыльчивости — в агрессивность; интровертированности — в эмоциональную изоляцию; повышенных требований к себе и окружающим — в бескомпромиссность. Психическое состояние В. было оценено как высокая фрустрированность, которая нарастала в течение службы в армии, сопровождалась ощущением безысходности и в конечном итоге создала предпосылку для формирования суицидальных мотивов. На повышение фрустрированности существенную роль оказывали не только средовые факторы (неблагоприятная морально-психологическая обстановка в воинском коллективе), но также описанные выше личностные качества подэкспертного.

Следует еще раз подчеркнуть, что посмертная СПЭ должна проходить с обязательным участием психиатра. В процессе комплексной психолого-психиатрической экспертизы изучаются особенности эмоциональной реактивности суицидента, устойчивость его настроений, типы реагирования на психологический стресс, склонность к депрессивным расстройствам (Кудрявцев, 1988). Опрос свидетелей должен быть ориентирован на выявление экспрессивных, эмоционально-волевых и характерологических особенностей подэкспертного. Важно выяснить признаки психогенной депрессии и других психических нарушений. Некоторые авторы считают, что заверченный суицид в основном наблюдается у психически больных людей (до 95%). В других исследованиях отмечается, что психические нарушения наблюдаются только у 30–50% суицидентов. Например, по данным А. Г. Амбрумовой и В. А. Тихоненко, только одна треть суицидентов нуждается в лечении у психиатра. Среди них преобладают больные шизофренией и хронические алкоголики. У остальных наблюдаются пограничные нервно-психические расстройства и непатологические ситуационные реакции, свойственные здоровым лицам (Амбрумова, Тихоненко, 1980).

В генезисе суицида необходимо учитывать также *роль семьи и ближайшего социального окружения*. Характер семейных взаимоотношений между супругами,

родителями и детьми имеет исключительное значение в развитии социально-психологической адаптации личности. Благоприятная внутрисемейная атмосфера способна компенсировать, сглаживать суицидальные проявления личности. Неблагоприятный микросоциальный климат в семье может усилить и даже спровоцировать суицидальное поведение. Ряд авторов выделяют определенные социально-психологические типы семей, стили взаимоотношений в которых значительно повышают потенциальную опасность самоубийств. К ним относятся:

1. *Дезинтегрированная семья*, характерной особенностью которой является обособленность ее членов, формальность отношений, отсутствие эмоциональных связей между ними. Особенно опасная ситуация может сложиться в частично дезинтегрированной семье, в которой кто-то оказался изолированным в одиночестве, перед коалицией объединившихся против него родственников.
2. *Суперинтегрированная семья*, где нарушается чувство личной автономности ее членов, которые настолько «вжились друг в друга», что не мыслят своего существования по отдельности. Смерть близкого человека в такой семье обнажает выраженную беспомощность других членов семьи.
3. *Дисгармоничная семья*, характеризующаяся рассогласованием целей, потребностей ее членов, отсутствием взаимной ориентации на общность и согласие, нежеланием поступиться собственными интересами и привычками. В таких семьях лидирующий член семьи постоянно навязывает другим свои привычки, требует изменить поведение, стремится заставить членов семьи вести себя в соответствии с приемлемыми для него жизненными ориентациями.
4. *Закрытая самодостаточная семья*, которая для ее членов является единственным смыслом жизни, а все остальное — работа, внесемейные отношения и пр. — рассматривается лишь как средство для поддержания и обеспечения семейного благополучия. Любой кризис в таких семьях грозит обернуться для ее членов суицидоопасной ситуацией.
5. *Консервативная семья*, основной особенностью которой является неспособность адаптироваться к изменчивым внешним условиям. Если кто-то из членов такой семьи оказывается вовлеченным во внесемейный конфликт, другие в силу своих консервативных установок не могут прийти ему на помощь и дистанцируются от конфликта или принимают сторону противника. Подобная ситуация может восприниматься как предательство и также привести к самоубийству (Амбрумова, Постовалова, 1983).

Например, во дворе многоэтажного дома был найден труп М., 22 лет, без признаков насильственной смерти. У следствия возникла версия о самоубийстве. Позже следы М. были обнаружены на чердаке дома, в котором он проживал.

В процессе экспертного исследования было выявлено, что М. — второй ребенок в семье. Отец — высококвалифицированный инженер, много лет работал на военном заводе. Мать — библиотекарь. В семье есть старшая дочь, 32 лет, не замужем. Семья отличалась выраженными консервативными взглядами на жизнь. Отец, будучи инженером, после закрытия завода в начале 1990-х годов вынужден был работать кочегаром. Принципиальность, стойкость моральных ценностей, честность отличали всех членов семьи. Сын устроился на работу к своему приятелю, который занимался торговлей деталями для компьютеров. Поначалу работа сына шла успешно, он хорошо зарабатывал, большую часть денег отдавал родителям. Отцу не нравилась предпринимательская деятельность сына, он постоянно подчеркивал, что сын занимается спекуляцией. М. занял большую сумму денег на покупку деталей для компьюте-

ров, закупил их, но они оказались некачественными. М. пытался выяснить отношения с поставщиками, но фирма исчезла. Нужно было вернуть долг, и М. обратился к отцу за помощью. Отец отругал сына, обозвал его «неудачным спекулянтом» и категорически отказался помочь ему. После объяснений с отцом М. ушел на чердак и оттуда бросился вниз.

Социально-психологический анализ показал, что семья М. относится к консервативному типу, что проявлялось в неспособности ее членов приспособиться к изменившимся условиям жизни. Методом ретроспективного анализа (клинико-биографический метод, анализ многочисленных бесед с родственниками и знакомыми М.) было выявлено, что в структуре личности М. наблюдались повышенная ответственность, ригидность, склонность к повышенной фиксации на имеющихся препятствиях. Основным способом психологической защиты у М. был «уход в себя» с целью смягчения эмоционального дискомфорта. При разрешении конфликтных ситуаций М. часто обращался к отцу, который успешно их разрешал. Например, когда М. учился в пятом классе, старшеклассники отняли у него роликовую доску. Сын пожаловался отцу, и конфликт был успешно разрешен. По совету отца М. поступил в технический вуз, учился на вечернем отделении. Кризисная ситуация, в которой находился М., была обусловлена не только стечением неблагоприятных обстоятельств (потеря крупной суммы), но и перечисленными выше личностными особенностями. М. в течение нескольких недель (со времени покупки деталей) находился в состоянии фрустрации. Отказ отца помочь выйти из фрустрирующей ситуации явился «последней каплей» в формировании аффективного суицидального поведения, которое развивалось по типу острой реакции протеста на отказ отца.

Таким образом, ретроспективный анализ личностных особенностей суицидентов достаточно сложен и требует высокой квалификации эксперта-психолога. При исследовании необходим всесторонний комплексный анализ личности с выделением следующих параметров:

- характерологические особенности;
- уровень психической адаптации суицидента, в том числе формы и степень выраженности эмоциональных реакций, а также степень фрустрационной толерантности;
- специфика эмоционального реагирования на конфликтные ситуации;
- стили поведения в конфликтных ситуациях;
- особенности самооценочных компонентов личности (уровень выраженности и адекватность самооценки, степень самоуважения и самопринятия);
- особенности межличностных отношений в семье, стили и типы семейного воспитания;
- ситуация, сложившаяся вокруг погибшего накануне исследуемого события, и его отношение к этому;
- специфика суицидального поведения, если таковое имеет место;
- ценностные ориентации, планы и установки на будущее.

Следует подчеркнуть, что решение экспертных задач по данному виду экспертиз часто во многом основывается на собранных следствием материалах уголовного дела, и от их качества, полноты и объективности зависят обоснованность, надежность и эффективность выводов экспертов. При расследовании подобных дел представляется полезным непосредственное присутствие эксперта при допросах свидетелей. Однако предоставление эксперту возможности опроса в рамках экспертизы родственников, друзей и знакомых погибшего допускается только с разрешения судебно-следственных органов. Если такой возможности нет, то эксперт вправе требовать от следователя дополнительные данные, отражающие личность погибшего.

Материалы уголовного дела, подготовленные к производству экспертизы, должны содержать не только показания лиц, знавших погибшего, но и его письма, записные книжки, дневники, записки, а также, если имеются, различные продукты творчества погибшего — рисунки, стихи и т. п. Важная информация может содержаться на электронных носителях.

В нашей практике был случай, когда эксперты затребовали от молодого следователя конспекты уроков 17-летнего юноши, который повесился в радиорубке в школе. Анализ записей уроков за два часа до суицида показал несвязность текста, неравномерность почерка, также были обнаружены рисунки виселиц.

Перечислим **типовые вопросы**, выносимые юристом в постановление о назначении посмертной судебно-психологической экспертизы.

1. Каковы индивидуально-психологические особенности погибшего (особенности эмоционально-волевой сферы, структура личности, особенности эмоционального реагирования на конфликт) и как они проявлялись в обстоятельствах его смерти?
2. Находился ли погибший в период, предшествующий его смерти, в психическом состоянии, предрасполагающем к самоубийству? Если да, то чем это состояние могло быть вызвано?

Дополнительный вопрос:

3. Каковы особенности межличностных отношений в семье подэкспертного, а также стили семейного воспитания, морально-психологический климат в семье?

Глава 6

СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ОСОЗНАНИЯ СОДЕЯННОГО И СПОСОБНОСТИ РЕГУЛЯЦИИ СВОИХ ДЕЙСТВИЙ У НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ

В Уголовном кодексе Российской Федерации отмечается, что уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления 16-летнего возраста (ст. 20 УК РФ). Также уточняется, что освобождаются от уголовной ответственности несовершеннолетние, достигшие возраста ответственности, но в силу отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством, не могли в полной мере осознавать значение своих действий либо руководить ими (ч. 3 ст. 20 УК РФ). Последнее уточнение предполагает участие в процессуальных действиях специалистов-экспертов, имеющих специальные познания в области психологии или психиатрии.

Если у несовершеннолетнего наблюдаются признаки психического недоразвития или другие отклонения, то назначается комплексная психолого-психиатрическая экспертиза, которая устанавливает, страдает ли несовершеннолетний психическим заболеванием. Если да, то решается вопрос о вменяемости, а если нет, то, давая заключение о наличии и степени отсталости в развитии, эксперты должны установить ее причину и специфику влияния имеющегося заболевания на осознание деликта и способность к регуляции своих действий.

Для решения вопроса о способности психически здорового подростка к осознанию своих действий и руководству ими назначается психологическая экспертиза. Здоровые несовершеннолетние несут уголовную ответственность начиная с установленного законом возраста, при котором, как предполагает законодатель, подросток уже обладает определенным уровнем *личностной зрелости*, и в том числе способностью к регуляции своего поведения.

Любой поступок человека, в том числе и противоправный, имеет объективную (действие человека) и субъективную стороны. Объективная сторона правомерного поведения раскрывает внешнюю сторону согласования действий индивида с требованиями правовых норм. Субъективную сторону поступка составляют мотивы и цели его совершения, степень осознания возможных последствий и внутреннее отношение к ним индивида. Экспертное исследование значительно облегчает возможности анализа поведения подследственных в рамках оценки субъективной стороны преступления (поступка).

Предметом данного вида СПЭ, как правило, является наличие или отсутствие отставания в психическом развитии у несовершеннолетних правонарушителей. *Объект* СПЭ — уровень выраженности способности к осознанию и регуляции сво-

их действий у несовершеннолетних правонарушителей, имеющих отставание в психическом развитии.

Проблему отставания в психическом развитии, не связанного с психическими расстройствами, отечественные авторы рассматривают по-разному. Например, И. А. Кудрявцев, ссылаясь на классификацию В. В. Лебединского, предлагает отнести к отставанию в психическом развитии задержанное психическое развитие (Кудрявцев, 1999). В. А. Гурьева с соавторами отмечают, что отставание в психическом развитии, не связанное с психическими расстройствами, можно наблюдать у детей в форме личностного парциального инфантилизма (Гурьева (ред.), 2007). Е. В. Макушкин связывает это с асинхронией развития подростков, что проявляется в акселерации, ретардации, а также в социогенном непатологическом инфантилизме (Макушкин, 2001).

Основной задачей данного вида СПЭ является установление способности лиц полностью осознавать значение своих действий и руководить ими. Как правило, такие экспертизы проводятся с несовершеннолетними подозреваемыми и жертвами. Однако в настоящее время внимание юристов и психологов также направлено на исследование способности осознания своих действий и руководства ими у лиц пожилого и старческого возраста.

Проблема осознания своих действий и способности руководить ими является стержневой в судебно-психологической экспертизе несовершеннолетних и малолетних правонарушителей.

Полное осознание человеком значения своих действий включает:

- правильное понимание объективного содержания собственного поведения, цели совершаемых действий;
- предвидение результатов своих деяний; их оценку с точки зрения моральных и правовых норм (Коченов, 1980).

Особое значение в экспертной оценке при этом имеет анализ *личностной зрелости* несовершеннолетних (подозреваемых, потерпевших и свидетелей).

А. А. Федонкина справедливо подчеркивает, что в настоящее время четко не сформулированы критерии дифференциальной диагностики личностной незрелости, а также экспертные критерии оценки способности несовершеннолетнего с личностной незрелостью осознанно руководить своим поведением (Федонкина, 2016).

В клинко-психологической практике понятие незрелости принято связывать с понятием психофизического инфантилизма. В литературе описаны два вида психофизического инфантилизма: *гармоничный* (при котором наблюдается задержка как физического, так и психического развития) и *осложненный* (при котором наблюдается задержка в психическом развитии при нормальном физическом развитии подростка).

О *психофизиологической незрелости* принято говорить тогда, когда у детей имеет место гармоничный психофизический инфантилизм, психологической составляющей которого является недоразвитие эмоционально-волевой сферы и замедление развития интеллектуальных функций. Эмоционально-волевая сфера детей с психофизическим инфантилизмом как бы находится на более ранней ступени развития, соответствуя психическому складу ребенка более раннего возраста. Эмоции таких детей отличаются яркостью и живостью, наблюдаются преобладание эмоциональных реакций в поведении, повышенная внушаемость, недостаточная самостоятель-

ность. Особенности их эмоционально-волевой сферы негативно влияют на формирование динамических характеристик восприятия, памяти, мышления. У них наблюдается преобладание конкретно-образного мышления над абстрактно-логическим (Лебединский, 1985; Мамайчук и др., 2017).

Экспертное исследование детей и подростков с психофизическим инфантилизмом должно проводиться в рамках *комплексной психолого-психиатрической экспертизы*.

Психическая незрелость подростка с психофизическим инфантилизмом проявляется в особенностях его противоправных поступков.

Например, А., 15 лет, возвращался вечером домой после занятий в танцевальном кружке, в подъезде дома встретил группу знакомых подростков, которые предложили ему дежурить перед входом в подвал и предупредили, что, если появятся «менты» или посторонние люди, нужно дать сигнал в виде свистка. А. согласился и стал дежурить около назначенного места. Из подвала доносились плач, стоны и слабые крики о помощи. Не обращая внимания на это, А. продолжал «дежурить». Вскоре появился один из подростков и предложил А. зайти в подвал, а сам стал «дежурить». Войдя в подвал, А. увидел раздетую девушку и лежащего на ней знакомого парня. Подростки предложили А. совершить половой акт с девушкой. А. стал отказываться, и подростки стали смеяться над ним и угрожали избить его. Он согласился, но половой акт совершить не успел, так как в подвал нагрянула милиция и подростка арестовали на месте преступления, а другие участники разбежались.

В процессе экспертного психологического исследования у А. была выявлена выраженная личностная незрелость, что наглядно проявилось в таких устойчивых личностных характеристиках, как повышенная внушаемость, конформность, неадекватно заниженная самооценка. Несмотря на свои 15 лет, подросток отличался маленьким ростом и весом, внешне выглядел как 12-летний. Он учился в седьмом классе, в первом классе оставался на второй год в связи с неуспеваемостью. Он знал о взаимоотношениях полов, видел фильмы сексуального содержания. Эротические фантазии, мастурбацию отрицал. В беседе с экспертами утверждал, что не понял, зачем его попросили дежурить около подвала, а когда вошел туда, то понял, чем занимаются ребята. Согласился совершить половой акт по настоятельной просьбе ребят, хотя сам этого не хотел. По заключению психиатров, у подростка наблюдались гармонический психофизический инфантилизм и задержка психического развития. Это являлось причиной личностной незрелости и затрудняло осознание ситуации деликта и его последствий.

Особые трудности в экспертной оценке вызывают подростки с *социально-психологической незрелостью*, включающей в себя недоразвитие знаний, навыков, умений, приобретенных на личном опыте и в процессе обучения, и обусловленной особенностями социальной ситуации развития подростка (семейное и общественное воспитание, степень социальной депривации и пр.), особенностями семейного воспитания, а также социальной депривацией. Одной из важных причин личностной незрелости может быть и социально-педагогическая запущенность подростка.

Как справедливо подчеркивает Е. Г. Дозорцева, личностную незрелость как отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством, необходимо рассматривать как психологическую категорию, признаками которой являются:

- неразвитость и слабая структурированность мотивационно-смысловой сферы;
- несформированность социальной позиции;
- зависимость от собственных сиюминутных побуждений и ситуационного влияния окружения (Дозорцева, 2005).

При экспертной оценке социально-психологической зрелости необходим психологический анализ формирования возможностей совершения антиобщественного поступка подростком.

В процессе экспертизы психологи оценивают особенности гностических и мыслительных процессов, однако эти показатели не являются единственными критериями психологической оценки личностной незрелости. В данной экспертной ситуации важна оценка психологом особенностей понимания и осознания подростком характера своих действий в криминальной ситуации, особенностей их регуляции, а также комплексная психологическая оценка его личности с учетом ее когнитивных, эмоциональных и поведенческих особенностей.

Наиболее значимым параметром в оценке социально-психологической незрелости является *уровень самооценки* несовершеннолетнего. Неадекватно заниженная или завышенная самооценка негативно отражается на способности подростка правильно осознавать свои действия и руководить ими. Важен также психологический *анализ структуры личности*, изучение гармоничности личностных свойств.

В ходе экспертных исследований у несовершеннолетних правонарушителей были выявлены следующие признаки, серьезно снижающие возможность оценки своих действий и осознанного руководства ими: недостаточное развитие мотивационно-смысловой сферы, социальных установок и взаимодействий, самосознания и регуляторных функций (Дозорцева, Федонкина, 2013; Федонкина, 2016).

Далее в исследованиях А. А. Федонкиной были выделены следующие признаки, наблюдаемые у подростков-правонарушителей с психической незрелостью:

- бедность мотивов и трудности в организации деятельности;
- слабое усвоение социальных норм и пониженный уровень морального развития;
- недифференцированность оценок, проявляющаяся в преимущественно эмоциональном подходе к ситуации;
- трудности с волевым контролем активности.

Совокупность описанных характеристик автор предлагает рассматривать в качестве патопсихологического симптомокомплекса аномальной личностной незрелости (Федонкина, 2019).

Особое место в экспертной оценке осознания и понимания подростком содеянного занимает анализ *личностной значимости цели действий*, то есть *целесообразности* поведения несовершеннолетнего.

При экспертной оценке целесообразности преступного деяния необходимо обратить внимание на:

- цель совершения преступления;
- соотношение цели и средств ее достижения;
- определенность и стойкость цели;
- соотношение способов достижения цели и личностных особенностей несовершеннолетнего.

Особенно важна экспертная психологическая оценка *мотивации преступного поведения* подростка. В психологии мотив рассматривается как внутреннее побуждение к тому или иному поступку. Изучение мотива поведения личности отвечает на вопрос, почему человек поступает так или иначе. Многочисленные исследования психологов и криминологов показали, что главную роль в формировании

преступного поведения играют потребности субъекта, среди которых выделяются 1) органические (физиологические) — в самосохранении, размножении и т. п.; 2) материальные и 3) социальные — в завоевании социального статуса, в признании, самоутверждении, творчестве, смысле жизни и т. д. Отдельные поступки, а тем более поведение человека в целом, в том числе и преступное, в основном направляются не одним, а несколькими мотивами, находящимися друг с другом в сложных иерархических отношениях. Среди них имеются ведущие, которые и стимулируют поведение, придают ему личностный смысл. Так, в большинстве случаев в основе краж в подростковой группе лежат не только корыстные мотивы, но и мотивы самоутверждения личности в глазах престижной (референтной) группы. При этом мотивы как уголовно-правовая категория (месть, корысть, хулиганские побуждения, низменные побуждения, ревность, неприязненные отношения и др.) также не выявляют в полной мере индивидуальных характеристик несовершеннолетнего, а следовательно, их определение не дает полного представления о детерминантах противоправного поведения подростка. Как правило, исследователи подростковой преступности причиной насильственных и корыстных преступлений считают мотив самоутверждения, попытки завоевания подростком авторитета, личного статуса в группе сверстников (утверждение через насилие и потребление).

В криминологии описаны четыре категории неосознаваемых мотивов преступного поведения подростков (табл. 6.1).

Первая категория свойственна определенному типу личности, характеризующемуся переоценкой значимости своей личности, агрессивной концепцией окружающей среды, неустойчивостью настроения, склонностью к острым эмоциональным впечатлениям. Причиной неосознаваемой мотивации преступного поведения является сама психологическая структура личности.

Вторая категория неосознаваемых мотивов может носить компенсаторный или гиперкомпенсаторный характер, что прежде всего связано с развивающимся комплексом неполноценности, неадекватностью, ущемленностью личности. Последнее нередко приводит к бравашке, необдуманному, рискованному поступку, проявлениям физического насилия, смещения агрессивной реакции на замещающий объект.

Третья категория связана с отсроченным во времени действием закрепившегося в детстве по механизму импринтинга («впечатывания») травматического опыта. Унижения, незаслуженно жестокое обращение оставляют свой отпечаток в эмоциональной структуре личности и при определенных условиях могут порождать отклоняющиеся формы поведения.

Четвертую категорию составляют различные патологические, не исключаящие вменяемости особенности личности. В этих случаях у субъекта возникает сильнейшее стремление совершить поступок, который сам он расценивает как совершенно недопустимый. Такое нарушение влечения может проявиться как в форме безобидного озорства, так и в виде самых жестоких преступлений против личности (Васильев, 2001).

В подростковом возрасте неосознаваемые мотивы преступного поведения нередко проявляются не только при личностной незрелости, но и у подростков с дисгармоничной структурой личности. В некоторых случаях неосознаваемая мотивация преступного поведения носит компенсаторный характер, нередко наблюдается у юношей и подростков с комплексом неполноценности.

Таблица 6.1. Психологические особенности личности подростков с различными категориями неосознаваемых мотивов поведения

Номер	Особенности самооценки	Эмоционально-волевая сфера	Поведенческие и социальные особенности	Детерминанты неосознаваемых мотивов поведения
Категория 1	Высокий уровень самооценки (переоценка своей значимости)	Неустойчивая эмоционально-волевая сфера, склонность к острым эмоциональным впечатлениям	Агрессивные реакции на конфликт как привычная форма поведения. Негативная социальная аутоидентичность, что проявляется в избегании социального контроля. Как правило, паразитический образ жизни	Психологическая структура личности
Категория 2	Неадекватно заниженная самооценка	Тревожность, неуверенность в своих силах	Комплекс неполноценности, склонность к риску, приемлемость физического насилия вне зависимости от реального объекта, вызвавшего агрессию	Неосознаваемые мотивы поведения носят компенсаторный или гиперкомпенсаторный характер
Категория 3	Неадекватная самооценка	Эмоциональная ригидность, что проявляется в аффективном застревании в связи с унижениями, насилием, жестоким обращением в детском возрасте	Изменение эмоциональной структуры личности, деформация социально ориентированных форм поведения	Отсроченное во времени действие закрепившегося в детстве по механизму импринтинга травматического опыта
Категория 4	Неадекватно заниженная или завышенная в связи с патологическими особенностями личности, не включающими вменяемости	Сильное влечение к совершению поступка, в том числе и противоправного. Выраженная аффективная неустойчивость	Выраженная дисгармония психического развития по конституциональному, органическому или смешанному типу	Стойкая непрогрессирующая патология личности в целом, возникшая в результате ее неправильного искаженного формирования. Проявляется главным образом в эмоционально-волевой сфере и поведении и приводит к нарушению социальной адаптации

Источники: Васильев, 2001, с. 418.

Например, 17-летний юноша астенического телосложения всеми силами пытался утвердиться в группе сверстников, которые значительно превосходили его по силе. Юноша, чтобы доказать свою силу и смелость, убил своего деда — ветерана войны и охотно рассказал об этом во дворе ребятам.

Особую трудность в экспертной оценке представляет анализ связи неосознаваемых мотивов преступления с ранним детским травматическим опытом подростка, который не просто затрудняет особенности адаптации несовершеннолетнего, но и может вести к формированию сложных психологических и психопатологических комплексов.

Например, А., 16 лет, встретил на улице незнакомого мальчика, пригласил его в подъезд и под угрозой расправы заставлял целовать свой половой член. Ребенок очень испугался и выполнил просьбу насильника. О случившемся пострадавший рассказал своим родителям. Отец мальчика с друзьями вскоре нашли преступника. А., по характеру скромный, застенчивый юноша, отличался выраженной дисгармоничной структурой личности, что проявлялось в повышенной аффективной напряженности, в сниженной адаптации. Юноша не имел друзей, отличался социальной робостью. На допросах плакал, утверждал, что сам не понимает, как это могло случиться. В доверительной беседе рассказал психологу, что, когда он учился в первом классе, старшие школьники поймали его в туалете школы и заставляли трогать половой член, целовать и производить другие действия. Он никому не рассказал о случившемся, так как старшеклассники угрожали ему расправой. Вскоре эти же подростки были исключены из школы за неуспеваемость и кражи. Следствие проверило показания подростка, и они подтвердились.

Как отмечалось выше, неосознаваемая мотивация преступного поведения чаще наблюдается у подростков с дисгармонией в психическом развитии, однако она может наблюдаться и у здоровых подростков. Нередко подростки и юноши совершают преступления под влиянием массовых беспорядков, после рок-концертов, спортивных соревнований, на дискотеках.

Например, молодой человек 16 лет впервые пришел на дискотеку. Там завязалась драка, которая переросла в массовую. Юноша, поддавшись массовому настроению, ударил ногой в голову лежащего на полу подростка. По данным судебно-медицинской экспертизы, этот удар оказался для потерпевшего роковым, и он скончался на месте преступления от перелома основания черепа.

В структуре личности подэкспертного не выявлено агрессивности, повышенной аффективности как устойчивых личностных характеристик. В беседе со следователем и психологом он подчеркивает, что сам не понимает, как это могло произойти. Выявлены повышенная внушаемость, высокая тревожность, высокий уровень фрустрационной напряженности.

Таким образом, при анализе ситуации деликта несовершеннолетних отдельного исследования заслуживает внешняя сторона поведения субъекта. Эксперт-психолог, в свою очередь, должен провести экспертный анализ формирования противоправного поступка у подростков в целом.

В. Н. Кудрявцев предлагает выделить три этапа формирования противоправного поступка:

- формирование личности подростка с антиобщественной направленностью;
- формирование у подростка конкретного решения совершить антиобщественный поступок;
- реализация этого решения, включая совершение поступка и наступление вредных последствий (Кудрявцев, 1982).

Такой подход к анализу преступного деяния подростка позволяет глубже раскрыть внутреннюю картину преступления (ВКП), проанализировать степень осознания и понимания содержания содеянного.

При экспертном психологическом анализе первого этапа формирования антиобщественного поступка необходимо проанализировать особенности развития правосознания у подростка, его реальные жизненные ценности и нравственно-нормативные установки. Нередко эксперт-психолог, изучая индивидуальные показатели подозреваемого, сталкивается с дефицитом личной информации в материалах уголовного дела. Для выявления условий жизни, воспитания подростка, особенностей его поведения, увлечений, интересов, индивидуальных особенностей, а также влияния ближайшего окружения несовершеннолетнего необходимо предоставить эксперту-психологу протоколы допросов педагогов, соседей, родителей, знакомых и друзей подростка.

Экспертно-психологический анализ второго этапа требует изучения способов принятия подростком преступного решения. В психологии принятие решения рассматривается как взаимодействие личностных черт субъекта, его установок, ценностных ориентаций с особенностями объективной внешней ситуации. В процессе принятия решения определяющее значение имеют индивидуальные свойства личности (Козелецкий, 1979). Эксперт-психолог сопоставляет выявленные личностные характеристики подэкспертного с его ценностными ориентациями, жизненными установками, с особенностями социального окружения подростка. Тщательный анализ протоколов допросов, беседы с родственниками и знакомыми подэкспертного позволят эксперту получить объективную информацию о его личностной позиции и специфике поведения.

Отечественные эксперты-психологи подчеркивают, что у подростков с выраженной личностной дисгармонией отмечается снижение способности к руководству своими действиями даже при правильном их осознании (Антонян, Гульдман, 1991; Дозорцева, 2004; Коченов, 1980; Кудрявцев, 1988; Мамайчук, 2002; Ситковская, 1998; и др.).

Важным в экспертном анализе является психологический анализ *степени деликвентности* подростка. С этой целью целесообразно использовать классификацию Г.М. Миньковского, где автор предлагает выделить три типа деликвентности.

1. Последовательно-криминогенный тип, когда преступление вытекает из привычного стиля жизни подростка, обусловленного специфическими взглядами, установками, ориентациями. Такие подростки сами формируют ситуацию преступления. Как правило, они имеют некоторый опыт общения с судебными органами.
2. Ситуативно-криминогенный тип, где преступление в значительной степени обусловлено неблагоприятной ситуацией. Подростки этого типа, как правило, не инициируют ситуацию преступления, а совершают его под влиянием преступной группы или в состоянии алкогольного опьянения.
3. Ситуативный тип характеризуется незначительной выраженностью негативно-го поведения. Преступление совершается под решающим влиянием ситуации, возникшей не по вине самого подростка (Миньковский, 1959).

Экспертно-психологический анализ реализации преступного деяния и осознания его последствий (третий этап анализа) требует соотнесения выявленных

индивидуально-психологических характеристик подростка со спецификой его поведения в конкретной ситуации деликта. Необходимо исследовать особенности психического состояния подростка в момент деликта, а также его отношение к содеянному.

СПЭ несовершеннолетних рекомендуется проводить на ранних этапах следствия, так как результаты экспертизы имеют важное значение не только для установления истины по делу, но и для оптимизации самого судебно-следственного процесса. Перед психологом стоит задача помочь следователю установить психологический контакт с подростком. Трудности установления такого контакта обусловлены рядом причин: это страх уголовного наказания, заинтересованность подростка и его родственников в положительном исходе дела, индивидуально-психологические особенности подростка. В процессе допроса широко проявляется вся гамма как негативных, так и позитивных особенностей личности подростка, таких как импульсивность или заторможенность, гиперактивность или пассивность, высокая аффективная напряженность или расслабленность, эгоцентризм или альтруизм и др. Отдельные подростки, неправильно понимая чувство дружбы, товарищества, скрывают активных соучастников преступления и берут всю ответственность за совершение преступления на себя. Это может быть связано с чрезмерным «чувством взрослости», неадекватной самооценкой, боязнью прослыть слабым и пр.

Опыт нашей многолетней работы показывает, что привлечение эксперта-психолога при расследовании уголовных дел в отношении несовершеннолетних не только повышает эффективность расследования, но и способствует оптимизации психологического контакта между следователем и подростком (Арбузова, 2023).

Перечислим **типовые вопросы**, выносимые юристом в постановление о назначении судебно-психологической экспертизы осознания содеянного и способности регуляции своих действий у несовершеннолетних.

1. Каковы интеллектуальные и индивидуально-психологические характеристики подростка?
2. С учетом особенностей его психического развития, мог ли он полностью осознавать значение совершаемых им действий?
3. Каковы особенности психического состояния подэкспертного в период инкриминируемых ему действий?
4. С учетом особенностей психического развития подэкспертного и особенностей его психического состояния, в какой мере он мог руководить своими действиями?

Дополнительно нередко предлагается такой вопрос:

5. Имеются ли в структуре личности подэкспертного личностные свойства, существенно повлиявшие на поведение подэкспертного в ситуации деликта и на особенности его показаний (например, агрессивность, внушаемость, лживость, гиперсексуальность как устойчивые личностные характеристики)?

Глава 7

СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ОСОБЕННОСТЕЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ГРУППЕ

Проблемы группового взаимодействия представляют собой один из ключевых вопросов юридической психологии, поскольку преступления, совершенные в группе, имеют очень высокий уровень общественной опасности. Это связано с тем, что при увеличении численности группы, как правило, возрастает и ее криминализация. Группе свойственны следующие закономерности ее функционирования: взаимное воздействие, внушаемость, чувство принадлежности, повышение уверенности в себе и т. д. Под ее влиянием, как правило, значительно облегчается совершение различных преступлений, а также возрастает возможность вовлечения в сферу ее влияния новых членов. Именно поэтому в уголовном законодательстве России преступления, совершенным в группе, уделяется отдельное место, а наказание является более суровым.

Под преступной (криминальной) группой принято понимать неформальную общность людей, которые не просто осуществляют криминальную деятельность, но и имеют общие цели, интересы, направленность, в том числе на достижение криминальных целей. Количество членов группы может начинаться от двух человек. Верхний предел численности группы на данный момент не определен законодателем.

Принято выделять совокупность факторов, которые в значительной мере способствуют формированию преступных групп. К ним можно отнести:

- невозможность совершить преступление без объединения;
- общность преступных интересов;
- личные симпатии;
- общие нормы поведения, общие убеждения.

Предметом исследования в данном виде экспертиз является определение специфики взаимодействия участников группы, определение ее ролевой структуры. *Объект* исследования СПЭ ориентирован на определение места каждого участника группы в совершенном преступлении, а также степени задействованности в преступлении.

Данный вид экспертизы, как правило, назначается в период предварительного следствия, когда преступление совершено неформальной группой с асоциальной или криминальной направленностью. Исследование необходимо и в том случае, если речь идет об еще несформированных подростковых образованиях, которые характеризуются плохо дифференцированной структурой группы и непредсказуемой динамикой развития противоправного поведения (Белоусов (сост.), 2010). Еще более сложной проблемой экспертизы являются ситуации, когда преступление совершено в группе, однако наблюдаются элементы маскировки ее участниками своих истинных ролей, стремление переложить ответственность на других, исказить роль, степень участия

в отдельных эпизодах преступной деятельности группы. Как правило, перед следствием возникают вопросы о специфике взаимодействия, в том числе ролевого, до и во время совершения преступления, а также вопрос об индивидуально-психологических характеристиках каждого члена преступной группы, их возрастных особенностях.

Криминальные группы являются динамичными образованиями, как правило, ориентированными на увеличение численности за счет новых членов, в том числе подросткового возраста. Поскольку психика подростков в силу ее активного развития неустойчива, при изучении криминальных проявлений в группе особое внимание уделяется группообразованию подростков, для которых оно одновременно является элементом возрастного развития (Косарецкая и др., 2006).

В. Ф. Пирожков выделяет следующие криминальные группы среди несовершеннолетних:

- детские асоциальные группы (8–11 лет);
- подростковые криминальные группы (11–15 лет);
- юношеские криминальные группы (15–17 лет) (Пирожков, 1994).

Формированию подростковых групп способствует не только тот факт, что общение в этом возрасте является неотъемлемой частью развития субъекта, но и ряд других факторов, таких как наличие общих взглядов, высокий уровень активности, групповой досуг и пр.

Вне зависимости от вида и направления экспертного исследования, важное значение имеют общая характеристика и *анализ структуры группы*. Структура группы является одним из наиболее существенных признаков организации любого криминального сообщества. Согласно исследованиям в юридической психологии, каждая группа имеет определенное число участников, специфику организации, ценностные и групповые нормы, характеризуется специфическими особенностями внутреннего взаимодействия и т. д. Как и в обычной группе, в преступной группе условно можно выделить три структурных уровня:

- первый — *лидер*, возглавляющий преступную группу, в функции которого входит организация преступления и руководство им;
- второй — значительное количество *активных членов группы* (это, как правило, авторитеты, лица, пользующиеся уважением у лидера и других членов преступной группы и нередко имеющие уже некоторый криминальный опыт);
- третий — это *рядовые исполнители преступления*.

В преступной группе может существовать также *оппозиционер*, который либо скрыто конкурирует с лидером, либо находится в открытой оппозиции к лидеру и всем членам группы.

В зависимости от их организованности и уровня криминализации принято выделять следующие типы сообществ:

- *предкриминальные группы* (часто к ним относятся подростковые группы, не имеющие определенной криминальной направленности);
- *организованные преступные группы*;
- *преступные организации*;
- *преступные сообщества*.

Классификация групп, принятая в уголовном законодательстве, в отличие от подхода, принятого в юридической психологии, в большей мере ориентирована на ее формальные составляющие. Так, в зависимости от общей направленности пре-

ступных групп, в соответствии со ст. 35 УК РФ, законодатель выделяет следующие формы групповой и организованной преступной деятельности:

- группа лиц без предварительного сговора;
- группа лиц по предварительному сговору;
- организованная группа;
- преступное сообщество (преступная организация).

Ключевыми экспертными понятиями, объединяющими все имеющиеся на данный момент классификации, являются понятия цели, мотивации, направленности, детерминации поведения в исследуемой криминальной группе. Исходя из этого, при экспертном анализе преступной группы необходимо учитывать следующие факторы:

- 1) причины объединения в данную группу или цель группового взаимодействия (могут быть многообразны и зависят как от внешних факторов, например невозможности совершить преступление без объединения, так и от внутренних — личной симпатии и психологической зависимости);
- 2) особенности внутриличностного взаимодействия членов группы: специфику личностных контактов в группе, специфику конфликтов, ролевые функции членов группы.

С учетом вышесказанного и сложности проблемы, наиболее приемлемой с точки зрения экспертизы является классификация группового взаимодействия, предложенная в рамках криминологических исследований. Так, в зависимости от жесткости функциональной структуры и специфики межличностных отношений в криминологии преступные группы принято делить на три категории. Это случайная преступная группа, компания и организованная преступная группа (табл. 7.1).

Экспертно-психологическое исследование членов *случайной группы* должно быть направлено на анализ мотивов преступления и специфику поведения каждого из ее членов, что требует анализа устойчивых характерологических особенностей каждого из членов группы. В процессе СПЭ подростков необходимо обратить внимание на особенности акцентуации характера. А.Е. Личко в своей работе отмечает, что подростки с психастенической и сенситивной акцентуациями характера нередко становятся жертвами преступлений, а сенситивный (сверхчувствительный) подросток, оказавшись свидетелем или соучастником тяжкого преступления, может проявить повышенную возбудимость, неустойчивость настроений или даже соматические расстройства, аллергии. Такой свидетель глубоко переживает ситуации допросов, очных ставок, экспертиз, а если он сам становится участником преступления, то это, как правило, происходит по принуждению и давлению на него. Подростки с акцентуацией характера по гипертимному и неустойчивому типу чаще совершают злостные хулиганские преступления в небольших группах, причем нередко являются лидерами преступных группировок. У подростков с истероидной акцентуацией характера преступления часто отличается демонстративностью, а с эпилептоидной и шизоидной акцентуациями — преступления отличаются особой жестокостью (Личко, 1983).

Тщательный клинико-психологический анализ особенностей личности подэкспертных помогает оценить специфику их поведения во время совершения преступления.

Пример из практики. Случайная группа старших подростков (16–18 лет) из трех человек подозревалась в совершении развратных действий с умственно отсталым мальчиком в возрасте восьми лет. На следствии двое, В. и А., утверждали, что С. организовал это преступле-

Таблица 7.1. Специфика структуры и функционирования преступных групп

Название	Функциональная структура	Специфика контактов	Специфика преступлений
Случайная преступная группа	Нет четкой функциональной и психологической структуры. Состав группы нестабилен. Отсутствует четкая цель и предмет преступной деятельности	Низкий уровень сплоченности. Слабо выражена взаимная поддержка, зависимость и взаимозащита членов группы	Большинство действий соучастников осуществляются без продуманного плана, либо под влиянием эмоций или ситуации
Компания	Более стабильный личный состав. Сильнее выражена антиобщественная установка членов группы. Может не иметь явного лидера, однако имеет ядро из наиболее активных, авторитетных членов компании	Главную роль играют межличностные отношения, основанные на эмоциональных связях. Социально-психологическая структура является более сложной и индивидуально ориентированной	Часто не имеет четких планов преступной деятельности, однако характеризуется наличием единых целей участников (не всегда криминальных)
Организованная преступная группа или группировка	Состав группы устойчивый. Имеется четкая функциональная структура: лидер, активные и пассивные члены группы, заранее объединившиеся для совершения одного или нескольких преступлений. Основная цель группы — преступная деятельность. Соблюдается принцип единоначалия. Главарь (лидер) планирует и готовит преступления, распределяет роли между участниками	Имеют место устойчивые групповые нормы поведения, близкие по содержанию ценностным ориентациям. Имеется четко поставленная преступная цель	Все члены организованной группы отличаются выраженной криминалистической направленностью. Имеются четкие планы, разрабатываются стратегические и тактические задачи преступлений

ние и научил их «гомосексуальным действиям». Была назначена судебно-психологическая экспертиза с целью изучения личностных особенностей членов группы и их влияния на характер инкриминируемых им действий и роль каждого из участников в преступном деянии. Подростки проживали в одном дворе, были знакомы друг с другом, но В. и А. дружили, а с С. общались ситуативно. В структуре личности В. четко прослеживалась акцентуация характера по гипертимному типу. Это проявлялось в повышенном уровне активности, в завышенной самооценке. Подросток отличался подвижностью, решительностью. В его поведении четко обнаруживались лидерские позиции. Мать В. в беседе с психологом подчеркивала, что сын всегда был очень активным, не любил подчиняться, «еще с детского сада любил руководить ребятами». В структуре личности А. диагностировалась акцентуация характера по неустойчивому типу, первые признаки которой проявлялись у него еще в детском возрасте. Мать отмечала высокую двигательную активность сына, непоседливость. В подростковом возрасте у подэкспертного наиболее ярко проявилась слабая способность к целенаправленной деятельности, А. не желал учиться, делал все возможное, чтобы избежать даже минимальных нагрузок. В 17 лет нигде не работал и не учился. Основным занятием были бесцельные про-

гулки с друзьями, употребление алкоголя и транквилизаторов. У С. четко прослеживалась акцентуация характера по конформному типу. Этот тип акцентуации отличается сильной зависимостью от своего социального окружения, неадекватно заниженной самооценкой, низким уровнем самоуважения. Мать утверждала: «Сын мой без хребта... куда подует ветер, туда его и тянет, особенно на все плохое». Анализ динамики показаний С. на этапах следствия выявил их трансформацию. На первом допросе С. категорически отказывался от причастности к развратным действиям с малолетним в подвале, однако утверждал, что неоднократно вступал с В. и А. в гомосексуальные игры по их настоятельной просьбе. На втором допросе рассказал, что уговорил жертву прийти к нему в гости, потом пошли в подвал, что сам предложил ребятам совершить половой акт с жертвой, что сам при этом держал мальчика за руки, чтобы тот не сопротивлялся. На следующих допросах утверждал, что сам совершал с мальчиком гомосексуальные действия, а ребята к этому преступлению не причастны. В. и А. в течение всех допросов указывали на С., как активного участника и организатора преступления. Жертва — умственно отсталый мальчик восьми лет, ученик коррекционной школы из семьи алкоголиков, утверждал, что с ним совершали «действия» В. и А., а также двое других подростков, имена которых он не помнит, что это происходило в подвале дома. Мальчик не отрицал, что был в гостях у С., что к нему в гости приходили В. и А., но утверждал, что в квартире у С. с ним ничего такого не делали.

Следователь внимательно изучил характеристики подсудимых, представленные в заключении СПЭ, пригласил жертву и подозреваемых для дачи показаний на месте происшествия. Допрос начали с С. Следователь обратил внимание на то, что подросток смущался, проявлял волнение, особенно при ответах на конкретные вопросы, путался в показаниях. В конце допроса С. признался, что ничего такого не делал, что он все выдумал, так как его об этом просили В. и А.

Анализ показал, что в преступной группе подростков наблюдался нестабильный состав, отсутствовал продуманный план и подготовка к преступлению, отсутствовала четкая психологическая и функциональная структура, роли не распределялись, отсутствовал лидер. Мальчик (жертва) был знаком с С., иногда бывал у него дома. Сексуальные действия со стороны С. отрицал. У С. с В. и А. были совместные сексуальные игры дома у С. и в подвале (совместная мастурбация, оральные действия и пр.). А. с В. зашли в знакомый подвал, где были еще двое подростков и мальчик, которые нюхали клей «Момент». Когда С. заглянул в подвал, он увидел, что один из незнакомых подростков совершает развратные действия с мальчиком. С. не остановил их, а наблюдал за действиями подростков. О случившемся узнала мать мальчика и написала заявление в прокуратуру. Специальный анализ поведения подростков на этапах следствия (анализ протоколов допросов, аудио- и видеозаписей) выявил отсутствие взаимной поддержки членов группы. Кроме того, А. и В. в процессе следствия шантажировали и запугивали С., обещая рассказать о том, чем занимались подростки у него дома, и предложили ему взять вину на себя, обвиняли его в том, что С. научил их. Следует подчеркнуть, что С. был самым старшим в преступной группе, однако уровень его интеллектуального развития был значительно ниже, чем у других членов группы. Конформность, повышенная внушаемость также способствовали специфике его поведения на этапах следствия.

Как отмечалось выше (табл. 7.1), социально-психологическая структура *компании* отличается тем, что между ее членами наблюдаются эмоциональные связи. Психологический анализ специфики этих связей позволяет экспертам-психологам и следствию разобраться в мотивационной линии поведения членов группы, определить роль каждого из них в преступном деянии.

Например, В., 14 лет, вместе со своей приятельницей Е., 15,5 лет, убил своего 9-летнего брата О., труп которого был обнаружен через четыре месяца в пруду.

Экспертно-психологический анализ показал наличие длительной конфликтной ситуации в семье В. в связи с антиобщественным поведением отца и младшего брата (погибшего). Отец был осужден за кражу, а младший брат (форточник) участвовал в квартирных кражах. Анализ

характерологических особенностей В. выявил умеренную общительность, конформность, повышенную чувствительность к оценкам окружающих, отсутствие склонности к импульсивным действиям и аффективную ригидность. В ситуации конфликта у мальчика преобладали упорствующие реакции, то есть акцент делался на потребности решить конфликтную ситуацию. Признаков выраженной жестокости, повышенной внушаемости в характере подследственного не обнаружено.

У подследственной Е., 15 лет, наблюдались такие устойчивые личностные характеристики, как повышенная возбудимость, склонность к бесконтрольным поступкам, неадекватная (завышенная) самооценка, повышенная внушаемость. Выявлена акцентуация характера по неустойчивому типу. Это проявлялось в склонности к имитации, развлечениям, в непоследовательных оценках, мнениях и поступках.

Специальный анализ показал, что подследственные отличались высокой чувствительностью к оценкам со стороны дворовой компании. Нередко в процессе бесед с психологом подростки утверждали, что «в жизни главное друзья, друзья не оставят в беде, помогут...» и пр. На вопрос психолога «А кто ваши друзья, чем они занимаются?» подростки не давали конкретных ответов. Впоследствии выяснилось, что «друзья» — это группа сверстников по месту жительства. В. и Е. проводили много времени с дворовой группой: гуляли, употребляли алкоголь и пр. Психолог высказал мысль о групповой мотивации преступления и косвенном участии в нем дворовых друзей, что подтвердилось в ходе дальнейшего расследования. В. и Е. были активными членами дворовой компании. Брат В. (погибший) страдал умственной отсталостью неуточненной этиологии, бродяжничал, воровал, не посещал школу. В связи с таким поведением младшего сына мать жестоко его избивала. В. делился с Е. своими семейными проблемами и предложил ей помочь убить брата. Затем план преступного деяния обсуждался с дворовыми друзьями, которые поначалу посмеивались над ними и утверждали, что они струсят и никогда этого не сделают. Накануне деликта подростки собрались на квартире у лидера компании, Л., 16 лет, студентки техникума, в которую был влюблен В. Подростки обсудили план операции (убийства), выпили за успех дела, В. с Е. заманили младшего брата В. на карьер, там заставили его выпить стакан вина, кинули его в воду и стали топить. После совершения преступления подростки вместе с членами группы сожгли одежду жертвы, разошлись и старались не встречаться друг с другом. Труп мальчика был обнаружен в пруду без признаков насильственной смерти через два месяца. Подростки участвовали в похоронах, Е., по показаниям свидетелей, очень плакала и через некоторое время после похорон мальчика добровольно призналась инспектору детской комнаты милиции в содеянном. В. тоже признался в содеянном, однако Е. под влиянием своих родственников стала отрицать свое участие в преступлении.

Важным вопросом экспертного исследования в данном случае является определение не только индивидуально-психологических особенностей подэкспертных, но и уровня их интеллектуальной и личностной зрелости, способности осознавать значение совершаемых действий, предвидеть их последствия. Важной составляющей экспертизы является и вопрос о склонности каждого из подозреваемых к формированию лидерской позиции.

В рассмотренном примере психологическое обследование членов группы выявило выраженные лидерские тенденции у Л., 16 лет (студентки техникума). В структуре личности Л. наблюдались такие индивидуально-психологические характеристики, как эмоциональная устойчивость, самостоятельность, социальная активность, смелость, рациональность в сочетании с эмоциональной холодностью. Отмечался достаточно высокий уровень интеллектуального развития в сравнении с другими членами компании. У Л. четко прослеживались черты безразличия и жестокости. Например, в процессе следствия и в судебном заседании она утверждала следующее: «Зачем нужен такой генетический мусор, как брат В. ... что бы с ним дальше было... такие не должны жить» и пр. Полученные данные психологического обследования совпадали с характеристиками, представленными на подэкспертную в мате-

риалах уголовного дела. Дальнейшее расследование подтвердило лидерские позиции Л. в организации преступного деяния. У нее на квартире собрались подростки и обсуждали план деликта, а после случившегося она приказала всем затаиться и больше не встречаться, в случае разоблачения не выдавать друг друга.

Итак, приведенный пример показывает, что дворовая компания из шести участников обсуждала возможность убийства брата одного из членов компании. Е. и В. проявляли готовность к совершению убийства, члены компании подсмеивались над ними, тем самым провоцируя их на совершение деликта. Обсуждение деталей преступления проводилось всей компанией на квартире у Л., лидерские позиции которой четко прослеживались при психологическом анализе особенностей ее личности и специфики группового взаимодействия. Межличностное общение в компании было построено на личных предпочтениях, симпатиях, эмоциональных связях между ее членами. Следует заметить, что определение лидерских позиций при организации преступного деяния в компании имеет гораздо большее значение, чем в случайной группе.

Большую сложность представляет психологический анализ *форм взаимодействия участников преступной группы в конкретной ситуации*. Это особенно важно, когда расследуются тяжкие телесные преступления против личности, совершенные членами преступной группы совместно. Эксперт-психолог в своем заключении должен отразить степень выраженности и специфику проявления межличностных отношений в группе, а также установить неформальных лидеров преступной группы, которые часто пытаются завуалировать свою истинную роль и активно противодействуют расследованию.

Например, при расследовании преступлений, совершенных И., Ш. и Г., на разрешение судебно-психологической экспертизы была поставлена задача установить неформального лидера этой группы. Бандиты совершали нападение в масках, препятствующих опознанию, отказывались давать показания, активно защищались. Эксперт-психолог дал подробные психологические характеристики всем подэкспертным и указал: «В исследуемой группе неформальным лидером является И. Об этом свидетельствуют более высокий интеллектуальный уровень его развития, наличие развитых волевых качеств и организаторские способности, общительность, инициативность, настойчивость, эмоциональная устойчивость, богатый опыт, в том числе преступный, находчивость, более широкий кругозор, чем у остальных членов группы, уверенность в себе, умение понять другого человека, холодная расчетливость, хорошее физическое развитие» (Васильев и др., 1997).

Психологический анализ специфики эмоциональных связей между членами группы очень важен и может дать дополнительную информацию для следствия. В любой преступной группе может присутствовать *оппозиционер* — член группы, который находится в скрытой оппозиции к лидеру и имеет наименее выраженные эмоциональные связи с группой. Это может быть обусловлено как внешними факторами, так и внутренними (личностными причинами).

Например, в изучаемой нами организованной преступной группе подростков, которые грабили прохожих, совершали систематические кражи в квартирах и на дачах, был выделен предполагаемый оппозиционер, который был влюблен в девушку — сожительницу лидера группы. В процессе экспертного исследования было установлено, что С., 17 лет, был привлечен к участию в группе своей бывшей одноклассницей, в которую был влюблен, но долго не знал, что она сожительствует с лидером группы неким Д., 24 лет, дважды судимым. Узнав об этом, С. тайно возненавидел лидера.

Однако чаще в организованных преступных группах встречаются оппозиционеры, в структуре личности которых наблюдаются высокий уровень притязаний, повышенная активность, социальная смелость, нередко высокая эмоциональная вовлеченность в ситуацию деликта.

Например, А., бывший десантник, воевал в Афганистане, служил телохранителем у одного лидера преступной группировки и был задержан с подозрением на убийство хозяина. На допросах А. отрицал не только содеянное, но и свою принадлежность к преступной группе. Свидетели (члены этой группы) утверждали, что А. ненавидел хозяина, «часто решал многие вопросы за него», «демонстрировал свою силу и ловкость», был жесток, «активно участвовал в разбоях и грабежах», но высказывался, что «дележ награбленного не справедливый», жаловался, что «мало получал», «иногда сам организовывал грабежи, но делился неохотно».

В структуре личности А. наблюдались выраженный эгоцентризм, что проявлялось в многочисленных претензиях к окружающим, неадекватно завышенная самооценка, нетерпимость к критике, доминантность, повышенная фиксация на источнике конфликта с выраженной экстрапунитивной направленностью на его разрешение. Основным способом психологической защиты у подэкспертного была проекция (перенос своих личностных свойств и действий на другого человека). Подельники характеризовали А. как «нетерпимого», «хвастливого», «жестокоего», «жадного». В беседе с психологом А. фиксировал внимание эксперта на том, что он застрелил нехорошего человека, бандита. Однако психологический анализ личности А. показал истинную мотивационную линию преступного поведения (Васильев и др., 1997).

Таким образом, при психологическом анализе *организованной преступной группы* перед экспертом-психологом стоят следующие задачи:

- социально-психологический анализ структуры группы;
- определение степени антиобщественной направленности группы, ее целей и мотивов;
- анализ форм взаимодействия участников группы друг с другом;
- выявление специфики эмоциональных связей между членами группы.

При определении *степени антиобщественной направленности* группы психолог анализирует устойчивость группы и цель ее создания. Из материалов дела анализируется следующая информация:

- продолжительность совместной деятельности участников группы;
- специфика распределения ролей в группе;
- общность антисоциальных установок, доминирующих мотивов у членов группы;
- специфика их деятельности, способы и средства удовлетворения потребности.

Для решения перечисленных выше задач необходим тщательный психологический анализ материалов уголовного дела. Психолог скрупулезно изучает протоколы допросов и других следственных материалов, анализирует ситуации деликтов. Важен анализ *психологических мотивов* преступления каждого из членов преступной группы.

Социально-психологический анализ структуры группы помогает следствию установить лидерские позиции среди подозреваемых, а также позиции конформистов и оппозиционеров, которые, как правило, присутствуют в любой преступной группе. Перед экспертом-психологом целесообразно поставить вопрос о том, у кого из подозреваемых имеются такие особенности личности, как повышенная внушаемость, робость, подчиняемость, высокая активность, высокий уровень притязания, повышенная эмоциональность. Психологический анализ помогает следствию рас-

крыть психологическую характеристику мотивационных линий поведения каждого из членов группы и тем самым оптимизировать следственный процесс.

Перечислим **типовые вопросы**, выносимые юристом в постановление о назначении судебно-психологической экспертизы особенностей группового взаимодействия в преступной группе:

1. Каковы индивидуально-психологические особенности личности подследственных?
2. Кто из подследственных/подозреваемых имеет психологические особенности личности (какие), позволяющие ему занимать лидирующее положение в группе?
3. Кому из подследственных присущи такие особенности личности, как повышенная внушаемость, робость, зависимость или повышенная агрессивность, жестокость (в зависимости от того, что интересует следствие)?
4. Имеются ли в группе социально-психологические признаки высокой организованности, сплоченности, и если имеются, то в чем они конкретно выражаются?
5. С учетом выявленных психологических особенностей членов группы, каков наиболее вероятный сценарий их поведения в ситуации совершения преступления?

Глава 8

СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПОРОКОВ ВОЛИ

В последние три десятилетия в гражданском судопроизводстве рассматривается значительное число дел, связанных с имущественными спорами, требующими судебно-психологической экспертизы. Для анализа экспертной ситуации в данной категории дел принято использовать такое собирательное понятие, как порок воли. Связано это в первую очередь с тем, что используемые в гражданском и уголовном судопроизводстве категории, такие как воля, волеизъявление, порок воли, имеют психологическую природу. С другой стороны, возникновение психологической экспертизы порока воли обусловлено потребностями современного судопроизводства, расширением доказательной базы, относящейся к особенностям психической деятельности субъекта, а также развитием института сделок, семьи и брака.

Предметом исследования является установление значимых для суда способностей субъекта гражданско-правовой сделки в период, относящийся к ее совершению, в полной мере свободно и осознанно определять цель сделки, принимать решение по ее достижению и руководить своими действиями по реализации принятого решения (Секераж, 2004, 2007).

Объектом исследования в СПЭ порока воли является психическая деятельность субъекта в период формирования у него намерения к совершению сделки или изъяснения намерения и фактического совершения сделки.

Основной *целью* СПЭ имущественных споров в гражданском судопроизводстве является всестороннее исследование психологических факторов, влияющих на сделкоспособность субъекта.

В *задачи* исследования по данным видам экспертиз входит выявление:

- особенностей психической деятельности в момент проведения экспертизы (или ретроспективно);
- особенностей психических состояний подэкспертных;
- таких индивидуальных особенностей, вследствие которых подэкспертный не мог бы понимать значение своих действий или руководить ими;
- способности понимать содержание и последствия сделки.

При проведении экспертных исследований порока воли следует различать юридический и психологический подходы. Центральным экспертным понятием данного вида экспертиз в юридической психологии является понятие воли, которая может рассматриваться как свойство (процесс, состояние) человека, отраженное в его способности сознательно управлять своей психикой и поступками, преодолевать препятствия, возникающие на пути достижения сознательно поставленной цели.

С юридической точки зрения порок воли имеет место при несоответствии волеизъявления субъекта сделки (как средства распознавания воли) его подлинной воле (значению, которое он придает сделке). Традиционно представления юристов об экспертизе пороков воли связаны с экспертной оценкой дееспособности или недееспособности субъекта в условиях сделки, что требует судебно-психиатрической экспертизы на предмет дееспособности и сделкоспособности. В остальных случаях термин «порок воли» употребляется юристами, когда у субъекта наблюдаются эмоционально-волевые нарушения, которые проявляются в трудностях волевой регуляции поведения в значимых с правовой точки зрения ситуациях.

Порок воли в юридическом понимании заключается в нарушении предусмотренных законодателем требований к субъективной стороне сделки. Центральным юридическим понятием при этом является понятие неоспоримой и оспоримой (недействительной) сделки с указанием оснований для ее недействительности. В качестве сделок с пороком воли принято рассматривать только те, в которых речь идет о несоответствии воли (что имелось в виду) и волеизъявления субъекта (как средства распознавания воли).

Сделки данной категории дел могут быть признаны недействительными, если они совершены:

- дееспособным гражданином, но находившимся в таком состоянии, когда он не был способен понимать значение своих действий и руководить ими (ст. 177 ГК РФ);
- под влиянием заблуждения, имеющего существенное значение (ст. 178 ГК РФ);
- под влиянием обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой стороной, стечения тяжелых обстоятельств (ст. 179 ГК РФ).

В юридической литературе наряду с понятием дееспособности широко используется такое понятие, как сделкоспособность, которая рассматривается как относительно самостоятельная правовая конструкция, имеющая собственное юридическое содержание, состоящее из двух элементов: способности совершать сделки, т. е. выполнять сами действия, являющиеся сделкой, и способности исполнять сделки. В отличие от недееспособности, констатация факта несделкоспособности на момент совершения сделки не ограничивает субъекта в реализации его основных гражданских прав и имеет много психологических составляющих (см. табл. 8.1).

Как видно из таблицы, указанные в законах условия недействительности сделки имеют психологическую природу, так как они связаны с особенностями психического состояния субъектов сделки, их осведомленностью о сделке в момент ее осуществления, наличием или отсутствием воздействия со стороны заинтересованных лиц. При заключении сделки (договор дарения недвижимости, завещание и пр.) также могут иметь место и другие психологические факторы, которые определяют способность субъекта понимать значение своих действий или руководить ими. Несмотря на то что на данный момент эта область все еще нуждается в последовательных исследованиях, психологи обычно выделяют несколько наиболее важных критериальных показателей (Малкин, 2004; Секераж, 2004; и др.). Основным, в том числе психологическим, критерием порока воли принято считать неспособность дееспособного лица при совершении сделки понимать значение своих действий или руководить ими. Это может быть обусловлено как внешними, так и внутренними

Таблица 8.1. Юридические и психологические критерии сделкоспособности

Статья ГК РФ	Юридические критерии	Характеристика субъекта сделки	Психологические критерии
177	Неспособность понимать значение своих действий или руководить ими	Дееспособные граждане, находящиеся в таком состоянии, когда они не способны понимать значение своих действий и руководить ими, в связи с социально-психологической незрелостью, возрастными особенностями	Нарушение способности к осознанному принятию решения и его исполнению
178	Заблуждение относительно сути сделки	Субъект заблуждается в целях и задачах сделки в связи с индивидуально-психологическими особенностями (внушаемость, социально-психологическая незрелость, педагогическая запущенность, низкий уровень правовой культуры и пр.)	Нарушение понимания существа сделки вследствие ошибочного восприятия и оценки ситуации сделки и ее результатов
179	Неспособность понимать значение своих действий в связи с обманом, насилием, угрозой, с одной стороны, и стечением тяжелых обстоятельств — с другой	Субъект осуществляет сделку под влиянием обмана, насилия, угрозы, под влиянием тяжелых жизненных обстоятельств (напряженная психотравмирующая ситуация в момент совершения сделки, что способствует растерянности, страху и пр.)	Особенности психического состояния субъекта сделки, способность или неспособность осознавать случившееся под влиянием насилия и психического состояния

факторами. К внешним факторам относятся угрозы, насилие со стороны заинтересованных в сделке субъектов, а к внутренним — самочувствие, эмоциональное состояние, неправильные или искаженные представления о цели и последствиях сделки у лица, осуществляющего сделку.

Чаще всего способность субъекта к совершению сделки определяется ретроспективно, относительно уже совершенного действия (ст. 177 ГК РФ). Основанием для возбуждения уголовного дела, как правило, является несоответствие воли субъекта его волеизъявлению. Например, решение о сделке принято субъектом сознательно и свободно, но действия совершаются не в соответствии с решением, не направлены на достижение той цели, которую наметил себе субъект сделки. Возможно и обратное. Отсутствие желания совершить сделку у субъекта проявляется в том, что у него отсутствует воля к ее совершению, но он ее совершает. Такие сделки совершаются, как правило, в результате физического или психического насилия над личностью. Исходя из этого, сделки с пороками воли принято делить на две группы. В первую группу входят сделки, где воля к достижению поставленной цели сделки отсутствует, во вторую группу — сделки, где воля сформирована неправильно.

Как отмечалось выше, насилие над субъектом сделки и угроза ему являются основанием для признания судом сделки недействительной. С психологической стороны угроза является одной из форм психического насилия. Угроза субъекту как фактор, приводящий к пороку воли, зависит от того, как ее воспринимает потерпевшая сторона. Результатом угрозы является возникновение эмоционального напряжения. Нередко единственным способом избавиться от угрозы и снять психическое напряжение для субъекта сделки является принятие навязываемого ему решения.

Например, в нашей практике был случай, когда мать покойного сына-алкоголика под угрозой расправы со стороны его знакомых согласилась написать им дарственную на квартиру. Это был единственный способ избавиться от угроз, которые она постоянно испытывала с их стороны.

Кроме угрозы как фактора насилия, в процессе сделки нередко используется обман — умышленное введение в заблуждение одной стороной сделки другой ее стороны (ст. 178 ГК РФ). Цель обмана — ввести в заблуждение других лиц посредством не только лжи, но и умолчания, сознательного сокрытия истинного положения дел с целью преднамеренного совершения отдельных действий. Обманом является действие, совершенное с прямым умыслом. Нередки случаи, когда обманные действия совершает третье лицо по сговору с участником сделки. При совершении сделки под влиянием обмана волевое решение потерпевшего формируется не свободно, а вынужденно, под влиянием недобросовестных действий других лиц, умышленно создающих у стороны сделки ложное представление об обстоятельствах, значимых для совершения сделки.

В психологии обман рассматривается как сознательное создание ложного представления о тех или иных обстоятельствах действительности в сознании другого субъекта. Следует отличать обман от самообмана, который рассматривается как процесс формирования мыслей, не соответствующих действительности, связанный с желанием приобрести уверенность в чем-либо, подтвердить собственные предположения. Самообман может быть формой психологической защиты личности, проявляясь в форме самооправдания (Ратинов, Ефремов, 1988). Также он нередко наблюдается у лиц с психическими расстройствами. И в том и в другом случае речь идет о формировании у субъекта неправильного представления о ситуации (предмете, субъекте) вне воздействия на субъекта других лиц.

Юридическое значение обман приобретает тогда, когда к нему прибегают как к средству склонения другой стороны к совершению сделки. Порочность сделки вследствие обмана заключается в расхождении между действительной волей и волеизъявлением, которое сложилось у субъекта под влиянием обмана, тогда как необходимой особенностью сделки является свободное, добровольное волеизъявление.

Исходя из этого, при экспертной оценке пороков воли необходим психологический анализ действий всех лиц, участвующих в сделке (агентов, нотариусов и пр.). Условно всех внешних участников сделки принято разделять на две основные группы: активные и пассивные. Активные участники юридически релевантной сделки — это агенты, которые совершают свои действия целенаправленно, а именно искажают информацию, необходимую для совершения сделки. Пассивные участники уголовно-релевантных событий, как правило, отличаются бездействием, умолчанием об истинных элементах сделки, ее последствиях для клиента.

При этом следует разводить понятия обмана и заблуждения самого клиента. При обмане действия агентов имеют строго целенаправленный характер, являются умышленными действиями или бездействием, а при заблуждении клиента информация резко искажается в зависимости от обстоятельств, возраста, образования, юридической грамотности самого субъекта.

Правильное понимание и регулирование своего поведения в период проведения сделки в значительной степени зависят и от психического здоровья гражданина. В целом потерпевшим по делам данной категории может оказаться любой человек, однако наиболее часто жертвами таких преступлений становятся именно лица, страдающие тяжелыми психическими заболеваниями; лица пожилого возраста; лица, страдающие тяжелыми соматическими заболеваниями. Причиной нарушений осознанной регуляции действий у жертв сделки в таком случае могут являться разнообразные формы психических расстройств, а именно: органическое расстройство личности, деменция, шизофрения, синдром зависимости от алкоголя, умственная отсталость и пр. (Харитонов и др., 2005).

При совершении преступлений, связанных с имущественными сделками, жертвы преступлений нередко не только не способны руководить своими действиями, но и недостаточно осознают их, что используется преступником. Адекватному пониманию происходящего и правильному регулированию своего поведения в ряде случаев препятствует наличие психических заболеваний, которые требуют специального экспертного психолого-психиатрического исследования (Сафуанов, 2009, 2014).

Особые трудности возникают при судебно-психологической оценке волевого потенциала лиц пожилого возраста. Геронтология рассматривает старение как комплексное явление, включающее в себя не только биологические факторы, но и личностные, социальные и даже экономические аспекты жизни человека. Исходя из этого, для лиц пожилого возраста нередко проводится комплексная психолого-психиатрическая экспертиза, что связано с особенностями старения организма человека, в частности с возможными неврологическими и тяжелыми соматическими расстройствами (Криворучко, 2015). Подобные возрастные факторы могут оказывать прямое и косвенное влияние на психическое состояние человека. Не менее важны и ситуационные факторы, а также их негативное влияние на психическую деятельность пожилого человека. Например, стечение тяжелых жизненных обстоятельств нередко изменяет ценностные ориентиры пожилого человека, снижает его психическую адаптацию. Часто такими обстоятельствами бывают смерть близких людей, стихийные и кризисные события и т.п. Важное место в регуляции поведения пожилого человека занимают эмоционально-волевые факторы. Лица пожилого возраста характеризуются повышенной восприимчивостью к нарушению жизненного стереотипа в связи с возрастом и выходом на пенсию. В этот период может наблюдаться ухудшение самочувствия, снижение физического и психического тонуса. Обостряется чувствительность пожилого человека ко многим неблагоприятным факторам, на которые он раньше не обращал внимания. Это приводит к обострению межличностных конфликтов в семье, к повышению внушаемости, способствует формированию неадекватных способов разрешения конфликтных ситуаций, изоляции от родных. Нарастающая социальная изоляция пожилого человека часто протекает на фоне психического и физического истощения, что обусловлено сосудистыми заболеваниями (гипертонией, атеросклерозом и др.). Это проявляется в по-

вышенной утомляемости, раздражительности, слезливости, наблюдаются снижение памяти на текущие события, рассеянность внимания, истощаемость при психическом напряжении. Повышенная утомляемость и психическая истощаемость, часто наблюдаемая у лиц у лиц пожилого возраста, в свою очередь, оказывает негативное влияние на их интеллектуальную деятельность, что проявляется в трудностях отделения главного от второстепенного. Например, пожилой человек, желая обменять занимаемое им жилое помещение, не всегда понимает, что следует обратиться в соответствующие организации, тщательно проверить наличие и содержание необходимых документов, а не только увидеть и лично оценить предлагаемую ему жилую площадь. Нередко одинокие пожилые люди обращаются к малознакомым лицам и в риэлтерские конторы с сомнительной репутацией, в результате чего становятся жертвами различных преступлений, в том числе мошенничеств и убийств, с целью завладения их жилой площадью. Эти обстоятельства облегчают преступнику вступить в контакт с потерпевшим, позволяют безнаказанно оказывать на него давление, а в дальнейшем убивать (Коршунова и др., 2010; Криворучко, 2015).

Наиболее значительную роль в формировании негативных комплексов людей старшего возраста играют когнитивные нарушения. Например, в многочисленных исследованиях памяти у лиц пожилого возраста выявлено, что после 70 лет в основном страдает механическое запоминание при сохранности логической памяти. Существенные нарушения наблюдаются в образной памяти, где восприятие и запоминание не сопровождаются организующей функцией речи. Ведущим видом памяти в пожилом возрасте становится смысловая, логическая память, хотя и эмоциональная память все еще продолжает функционировать в полном режиме (Зинченко, 2002).

Например, пожилой человек (82 года) обратился в суд с жалобой на то, что ему подсынули на подпись документы о дарении квартиры, хотя предварительно была договоренность о прописке родственницы жены. Сделка, со слов подэкспертного, проходила в отделении милиции, куда родственница попросила его прийти и дать письменное согласие на прописку. Подэкспертный потерял очки, а женщина (как позже выяснилось, это была нотариус) громко зачитывала текст в очень быстром темпе. По настоятельной просьбе родственницы подэкспертный подписался под зачитанным нотариусом текстом, не вникая в его суть.

Подэкспертный в процессе экспертизы адекватно отвечал на вопросы, правильно ориентировался в месте и времени, проявлял признаки эмоциональной устойчивости. Анализ показал снижение объема памяти в слуховой и зрительной модальностях, инертность внимания, что проявлялось в трудностях вработываемости, в растерянности, в замедленном темпе выполнения заданий. Грубых нарушений мыслительных процессов по ходу исследования выявлено не было, обобщения проводились по существенным признакам с четкой мотивировкой ответов. В процессе исследования наблюдалась критика своего состояния и результативности работы. Подэкспертный — ветеран войны, в прошлом военнослужащий. В характеристиках свидетелей подчеркиваются порядочность, стойкость моральных принципов, обязательность, ответственность. После смерти первой жены сошелся с женщиной 75 лет и проживал с ней в гражданском браке в однокомнатной приватизированной им квартире, обслуживал жену, так как она перенесла инсульт и самостоятельно не передвигалась. Сын и дочь подэкспертного жили в другом городе, общались с отцом редко.

Через четыре месяца соседка по лестнице передала ему квитанцию на оплату квартиры, которая случайно попала в ее почтовый ящик. Соседка спросила: «А почему другая фамилия, ты не хозяин квартиры?» Подэкспертный очень удивился и позвонил сыну, после чего они подали иск в суд. В ходе исследования утверждал, что племянница жены приехала из Казахстана, чтобы помочь ему ухаживать за ней, отношения складывались нормальные. Он согласился прописать женщину по ее просьбе, чтобы она могла устроиться на работу. В отделение

милиции пришел с целью прописать родственницу жены. Утверждал, что «долго сидели, потом пришла женщина, перешли на другое место, где было меньше народу... Эта женщина стала читать текст очень быстро», «устал от ее голоса, не вникал в суть прочитанного... женщина показала текст, просила подписать... очки куда-то делись, я устал... она показала где подписать, я подписал».

В данном примере четко прослеживается неадекватное восприятие сути сделки, что обусловлено следующими факторами:

- трудности восприятия информации в слуховой модальности в ускоренном темпе;
- установка, желание и согласие подэкспертного прописать родственницу жены, которая помогала за ней ухаживать;
- действия, которые проходили в помещении полиции, что способствовало доверию подэкспертного к родственнице и искажению восприятия им истинных целей действий нотариуса и родственницы;
- возрастные особенности восприятия информации, которые проявлялись в трудностях оценки текста в слуховой модальности, невозможности прочитать текст из-за отсутствия очков на фоне усталости вследствие долгого пребывания в замкнутом душном помещении, снижении объема механической памяти;
- личностные особенности — стойкость моральных принципов, доверчивость, доброжелательность, обязательность.

СПЭ пороков воли, как и любой вид экспертизы, требует комплексного подхода к изучению психологических особенностей субъекта сделки. Кроме тщательного изучения личностных особенностей также необходим анализ особенностей психического состояния, мотивирующих факторов поведения, с обязательным психологическим анализом особенностей ситуации правоотношений.

Пример показывает, что объективная и адекватная оценка способности понимать свои действия и руководить ими невозможна без проведения специального экспертно-психологического исследования. Это верно для подэкспертных любого возраста, но особенно для пожилых. Причем в зависимости от обстоятельств конкретного дела зачастую может быть необходима комплексная экспертиза (психолого-психиатрическая и медико-психологическая). В состав экспертных комиссий также могут входить и другие узкопрофильные специалисты — геронтологи, невропатологи, психиатры, терапевты и т. д.

Например, в нашей практике проводилась посмертная медико-психологическая экспертиза о признании сделки недействительной. Из постановления известно, что истец И. обратилась в суд с иском на право собственности однокомнатной квартиры, в которой до смерти проживала ее мать, П. Истец просила признать недействительным завещание от имени матери, удостоверенное нотариусом, ссылаясь на то, что по состоянию здоровья она не могла контролировать свое поведение, лишилась возможности предвидеть последствия своих действий. Была назначена комплексная медико-психологическая посмертная судебно-психологическая экспертиза.

Для ее проведения были предоставлены следующие документы: материалы гражданского дела, наследственное дело, надзорное производство. В процессе судебно-психологической экспертизы изучались материалы, представленные в протоколах судебного заседания, объяснения свидетелей и специалистов.

П., 1942 г. р., родилась в Новгородской области в семье колхозников, после замужества в 1962 году переехала в Ленинград, в 1963 году родилась дочь. С 1963 года семья проживала в коммунальной квартире, затем получили отдельную двухкомнатную квартиру. П. работала

в промтоварном магазине в отделе галантереи, последняя должность — заведующая галантерейным отделом. В возрасте 36 лет перестала работать, проживала на иждивении мужа. Дочь П., И., в беседе с психологом подчеркивает, что с матерью «всегда были теплые и нежные отношения», отмечает, что ее воспитанием больше занималась бабушка (мать отца), которая проживала с ними. С бабушкой у И. также наблюдались «доверительные и добрые отношения». Она отмечает: «Очень часто на выходные мы приезжали к бабушке с ночевкой, мама никогда не ссорилась с бабушкой и всегда помогала ей деньгами, дарила подарки». Подчеркивает, что мать злоупотребляла алкоголем, но отношение к ней родственников (мужа, матери и дочери) было нормальным. В 1983 году И. вышла замуж. Подчеркивает, что родители пили, но работали, «мать приходила с работы нетрезвая, что нередко служило поводом для ссор с отцом». После замужества И. переехала жить к мужу, который не поддерживал отношения с ее родителями. Однако она помогала родителям деньгами, навещала их. Муж П. (отец И.) работал начальником отдела в НИИ, был кандидатом технических наук, хорошо зарабатывал, обеспечивал жену полностью, но после выхода на пенсию стал больше пить, умер от заболевания сердца. П. осталась в квартире одна, но часто звонила дочери, просила денег и продуктов, постоянно подчеркивала, что надо заниматься квартирой, потому что долго не проживет без мужа. «Мы встречались с ней около моей парадной, я передавала ей деньги, договаривались насчет встречи, чтобы заняться приватизацией квартиры, и когда наступал тот день, она была либо пьяной, либо не в состоянии встать, все болело, голова кружилась, и все откладывали на следующий раз». Свидетель Н., сосед П., утверждает, что в октябре 2002 года она заходила к нему и спрашивала, как приватизировать квартиру. И. утверждает, что после смерти отца мать стала больше пить и, со слов соседей, в квартире проживали неизвестные люди. «Мать часто звонила пьяная среди ночи, думая, что день. Говорила, что ее хотят убить, прятала свои документы от тех, с кем жила».

Итак, анализ показывает, что П. в течение многих лет злоупотребляла алкоголем. Однако, несмотря на бытовое пьянство, она поддерживала отношения с дочерью и своей матерью. После выхода мужа на пенсию алкоголизация у нее и ее мужа усугубилась, однако они поддерживали семейные отношения и отношения с родственниками. Смерть мужа стала существенной стрессовой ситуацией для П., что проявлялось в страхе за будущее, в одиночестве. Она интересовалась приватизацией квартиры, обсуждала с дочерью эти проблемы. Однако систематическая алкоголизация способствовала формированию психической дезадаптации. Например, она путала день и ночь, звонила по телефону дочери, говоря, что ей угрожают, и пр.

На фоне алкоголизации П. тяжело заболела. В показаниях свидетеля отмечается, что она с ноября просила пожить у нее, так как плохо себя чувствовала, ее состояние ухудшалось. За 5–7 дней до смерти она слегла и не вставала. Свидетель, соседка П., отмечает: «Я ей помогала... последнее время она не получала пенсию, жили на мою пенсию... она категорически отказывалась, чтобы я вызвала врача на дом... ее мать присылала ей деньги... три раза в месяц, дочь также помогала». Другой свидетель подчеркивает: «П. была очень большим человеком». Аналогичное отражено и в других свидетельских показаниях соседей.

Итак, после смерти мужа П. тяжело болела, что в значительной степени ограничивало ее дееспособность. Анализ особенностей психического состояния П. на период совершения сделки, а именно приватизации и последующего дарения квартиры, показывает следующее.

П. находилась в тяжелом физическом состоянии. Например, свидетель У. отмечает: «Она в период с 16 по 25 января была очень больным человеком... даже в туалет не ходила, а ходила под себя... у нее был сильный кашель и температура». Свидетель С. утверждает, что дней за пять до смерти П. перестала обедать, отказывалась от еды. Врач-терапевт-геронтолог уточняет, что заболевание П. — левосторонняя верхняя долевая пневмония — является тяжелым инвалидизирующим заболеванием, что проявляется в слабости, бессоннице, могут наблюдаться неадекватные реакции, депрессии. Алкоголизация усугубляет подобные состояния. Такие больные нуждаются в стационарной помощи.

В декабре того же года сосед знакомит П. с З. М., который утверждает, что П. просила его оказать ей материальную помощь и обещала подарить квартиру. На фоне алкоголизации

и тяжелого заболевания П. оформляет доверенность на оформление приватизации квартиры на З.М., с которым, по его объяснению, она была знакома в течение последних двух месяцев жизни. В этот же период на имя трех лиц, а именно соседа З.М. и двух его знакомых, но не знакомых П., была оформлена доверенность на приватизацию и дальнейшую продажу квартиры. Оформление доверенности проходило в присутствии П. Из показаний соседей выявлено, что знакомая З.М. одела П. и с помощью своего знакомого А. они под руки вывели ее из квартиры, после чего ее увезли на машине, «потом ее привезли домой и я спросила, где она была... она сказала, что ее возили к нотариусу и она подписала какие-то бумаги... она сказала, что ей так было плохо, что она не могла их читать...». З.М. оформил приватизацию квартиры и завещание в течение трех последних дней жизни П. Через три дня П. умерла.

Итак, в момент подписания сделки П. находилась в тяжелом физическом состоянии, что проявлялось в снижении волевой активности, безразличии, депрессивном синдроме, апатии, сужении сознания.

Судебно-психологическая экспертиза по данной категории дел проводится с целью определения способности субъекта сделки правильно воспринимать ее существенные элементы, условия заключения, правовую природу, а также возможности взвешенно, осознанно и адекватно принимать решения по ее заключению. Перечисленные выше признаки отражают беспомощное состояние подэкспертной в период совершения сделки. Волеизъявление, являясь средством достижения желаемого результата, требует способности субъекта принимать самостоятельное решение в ситуации со знанием дела и его последствий. На принятие решений определяющее внимание оказывает психическое состояние субъекта. Учитывая беспомощное состояние подэкспертной, можно сделать вывод о том, что она не имела возможности свободно выразить волю и действовать в своих интересах.

Кроме этого, для того чтобы установить порок воли у субъекта, необходимо проанализировать его внутренние убеждения, внутреннее желание лица достигнуть в процессе заключения сделки нужного результата. Существуют и другие обстоятельства, которые не позволяют субъекту правильно оценить значение своих действий, в первую очередь связанные с психопатологическими особенностями, ситуативными факторами, отсутствием опыта и т. д.

Как справедливо отмечают многие авторы, дополнительным фактором, способным усложнить проблему, связанную с заключением сделок, можно считать виктимность личности, то есть склонность субъекта в определенных обстоятельствах стать жертвой. Виктимность в данном случае может проявляться уже до совершения сделки в форме отсутствия способности к адекватной оценке ситуации. Повысить виктимность могут такие факторы, как перенесенная тяжелая болезнь, пожилой возраст, низкий интеллектуальный уровень, отсутствие социального опыта и т. п.

Например, в нашей практике был случай, когда бывшая воспитанница детского дома получила в наследство от бабушки комнату в коммунальной квартире. Соседи уговорили девушку продать комнату за незначительную сумму. Девушка согласилась на сделку.

По результатам психиатрической экспертизы — дееспособна. При сохранном интеллекте выявлена социально-психологическая незрелость, обусловленная педагогической запущенностью, проявляющейся также в недостаточной готовности к отдельному проживанию. Будучи воспитанницей детского дома, она слабо ориентировалась в бытовых вопросах (цены в магазинах, стоимость комнат и квартир и пр.). Кроме того, в структуре личности девушки наблюдались высокая внушаемость, социальная робость, конформность, ориентация на групповые мнения и оценки. Выявленные особенности были также отражены в характеристиках

педагогов детского дома. Девушка, объясняя свое поведение, утверждала, что сделала это, чтобы купить другую комнату, где нет «плохих соседей». О продаже комнаты она рассказала педагогу детского дома, с которым поддерживала теплые доверительные отношения после выпуска: «У меня теперь много денег, и я куплю другую квартиру или поеду отдыхать за границу». Покупатели комнаты утверждали, что она сразу согласилась на предложенную сумму, не возражала, участвовала во всех сделках, подписывала документы, пересчитывала деньги. Однако девушка утверждала, что покупатели постоянно к ней приходили, просили продать комнату обязательно, пугали плохими соседями (алкоголиками). В судебном расследовании было выявлено, что покупатели были в сговоре с соседом-алкоголиком и его сожительницей, которые угрожали девушке. Девушка не осознавала цель сделки, не прогнозировала ее последствия и выполняла все действия по настоянию соседей. Высокий уровень внушаемости, выявленный у подэкспертной, негативно отражался на особенностях произвольной регуляции деятельности.

Как следует из примера, существенную роль в экспертизе пороков воли могут играть социально-психологический анамнез жертв противоправных сделок, специфика семейных отношений, наличие у потерпевших определенных личностных характеристик, а также искаженного опыта межличностного общения, связанного с возрастом, изоляцией, особенностями профессии, страхами, эмоциональным состоянием, индивидуальными особенностями воздействующего и пр.

Например, в нашей практике проводилась судебно-психологическая экспертиза потерпевшей В., которая, будучи образованным человеком, кандидатом наук, бывшим преподавателем вуза, продала свою квартиру по настоянию гадалки, которую она посещала в связи с семейными проблемами, отдала ей все деньги и только через полгода обратилась в суд. В процессе экспертного исследования был выявлен важный фактор порока воли у В. — глубокое, целенаправленное психологическое воздействие гадалки на психику В., которое можно условно разделить на три этапа.

На первом этапе (этап знакомства) мошенница гадала на картах, «обследовала биополе» потерпевшей. При этом она утверждала, что у В. все плохо, что в будущем ее ждут большие неприятности, потери и пр. В. утверждает, что была очень напугана предсказаниями гадалки и попросила ее о помощи.

На втором этапе между гадалкой и подэкспертной сформировались доверительные отношения, В. много времени проводила у нее, они разговаривали о проблемах В. Гадалка рекомендовала В. изолироваться от подруг и родственников, постоянно вмешивалась в личностное пространство В., заставляла ее отчитываться о проведенном времени, общении и пр. В. проводила много времени у гадалки, общалась с ее родственниками и детьми, помогала убирать квартиру, иногда ходила в магазин и покупала продукты для гадалки на свои деньги. В. верила в искреннее желание гадалки спасти ее от предсказанных бед. Как показывает анализ, эти манипуляции со стороны гадалки были направлены на формирование глубокой неосознанной психологической зависимости В. от нее, на подавление волевых компонентов личности В. и снижение самоконтроля поведения.

На третьем этапе (психологического давления) гадалка стала предлагать и настаивать, чтобы В. продала квартиру, утверждать, что «квартира проклята» и если она ее продаст, то окончательно избавится от всех проблем, приобретет успех и богатство. Наблюдались постоянное запугивание В., напоминания, что это надо сделать как можно быстрее. Со слов В., она была убеждена в необходимости продажи квартиры и переезда на другое место жительства. В. отмечает: «После ее слов мне было жутко и страшно в моей квартире». Интенсивность психологического давления на В. возростала к периоду заключения сделки. Гадалка приказывает агенту С., которая являлась тоже ее клиенткой, оформить на себя ячейку, а в телефонном разговоре во время сделки требует от В. написать расписку о получении денег. В. безропотно выполняет приказы, отмечает, что в период сделки у нее болела голова, появлялись приступы тошноты и удушья, было «плохое состояние», она «плохо соображала».

В процессе экспертного исследования были выявлены следующие факторы, снижающие способность у В. осознавать и регулировать свои действия:

- 1) личностные особенности: склонность к зависимому поведению, доверчивость; высокая степень тревожности; повышенная чувствительность к мнениям и оценкам окружающих; склонность к эмоциональному замыканию в ситуации конфликта, с выраженной тенденцией к самообвинению; невротический тип реагирования на экстремальную ситуацию, аффективная ригидность (склонность к застреванию на источнике конфликта); высокие моральные принципы, обязательность, что оказывало существенное влияние на особенности регуляции деятельности В. в процессе оформления сделки;
- 2) стрессовые ситуации, которые переживала подэкспертная за два года до знакомства с гадалкой: гибель родителей на глазах В. с угрозой для ее жизни и жизни сына; смерть близкого родственника; неожиданный уход мужа из семьи. Это способствовало формированию пролонгированного стресса, который проявлялся в состояниях высокой тревоги, страха, безысходности и одиночества, а также уязвимости В. к глубокому психологическому воздействию на нее с негативными последствиями.

Как видно из примера, нарушение произвольной регуляции деятельности здоровой жертвы чаще всего проявляется в трудностях контроля над своими действиями. Причины нарушений регуляции деятельности у дееспособного человека необходимо в процессе экспертного исследования рассматривать на трех уровнях: психофизиологическом, психологическом и социально-психологическом (см. табл. 8.2).

Таблица 8.2. Нарушение регуляции деятельности у дееспособного человека

Уровень произвольной регуляции деятельности	Причины нарушения регуляции деятельности
Психофизиологический	Соматические заболевания, хроническое переутомление, обусловленное чрезмерными физическими и умственными нагрузками, хроническое отравление (алкогольными напитками, наркотическими веществами, нейролептиками), задержки психического развития, старческий возраст
Психологический	Индивидуально-психологические особенности; эмоциональная лабильность, повышенная внушаемость, заниженная или неустойчивая самооценка, фрустрированность, склонность к интровертированности, эгоцентризм
Социально-психологический	Особенности межличностных отношений в микросоциуме и в социуме; семейное воспитание в форме гиперопеки, эмоционального отвержения; неудовлетворенность статусом в профессиональной деятельности, ориентация на меркантильные потребности и др.

Таким образом, к дифференциально-диагностическим критериям психологической оценки пороков воли можно отнести тщательный анализ интеллектуально-гностических, эмоциональных и волевых характеристик личности жертвы.

Таблица 8.3. Психологические и психиатрические критерии пороков воли

Признаки порока воли	Психологические критерии	Психиатрические критерии
Внешние и ситуативные факторы	Наличие внешнего воздействия (шантаж, насилие, угрозы и др.). Стечение непреодолимых обстоятельств (например, психическая травма у участника, сделки и ограниченные сроки осуществления сделки). Непонимание субъектом смысла и цели сделки, ее прогнозистических последствий вследствие ограниченности юридических представлений. Неспособность влиять на ход сделки вследствие определенного психического состояния субъекта	Как правило, отсутствие внешнего воздействия в форме угроз, шантажа, насилия. Навязывание дружеских отношений потенциальной жертве, «забота» о ней. Демонстрация непонимания субъектом не только смысла и цели сделки, но и своих прав и обязанностей при ее заключении. Внешние проявления эмоциональных и волевых нарушений психики жертвы сделки, а именно: — неадекватное поведение в период сделки; — нелогичность действий; — наличие патопсихологических симптомокомплексов
Когнитивные особенности	Трудности восприятия информации в слуховой или зрительной модальности. Неустойчивость внимания с трудностями переключения. Сниженный объем памяти в слуховой модальности. Долгосрочная память в достаточном объеме	Сужение или, напротив, расширение восприятия. «Восприятие без объекта». Неустойчивость внимания, концентрация на иллюзорно-галлюцинаторных переживаниях. Низкий уровень переключаемости (ригидность) или высокая непродуктивная переключаемость (лабильность); нарушение (избирательность) внимания. Низкий объем запоминания, воспроизведение предьявляемых стимульных слов по созвучию, а также ложное воспроизведение (конфабуляция, псевдореминисценции). Хаотичный профиль запоминания. Низкий объем долгосрочной памяти
Мыслительные процессы	Без выраженных нарушений: — обобщение предметов по существенным признакам с четкой мотивировкой ответов; — формирование последовательных умозаключений; — замедленный темп мыслительной деятельности, особенно в пожилом возрасте	Нарушение обобщения, классификации, конкретизации и абстрагирования. Обобщение предметов по аффективно значимым или случайным признакам, неадекватная мотивировка ответов. Заниженный или высокий темп и подвижность мыслительных процессов. Нарушение целенаправленности мышления (искаженные или ложные умозаключения)

Устная речь	<p>Без выраженных нарушений:</p> <ul style="list-style-type: none"> — грамматически оформлена правильно; — в некоторых случаях может наблюдаться логоневроз в связи со случившимся, а также ускоренный или замедленный темп речи 	<p>С выраженными нарушениями:</p> <ul style="list-style-type: none"> — грамматические нарушения; — неологизмы, персеверации фраз, реплик, смысловая ригидность; — самопроизвольное или неспецифическое воспроизведение автоматизированной речевой продукции; — в состоянии психомоторного возбуждения — многоречивость; — крайняя загруженность или невозможность диалоговой речи
Письменная речь	<p>Выраженных нарушений не наблюдается. Возможно изменение почерка в связи с негативными обстоятельствами и возбуждением</p>	<p>Нарушения каллиграфии, грамматики. Могут наблюдаться персеверации букв, слов, фраз</p>
Психомоторное возбуждение	<p>Может проявляться в самоупреках, однако пострадавший контролирует свои эмоции</p>	<p>Сопровождается разорванностью высказываний, непоследовательностью изложения</p>
Эмоционально-волевая сфера	<p>Отличается целостностью и единством эмоциональных процессов. Эмоционально-волевая регуляция у пострадавшего в значительной степени обусловлена его личностными особенностями, а именно: психодинамическими характеристиками, структурой личности, социально-психологическими особенностями</p>	<p>Отличается раскогласованностью, диссоциированностью, дисгармоничностью. Наблюдается нарушение целостности и единства эмоциональных процессов. Эмоциональные реакции не соответствуют внешней ситуации</p>
Эмоциональные реакции на ситуацию	<p>Соответствуют ситуации (потеря жилплощади). На фоне сниженного аффективного фона наблюдается аффективный контроль за ситуацией. На фоне выраженной тревоги наблюдаются адекватные реакции, проявляющиеся:</p> <ul style="list-style-type: none"> — в правильной ориентировке в случившемся; — в понимании цели и значения юридических действий; — в наличии аффективного контроля 	<p>Могут характеризоваться неадекватно низким или чрезмерно высоким уровнем. Нарушение регуляции поведения переменное: безучастное, аспонтанное, отстраненное, подавленное, а также расторможенное, гиперактивное и экспрессивное. Отмечается неустойчивость аффективного фона (снижение аффективного контроля), которая проявляется в склонности к аффективным реакциям, в выраженных тревожности и фобии, а также в негативизме и немотивированной агрессии. Адекватные реакции в процессе совершения сделки не наблюдаются</p>

Признаки порока воли	Психологические критерии	Психиатрические критерии
Мотивационно-потребностная сфера	<p>Уровень выраженности мотивов достаточно высокий, без выраженных искажений, и характеризуется:</p> <ul style="list-style-type: none"> — наличием устойчивых адекватных мотивов и потребностей в совершении сделок; — активностью личности при реализации мотивов; — активностью личности в процессе совершения сделки, что в значительной степени зависит от юридических знаний жертвы, а также от особенностей ее личности 	<p>Снижена или искажена, что проявляется:</p> <ul style="list-style-type: none"> — в неустойчивости мотивов, их парадоксальности и нередко наличии нескольких взаимоисключающих мотивов; — в более тяжелых случаях психопатологии — в отсутствии адекватных мотивов и потребности в совершении сделки; — активности личности в процессе совершения сделки, которая может быть неадекватно высокой, под влиянием лиц, участвующих в ее осуществлении (нотариусы, посторонние люди, соседи, знакомые), или крайне низкой в силу психического фона у жертвы сделки; — в низком уровне активности личности, который обусловлен наличием неадекватных реакций в связи с имеющимся бредом и галлюцинациями
Самостоятельность принятия решений	<p>Может быть ограничена в силу внешних факторов (угроз, шантаж, насилие)</p>	<p>Резко ограничена в силу внутренних факторов, а именно формы и степени тяжести заболевания</p>
Эмоциональная готовность к осуществлению сделки	<p>Может быть избыточной в связи с семейным положением, особенностями психического состояния в момент совершения сделки, психологическим воздействием на жертву</p>	<p>Может быть высокой в связи с низким или искаженным уровнем осознанности, а также формой и степенью тяжести заболевания</p>
Внутренний план действий	<p>Присутствует, и его реализация зависит от личного потенциала жертвы</p>	<p>Отсутствует или неадекватен</p>

В связи с этим в процессе экспертного исследования следует обратить внимание на следующие параметры:

- нарушение осознания цели сделки, что проявляется в неправильном представлении о ее сути;
- снижение способности к прогнозу результатов сделки и их последствий;
- несоответствие цели сделки подлинным интересам и мотивационной направленности личности;
- отсутствие воли к совершению сделки.

Однако в каждом отдельном случае для определения границ своей компетентности психолог в процессе экспертной оценки порока воли у жертв сделки должен ориентироваться не только на психологические, но и на психиатрические критерии порока воли (Сахнова, 1997а, с. 55) (см. табл. 8.3).

В процессе комплексной психолого-психиатрической экспертизы психолог совместно с психиатром выявляет:

- наличие одного или нескольких патологических факторов психотического характера;
- степень дезорганизующего влияния этих факторов на когнитивную деятельность, эмоционально-волевую сферу и поведение в целом;
- патопсихологическую структуру этих факторов.

Также проводится диагностика синдрома психотической дезорганизации, которая требует тщательного патопсихологического обследования с обязательным учетом динамики и специфики психического расстройства, отраженного в заключениях психиатра.

Следует подчеркнуть, что при производстве комплексной судебно-психологической экспертизы пороков воли в компетенцию эксперта-психолога входит выявление таких юридически значимых особенностей личности, как повышенная внушаемость, склонность к подчинению и подверженности влиянию различных лиц; влияние соматических болезней на психологическое состояние, а также эмоциональное состояние жертвы при психотравмирующей ситуации. Анализируя психическое состояние жертвы в период сделки, психолог должен обратить внимание на особенности социально-психологической, психологической и психофизиологической адаптации жертвы в повседневной жизни и особенности ее социального функционирования. При психологическом анализе необходимо обратить внимание на целенаправленность действий жертвы в период сделки, прогнозирование ею своих действий. При комплексной судебно-психиатрической экспертизе эксперт-психолог помогает психиатру решить вопрос о дееспособности или недееспособности субъекта, что является важным юридическим фактором для признания сделки действительной или недействительной.

Перечислим **типовые вопросы**, выносимые юристом в постановление о назначении судебно-психологической экспертизы порока воли.

1. Каковы индивидуально-психологические особенности подэкспертного, а именно уровень его интеллектуального развития, особенности когнитивных функций, структура личности, особенности психологической адаптации?
2. Наблюдалось ли у подэкспертного во время совершения сделки какое-либо психическое расстройство?

3. Находился ли субъект (сторона сделки) в период, относящийся к совершению сделки, в таком психическом (эмоциональном) состоянии, когда он не мог понимать значение своих действий или руководить ими?
4. С учетом особенностей когнитивных функций, психического состояния в момент совершения сделки, внешних условий, в которых происходило принятие решения, а также индивидуальной значимости последствий сделки, имел ли субъект адекватное (правильное) представление о существовании сделки?
5. Какие факторы повлияли на формирование неадекватного (неправильного) представления о сделке?
6. Какое влияние оказала угроза (насилие, стечение тяжелых обстоятельств) на принятие лицом решения о совершении сделки и его реализацию? Была ли ограничена способность субъекта свободно выражать свои подлинные желания и намерения?
7. Мог ли субъект в период, относящийся к совершению сделки, в полной мере свободно и осознанно принимать решение и руководить своими действиями по его реализации?
8. С учетом состояния подэкспертного, обнаруживал ли он во время оформления сделки пороки воли?
Дополнительные вопросы:
9. Каковы были особенности взаимоотношений между (матерью и дочерью, завещателем и тем, кому завещали квартиру, и т. д.)?
10. Имело ли место у подэкспертного, на момент совершения сделки какое-либо соматическое (хроническое) заболевание, которое могло существенно повлиять на способность понимать значение своих действий и руководить ими?

Глава 9

СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Значительное число судебных споров возникает по проблемам брачно-семейных отношений, судебная оценка которых, как правило, требует активного участия экспертов-психологов, особенно когда решаются вопросы о воспитании детей после расторжения брака.

Судебно-психологические экспертизы по гражданским делам, определяемым Семейным кодексом Российской Федерации (СК РФ), условно можно разделить на две категории (гл. 12):

- экспертизы, связанные с защитой интересов детей при бракоразводных процессах, когда решаются вопросы о месте проживания ребенка, особенностях участия в его воспитании каждого из родителей (равенство прав и обязанностей родителей, осуществление родительских прав, осуществление родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка, и пр.);
- экспертизы, связанные с делами о защите интересов детей в случаях ненадлежащего исполнения их прав в семье и жестокого обращения (защита родительских прав, ограничение родительских прав, изъятие ребенка и пр.).

Главной задачей при решении всех этих вопросов является защита прав и интересов ребенка.

К наиболее часто встречающимся проблемам экспертной практики можно отнести проблемы, связанные с определением места жительства ребенка. Проблема становится актуальной, когда:

- ребенок стал проживать после развода (или еще до развода) с одним из родителей без согласия другого;
- родители после развода находятся в ситуации конфликта и спора по поводу ребенка — каждый хочет, чтобы ребенок проживал с ним;
- проблемная ситуация возникает вследствие претензий одного из родителей (как правило, матери) на алименты при сопротивлении другого родителя;
- у одного из родителей имеются жалобы на негативное влияние на ребенка со стороны другого родителя.

Исходя из этого, *предметом* экспертного исследования семейных проблем можно назвать изучение индивидуально-психологических особенностей родителей и детей, особенности их взаимоотношений до, в процессе и после развода. *Объект* исследования — специфика взаимоотношений с ребенком каждого из родителей.

Значимой составляющей любого развода является конфликт. Именно поэтому в последнее время данную категорию дел принято обозначать термином «конфликт лояльности». В современной литературе под лояльностью (англ. *loyalty*) принято

понимать эмоциональную связь человека с другими людьми в ситуациях принадлежности к одной из сторон в конфликте интересов или в конфликте между двумя малыми группами. Необходимость и значимость эмоциональных связей для ребенка в свое время доказательно представили в своих работах чешские психологи Й. Лангмейер и З. Матейчек. Они проанализировали результаты специально разработанных экспериментальных процедур и показали, что состояние психической депривации, не позволяя человеку удовлетворять потребность в общении (одну из его основных потребностей) в течение достаточно длительного срока, может приводить к весьма пагубным последствиям (Лангмейер, Матейчек, 2022). Второй важной семантической составляющей данного термина является понятие конфликта, который можно рассматривать как самостоятельное явление, имеющее специфические особенности. Семейный конфликт является разновидностью межличностного конфликта, который определяется как открытое столкновение взаимодействующих субъектов на основе возникших противоречий, выступающих в виде противоположных целей, несовместимых в какой-то конкретной ситуации (Козырев, 2008). Однако конфликты (развод) между родителями влекут за собой неблагоприятные последствия для ребенка только в том случае, когда родители бессознательно или осознанно вовлекают детей в борьбу друг против друга. В таком случае ребенок является наиболее уязвимой стороной конфликта.

В связи с этим в юридической и судебной психологии принято выделять понятие индуцирования как одного из механизмов вовлечения ребенка в конфликт между родителями. Индуцирование может проявляться в различных формах, начиная от подражания родителям (отражение их оценок и мнений) до формирования несвойственных ребенку установок. По мнению Ф. С. Сафуанова, в ситуациях индуцирования обвинения, которые предъявляет ребенок родителю, часто не подтверждаются материалами гражданского дела и результатами экспертного освидетельствования родителя, но полностью соответствуют тем обвинениям, которые предъявлял к отвергаемому ребенком родителю его бывший супруг (супруга) (Сафуанов, Русаковская, 2010; Харитоновна, Русаковская, 2011).

Исследование конфликта лояльности тем более важно, что ребенок, постоянно находясь в зоне родительского влияния, как правило, оказывается втянутым в ситуацию конфликта, что не только негативно сказывается на его психоэмоциональном состоянии, но и создает значительный риск нарушений психического развития. Исходя из этого, существенной составляющей психологического анализа семейной ситуации являются индивидуально-психологические особенности подростка (Личко, 2023; Малкина-Пых, 2004). Результаты исследований показывают, что, с одной стороны, за разводом родителей следует типичная негативная реакция ребенка, характеризующаяся развитием психологических нарушений в постразводный период. С другой стороны, определение порядка общения ребенка с отдельно проживающим родителем не имеет однозначного, ориентированного на положительный эффект решения (Черепанова, 1996). Так, для некоторых детей психологическая помощь и ресурсы обоих конфликтующих родителей являются жизненно необходимыми, тогда как другие нуждаются в выходе из дисфункциональных отношений с наиболее враждебно (или безразлично) настроенным родителем. Наиболее сложная проблема в данной ситуации состоит в том, что ребенок вынужден делать выбор между двумя абсолютно равными по значимости сторонами — мамой и папой. При этом

наибольшая сложность конфликта обусловлена тем, что проявление со стороны ребенка любви к одному из родителей чаще всего ставит под угрозу его отношения с другой стороной. Оценка психического и психологического состояния ребенка в каждом конкретном случае, анализ влияния на него различных социально-психологических факторов, возможный прогноз психического и психологического развития ребенка при различных условиях воспитания являются важнейшими задачами психолого-психиатрического исследования в судебных спорах о воспитании.

В условиях бесконфликтного развода *место жительства* детей при раздельном проживании родителей устанавливается соглашением родителей. В условиях конфликта или при отсутствии соглашения спор между родителями разрешается судом исходя из интересов детей и с учетом их мнения. Суд учитывает нравственные и иные личные качества родителей; отношения, существующие между каждым из родителей и ребенком; привязанность ребенка к каждому из родителей, братьям и сестрам; возраст ребенка; возможность создания ребенку условий для воспитания и развития; а также род деятельности, режим работы родителей, их материальное и семейное положение и др. (ст. 65 СК РФ).

Родитель, проживающий отдельно от ребенка, имеет право на общение с ним, участие в его воспитании и решении вопросов получения ребенком образования. Родитель, с которым проживает ребенок, не должен препятствовать его общению с другим родителем, если такое общение не причиняет вред физическому и психическому здоровью ребенка, его нравственному развитию (ст. 66 СК РФ).

Однако в любом случае ключевым моментом здесь является тот факт, что суд защищает интересы ребенка и проводит анализ ситуации с учетом этого. Суд также может принять решение о лишении или ограничении родительских прав (табл. 9.1).

В некоторых европейских странах, так же как и в отечественной психологии, считается общепринятым, что в бракоразводном процессе при решении вопроса о праве родителей на воспитание детей необходима экспертная помощь психолога и всякая семейная ситуация, с которой сталкивается суд, требует профессиональной психологической оценки. Причем если у суда есть основания предполагать, что у ребенка имеют место отставание в учебе, нарушения поведения и другие проблемы, связанные с семейными конфликтами, то назначается судебно-психологическая экспертиза (Сахнова, 1997а, с. 55; Мамайчук, 2001, 2002; Арбузова, Горбатов, 2019а).

Согласно российскому законодательству, при рассмотрении судом споров о праве на воспитание детей в процессе кроме психологов принимают участие специалисты органов опеки и попечительства, которые также дают заключение с целью помочь суду правильно определить интересы ребенка. Однако нередко их заключения носят формальный характер (Семакова и др., 2020).

Например, в нашей практике был случай, когда в одном из районных судов Ленинградской области рассматривалось дело о месте проживания ребенка А., 9 лет. Мать мальчика после развода с мужем увезла ребенка в другой город. По взаимному согласию родителей на лето ребенок был отправлен к отцу. Однако после каникул отец отказался возвращать сына, мотивируя это тем, что ребенку плохо в новой семье матери, и мальчик целый год проживал у отца. В течение целого года мать пыталась вернуть сына в свою семью, обращалась в органы опеки. Районная комиссия органов опеки и попечительства дала заключение, что ребенок чувствует себя в семье отца нормально, условия его проживания удовлетворительные. Мать подала заявление в суд. Была проведена судебно-психологическая экспертиза, на решение которой были поставлены вопросы об особенностях личности каждого родителя,

Таблица 9.1. Ограничение и лишение родительских прав

Статья	Причины ограничения родительских прав	Восстановление родительских прав
Ст. 73 СК РФ Ограничение родительских прав*	<p>Оставление ребенка с родителями (одним из них) вследствие их поведения опасно для ребенка, но не установлены достаточные основания для лишения родителей (одного из них) родительских прав.</p> <p>Наличие у родителей психических расстройств или тяжелых хронических заболеваний.</p> <p>Тяжелые жизненные обстоятельства родителей</p>	<p>Если родители изменяют свое поведение, то они могут обратиться в органы опеки для восстановления ограничений в родительских правах.</p> <p>Если родители (один из них) не изменят своего поведения, орган опеки и попечительства по истечении шести месяцев после вынесения судом решения об ограничении родительских прав обязан предъявить иск о лишении родительских прав</p>
Ст. 69 СК РФ Лишение родительских прав	<p>Уклонение от выполнения обязанностей родителей (в том числе уплаты алиментов).</p> <p>Отказ без уважительных причин взять своего ребенка из родильного дома либо из иного лечебного, воспитательного учреждения, учреждения социальной защиты.</p> <p>Злоупотребление родительскими правами.</p> <p>Жестокое обращение с детьми, в том числе физическое и психическое насилие, покушение на половую неприкосновенность.</p> <p>Хронический алкоголизм или наркомания.</p> <p>Умышленное преступление против жизни или здоровья своих детей либо против жизни или здоровья супруги</p>	<p>Родители или один из них могут быть восстановлены в родительских правах, если они изменили поведение, образ жизни или отношение к воспитанию ребенка.</p> <p>Суд вправе с учетом мнения ребенка отказать в удовлетворении иска родителей (одного из них), если восстановление в родительских правах противоречит интересам ребенка.</p> <p>Восстановление в родительских правах в отношении ребенка, достигшего возраста 10 лет, возможно только с его согласия.</p> <p>Не допускается восстановление в родительских правах, если ребенок усыновлен и усыновление не отменено</p>

* Дела об ограничении родительских прав рассматриваются с участием прокурора и органов опеки и попечительства. При рассмотрении дела об ограничении родительских прав суд решает вопрос о взыскании алиментов на ребенка с родителей (одного из них).

особенностях личности и психической адаптации мальчика. Эксперт-психолог запланировал провести обследование мальчика в присутствии каждого из родителей. Отец категорически отказался, так как не хотел, чтобы ребенок встречался с матерью. Он мотивировал это тем, что мать плохо влияет на ребенка, утверждал, что она «порочная, развратная женщина». Мать по специальности экономист, характеристики с места работы положительные. Структура личности гармоничная, возбудительные и тормозные процессы сбалансированы, в ситуации конфликта склонна к самообвинительным реакциям, не склонна к упорству. Стиль воспитания ребенка — гиперопека. Проявляет склонность к доверительным эмоциональным отношениям с ребенком. Наблюдаются высокая привязанность к сыну, постоянные переживания о его здоровье, успехах. Тяжело переживала разлуку с сыном. В течение года несколько раз приезжала из другого города для встречи с ребенком, но бывший муж выгонял ее. Обращалась в полицию, в органы опеки, но все безрезультатно. В структуре личности отца

были выявлены такие характеристики, как эгоцентризм, высокая эмотивность, доминантность, аффективная неустойчивость, что наглядно проявлялось также и в зале судебного заседания. Он обвинял психолога в сговоре с матерью, огрызнулся на замечания судьи, угрожал жалобами в вышестоящие органы. В беседе с мальчиком выявлено, что отец говорил сыну, что мать его отдаст в интернат, что новый муж матери «бывший уголовник», что ему в этой семье будет очень плохо. Были представлены положительные характеристики на мужа матери, с которым она знакома со школьных лет. Муж матери занимался бизнесом, имеет дочь от первого брака, которая постоянно общается с отцом. В судебном заседании мальчик заявил, что не желает жить с матерью, что противоречило результатам психологического исследования, где четко прослеживались привязанность, позитивное отношение ребенка к матери, переживания в связи с разлукой с ней. Это подтверждалось в поведении ребенка. Например, увидев мать в коридоре суда, он бросился к ней в объятия, сидел прижавшись к матери, но при появлении отца молча отошел от нее и сел отдельно. Судом было рекомендовано проведение комплексной психолого-психиатрической экспертизы отца, где эксперты диагностировали эмоционально неустойчивое расстройство личности (F60.3). Суд разъяснил отцу ребенка, что в соответствии со ст. 66 СК РФ родитель, проживающий отдельно от ребенка, имеет право на общение с ним, участие в его воспитании, а родитель, проживающий с ребенком, не должен препятствовать его общению с другим родителем. Отец согласился отправить сына на отдых с матерью и ее новым супругом в Сочи. В настоящее время мальчику 12 лет, проживает с матерью, отец навещает сына, отдыхает с ним на каникулах, общается по «Скайпу».

Экспертное психологическое исследование данной категории дел требует тщательного анализа *внутрисемейных* отношений — межличностных отношений, которые складываются при непосредственном общении членов семьи. Межличностное общение в семье является одним из социально-психологических механизмов, влияющих на формирование личности ребенка (Мамайчук, 2002; Арбузова, Горбатов, 2019б; Семакова и др., 2020).

В системе *внутрисемейных* отношений традиционно рассматривают две подсистемы — это отношения между супругами и отношения «родители — дети». Психолог должен тщательно проанализировать *динамику взаимоотношений супругов, причины развода*. Желательно исследовать семьи родителей супругов, обратить внимание на специфику их межличностного общения и семейный анамнез (Буянов, 1988; Эйдемиллер и др., 2006; Baumrind, 1971; Naglieri, Goldstein, 2011). Например, в исследованиях психологов показано, что дети, воспитанные в неполных семьях, испытывают трудности в формировании гармоничных семейных отношений, особенно на первых этапах семейной жизни. Традиционно неполной принято называть семью, которая состоит из одного родителя с детьми. Психологи выделяют дополнительную категорию неполных семей — это так называемые функционально неполные семьи, где присутствуют оба родителя, но в связи с профессиональными или другими обстоятельствами один из них не уделяет достаточно времени семье либо вообще забывает о своих воспитательных функциях. Неполная семья образуется, как правило, вследствие расторжения брака, внебрачного рождения ребенка, смерти одного из родителей или раздельного их проживания. В связи с этим выделяются следующие разновидности неполных семей: осиротевшие, внебрачные, разведенные и распавшиеся. В процессе экспертизы необходимо выяснить, к какому типу относится семья. В зависимости от того, кто из родителей занимается воспитанием детей, выделяют материнские и отцовские неполные семьи. Особенно неблагоприятно отсутствие отцовской опеки отражается на подготовке девочек к будущей

семейной жизни. Однако дефицит мужского влияния в неполных семьях оказывает влияние и на мальчиков, проявляясь в избыточной патологической привязанности к матери. Чрезмерная опека сына матерью проявляется в ограждении его от жизненных трудностей, ответственности и риска. Такие сыновья, будучи мужьями и родителями, нередко по всем семейным вопросам обращаются к матери, что вызывает негативные переживания у жены, и это является одной из частых причин разводов. Однако если мать с раннего детства воспитывает в сыне умение преодолевать трудности, поощряет его самостоятельность и инициативу, стимулирует в нем желание быть сильным и смелым, развивает способность рисковать, то у мальчика формируется мужской стиль поведения, и этот стиль поведения проявляется уже в семье сына. В целом причина большинства искажений в поведении ребенка, согласно Э. Г. Эйдемиллеру, лежит в плоскости нарушения функций семьи. Именно наличие таких дисфункций, по его мнению, влечет за собой крайнюю неустойчивость несовершеннолетних к так называемым горизонтальным и вертикальным стрессам (Эйдемиллер и др., 2006, с. 31).

Дисгармония семейных отношений является основным патогенетическим фактором эмоционального неблагополучия ребенка. В связи с этим перед психологом стоит важная задача — ретроспективно оценить особенности отношений внутри распавшейся семьи. Для этого используется целый спектр методических приемов, среди которых значительное место занимает направленная беседа с родителями и ребенком. В ходе беседы психолог обращает внимание на то, какими были отношения между родителями до развода. Традиционно выделяются несколько типов отношений в семье: сотрудничество, псевдосотрудничество, эмоциональная изоляция членов семьи друг от друга. Нередко в распавшихся семьях наблюдается эмоциональная изоляция супругов при псевдосотрудничестве (ложном сотрудничестве). Этот тип супружеских отношений негативно отражается на эмоциональном развитии ребенка. Еще более сложная ситуация возникает, когда разведенные родители с целью самоутверждения начинают активную «борьбу» за сына или дочь.

Например, родители М. (8 лет) были вынуждены проживать совместно в связи с жилищными проблемами. После размена квартиры родители официально развелись. До развода родителей девочка большую часть времени проводила в семье бабушки со стороны матери. После развода отец стал настаивать, чтобы дочь проживала с ним и с его новой молодой женой. Бабушка и мать активно сопротивлялись таким требованиям отца девочки, но не отказывали отцу во встречах с ребенком. Отец подал в суд на предмет места проживания ребенка, мотивируя тем, что мать не занимается девочкой и та постоянно находится у бабушки. В ходе экспертизы изучались особенности межличностных взаимоотношений между членами семьи, степень эмоциональных контактов девочки с каждым из членов семьи. Психологический анализ показал, что у девочки наблюдается более тесная эмоциональная привязанность к бабушке, чем к матери и отцу. Психологическое обследование родителей выявило неразвитость у них родительских чувств, эмоциональное отчуждение от ребенка. Суд учел заключение психолога, и отцу было отказано в иске о проживании ребенка с ним.

В процессе экспертного исследования психолог должен оценить *стиль семейного воспитания*, который включает в себя родительские установки на процесс воспитания и общения с ребенком. Традиционно в психологии и педагогике принято выделять три основных стиля семейного воспитания: авторитарный, демократический и либеральный. Д. Элдер дополняет данную классификацию эгалитарным стилем воспитания (Кле, 1991; Кузьмишина и др., 2014). При *авторитарном* стиле

воспитания родители склонны подчинять себе ребенка, нередко пресекают его инициативу, навязывают ему свои жизненные сценарии, отличаются строгостью и категоричностью. Нередко такой стиль воспитания может вызвать у ребенка эмоциональное отчуждение от родителей. Однако следует подчеркнуть, что авторитарный стиль воспитания доминирует во многих странах, особенно восточных. Многовековые традиции семейного уклада проявляются в строгом подчинении старшим, что полностью согласуется с авторитарным стилем и должно быть учтено в исследованиях. *Демократический* стиль воспитания характеризуется стремлением родителей установить доверительные отношения с детьми, поощрять их инициативу и самостоятельность. Этот стиль воспитания доминирует в западных странах. Однако при чрезмерном увлечении демократическими методами воспитания нередко отсутствует должный контроль за ребенком, что способствует формированию у него безответственности, неорганизованности, вседозволенности.

Либеральный стиль предполагает два варианта поведения:

1. Отчужденный стиль семейного воспитания, что проявляется в глубоком безразличии родителей к личности ребенка. Этот стиль воспитания часто наблюдается в неблагополучных семьях, где один или оба родителя злоупотребляют алкоголем или наркотиками. Однако такой стиль воспитания может наблюдаться и во вполне благополучных, материально обеспеченных семьях, когда дети находятся под присмотром нянь, кухарок, водителей, а родители живут своей жизнью, редко общаются с ребенком.
2. Другим проявлением либерального стиля являются особенности воспитания в семьях, где доминирует чрезмерная любовь к ребенку, культивируется вседозволенность, удовлетворяются все потребности ребенка. В таких случаях у детей, как правило, формируются эгоцентризм и аффективная неустойчивость.

Иногда говорят о так называемом *эгалитарном стиле* воспитания, который характеризуется абсолютным равноправием родителей и ребенка, однако включает в себя и механизмы равной ответственности и принятия решений. В реальности представленные стили семейного воспитания в чистом виде встречаются редко. Кроме того, в рамках одной семьи могут реализовываться разные стили (например, отец — более авторитарен, мать — либеральна). Существуют и другие подходы к исследованию стилевого поведения. К примеру, Т. Л. Кузьмишина и соавторы выделяют такие стили воспитания, как авторитетный, авторитарный, снисходительный, безразличный (Кузьмишина и др., 2014).

В процессе экспертного исследования психолог, анализируя стиль воспитания ребенка, должен ориентироваться на следующие критерии:

- специфика эмоциональных контактов с ребенком;
- степень удовлетворения потребностей ребенка;
- объем и содержание предъявляемых к ребенку требований, соответствующих его потребностям;
- частота применения санкций по отношению к ребенку;
- степень протекции и контроля.

При оценке стиля семейного воспитания психолог должен соотнести личностные особенности родителя с личностными особенностями и потребностями ребенка. Важно дать психологическую оценку специфики эмоциональных контактов с ребенком у родителей и степени привязанности ребенка к каждому родителю.

Например, К. (9 лет) после расторжения брака остался жить с матерью и ее новым мужем (отчимом). Обстановка в новой квартире и семье была внешне вполне благоприятной. Отчим заботился о мальчике, старался во всем угодить ему. Однако истец, отец мальчика, просил суд о том, чтобы ребенок постоянно жил с ним, так как в новой семье он чувствует себя плохо, находится в подавленном состоянии, плохо спит. Была проведена судебно-психологическая экспертиза, в результате которой была выявлена психическая дезадаптация у мальчика. Это проявлялось в высокой тревожности, фрустрированности, инактивности. Педагоги отмечали, что мальчик стал капризным, раздражительным, ухудшилась успеваемость и пр. Специальный анализ показал высокую привязанность ребенка к отцу. Гармоничная структура личности отца, его демократичный стиль воспитания с умеренной опекой, но с ориентацией на доверительные, эмоциональные отношения с ребенком оказывали благотворное влияние на мальчика. До развода отец работал газооператором в котельной, сутки через трое, и все свободное время проводил с сыном. Мать мальчика отличалась высокой активностью, доминантностью, склонностью к авторитарному стилю воспитания. Занималась челночным бизнесом, часто выезжала в командировки на длительный срок, где познакомилась с будущим мужем, сожительствовала с ним в течение года до развода. У мальчика прослеживалась высокая степень привязанности к отцу и бабушке (со стороны отца). Заключение экспертов-психологов в совокупности с другими материалами дела (характеристики педагогов, соседей) позволило суду верно установить и оценить имеющие значение для дела обстоятельства. В итоге суд удовлетворил иск отца.

При рассмотрении подобных споров необходим учет не только психологических, но и формальных составляющих конфликта. Так, суд обязан выявлять причины, по которым не соблюдается установленный органом опеки и попечительства порядок участия в воспитании ребенка каждого родителя. Кроме того, суд устанавливает такой порядок участия родителя в воспитании, который будет отвечать интересам ребенка. Психологическая экспертиза позволяет суду объективно интерпретировать мотивационную линию поведения каждой из сторон. Кроме этого, важную часть исследования эксперта составляет выявление наличия или отсутствия *психологического воздействия* каждого родителя на ребенка.

В процессе экспертизы необходимо проводить полное психологическое исследование родителей, анализировать специфику эмоциональных контактов ребенка с каждым родителем, а также особенности общения ребенка с родителями и их влияние на психическую и социальную адаптацию ребенка (Желтов, Холопова, 2007).

Например, мать С. (8 лет) обратилась в суд с просьбой не разрешать отцу общаться с сыном в связи с тем, что отец является членом религиозной секты и его религиозные взгляды отрицательно влияют на психику ребенка. В процессе экспертизы изучались особенности личности каждого из родителей, детально анализировались индивидуально-типологические, характерологические и социально-психологические особенности ребенка. Анализ показал эмоционально-волевою неустойчивость у мальчика, повышенную внушаемость, неврозоподобные реакции. По заключению невропатолога, у мальчика наблюдался невроз навязчивых состояний. Анализ показал, что после встреч с отцом состояние ребенка резко ухудшается, нарушается сон, повышается тревожность, он начинает расспрашивать мать о «конце света», «всемирном потопе», смерти и пр. Суд учел заключение психологов и клиницистов и постановил общение отца с мальчиком проводить в присутствии других взрослых.

Нередко суд сталкивается со злоупотреблениями в реализации родительских отношений вплоть до шантажа, вымогательств, угроз со стороны родителя, с которым проживает ребенок.

Например, мать 9-летнего В. категорически отказывала отцу во встречах с ребенком, мотивируя тем, что ребенок очень переживает и нервничает, и разрешала встретиться с от-

цом только после того, как тот «заплатит матери определенную сумму денег». Отец поставил перед судом вопрос о месте проживания сына с ним. В процессе экспертного исследования было выявлено, что мать страдает алкоголизмом, нередко избивает ребенка, закрывает его одного в другой комнате, когда к ней приходят собутыльники. У матери были обнаружены аффективная неустойчивость, склонность к агрессивным реакциям в ситуации конфликта, эгоцентризм, склонность ко лжи и фантазированию. У отца была диагностирована гармоничная структура личности, аффективных и агрессивных реакций не прослеживалось. Как показало исследование, отец правильно ориентировался в личностных особенностях и потребностях сына. Суду были представлены позитивные характеристики с места жительства и работы отца. Суд, ориентируясь на заключение психологов, удовлетворил иск отца.

Психологическая экспертиза обязательно должна проводиться при решении вопросов о *лишении родительских прав* (ст. 69 СК РФ). Лишение родительских прав рассматривается законодательством как крайняя мера, и законом четко сформулированы основания для ее применения (табл. 9.1).

При рассмотрении данной категории дел психолог проводит дифференцированный анализ сложившейся в семье ситуации и анализ личности родителей. Уклонение родителей от выполнения родительских обязанностей, злоупотребление родительскими правами, жестокое обращение с детьми, вредное влияние на детей — все это требует не только юридического, но и психологического анализа. Психологическое исследование особенностей личности и поведения родителей дает возможность суду правильно квалифицировать имеющиеся юридические критерии. В данном случае эксперт-психолог должен проанализировать:

- интеллектуальные и эмоциональные особенностей родителей;
- особенности их личности;
- специфику поведения в ситуациях конфликта;
- структуру и иерархию основных мотивационных линий поведения;
- специфику социально-психологических межличностных отношений родителей между собой, а также между родителями и детьми;
- клинико-психологические особенности личности родителей и детей;
- степень привязанности каждого из родителей к детям;
- специфику имеющих в семье конфликтов.

Нередко родители оказываются неспособны надлежащим образом заниматься воспитанием ребенка не в силу своего асоциального поведения, а по причине наличия психических расстройств или тяжелых соматических заболеваний. В таких случаях целесообразно назначение комплексной психолого-психиатрической или медико-психологической экспертизы.

Судебно-психологическая экспертиза необходима и при *восстановлении родителей в их правах*, особенно в тех случаях, когда ребенок не желает возвращаться к родителям в силу пережитых стрессов и страхов. Подобные ситуации также требуют проведения судебно-психологической экспертизы, направленной на выявление объективных причин поведения ребенка (в том числе связанных с негативным психологическим воздействием со стороны родственников и знакомых), а также его специфических личностных особенностей, степени психотравмирующего воздействия и стресса в связи с совместным проживанием в семье с родителями до лишения их прав.

Итак, судебно-психологическая экспертиза семейно-брачных отношений занимает важное место в системе психологических экспертиз в гражданском процессе.

Она крайне необходима для реализации принципа справедливости и прежде всего направлена на гармоничное воспитание личности ребенка и охрану его физического и психического здоровья.

Перечислим **типовые вопросы**, выносимые юристом в постановление о назначении судебно-психологической экспертизы по делам о семейных спорах, связанных с детьми:

1. Каковы индивидуально-психологические особенности ребенка?
2. Каковы индивидуально-психологические особенности обоих родителей и как они влияют на психическое состояние ребенка и особенности его психического развития?
3. Имеет ли взаимодействие родителей с ребенком индуцирующий характер?
4. Каково отношение каждого из родителей к ребенку?
5. Каково отношение ребенка к каждому из родителей?
6. Каково возможное негативное влияние индивидуально-психологических особенностей обоих родителей на особенности психического состояния и психическое развитие ребенка?
7. Существует ли вероятность того, что индивидуально-психологические особенности отца или матери могут отрицательно повлиять на психическое состояние и специфику психического развития ребенка?

Нередко суд задает психологу такой вопрос: «С учетом психологических особенностей ребенка, особенностей его психического состояния, степени привязанности к каждому из родителей, а также индивидуально-психологических особенностей родителей и стилей воспитания ребенка, с кем, по вашему мнению, ребенку предпочтительно проживать?» Следует подчеркнуть, что место проживания ребенка в рамках решения вопросов по семейным спорам определяет только суд, а в заключении эксперта-психолога должны быть объективно и четко отражены лишь те вопросы, которые входят в область его компетенции.

Глава 10

СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПРОТИВОПРАВНОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

В исследованиях отечественных и зарубежных психологов убедительно доказано, что при межличностном взаимодействии люди обязательно взаимно влияют друг на друга. Например, присутствие постороннего, незнакомого человека может значительно повлиять на наше настроение и даже изменить привычные формы поведения. Однако следует отличать обычное воздействие, с которым мы сталкиваемся достаточно часто, от противоправного психологического воздействия (Рыбников и др., 2003). Под противоправным воздействием М.И.Еникеев понимает несоответствие различных форм активности субъекта требованиям и дозволениям норм права (Еникеев, 2003). Именно последнее и является, как правило, основанием для проведения судебно-психологической экспертизы.

Целью СПЭ противоправного воздействия является оказание помощи органам предварительного расследования и суду в установлении признаков наличия или отсутствия противоправного воздействия на подэкспертных.

Предметом СПЭ психологического воздействия является анализ мотивационных линий поведения участников процесса, их социальных установок, оценка степени внушаемости, изучение структурных и самооценочных компонентов личности и других особенностей, которые могут оказать влияние на поведение и поступки этих лиц в период воздействия, а также специальный анализ методик и техник психологического воздействия (Чижова, 2003).

Объектом СПЭ психологического воздействия являются участники уголовного или гражданского процесса, а также материалы дела (тексты, аудио- и видеоматериалы), отражающие деятельность лиц или организаций, которым инкриминируется применение психологического воздействия.

Однако экспертное понятие противоправного психологического воздействия нуждается в определенных пояснениях. Следует учесть, что в различных науках понятие воздействия значительно отличается. В криминологии психологическое воздействие чаще всего принято связывать с насилием, угрозой, оскорблением, клеветой, шантажом, обманом, «перепрограммированием» и другими видами принуждения и ограничения свободы выбора человека (Хайдуков, 1984; Енгальчев, 2004; Коченов, 1980; Секераж, 2003; Менделевич, 2004).

В юридической психологии это понятие принято объяснять исходя из двух точек зрения. В узком смысле криминальное психологическое воздействие рассматривается как антисоциальная по направленности и деструктивная по характеру активность преступника, которую он проявляет по отношению к потерпевшему не только непосредственно при совершении преступления, но также в ситуациях, предшествующих

преступлению. Подобная активность может иметь длительный характер. В широком смысле воздействие включает в себя все виды влияния, способные негативным образом сказаться на других людях и обществе в целом (Кроз, Ратинов, 2008).

Большое значение при СПЭ противоправных психологических воздействий имеет анализ методов, средств и форм внушения. К методам психологического воздействия традиционно принято относить следующие:

1. Информирование субъекта. Традиционно выделяют нейтральное информирование и мнимое нейтральное сообщение, создающее иллюзию свободы выбора в формировании отношения человека к передаваемому сообщению.
2. Внушение — это метод воздействия, рассчитанный на некритическое восприятие и усвоение информации субъектом. В основе внушения лежит ослабление сознательного контроля воспринимаемой информации индивидом, снижение критичности. По способу реализации выделяют внушение прямое (императивное) и косвенное, а также преднамеренное и непреднамеренное. Прямое преднамеренное внушение заключается в использовании внушающим специальных словесных формул, которые внедряются в психическую сферу подвергаемого воздействию субъекта. Косвенное внушение характеризуется скрытой, закамуфлированной подачей внушаемой информации, которая усваивается субъектом произвольно и незаметно для него самого. В отличие от прямого внушения косвенное может носить непреднамеренный характер. В зависимости от состояния субъекта, подвергаемого внушению, различаются: внушение в состоянии бодрствования; внушение в гипнозе; внушение постгипнотическое (реализуемое после выхода из гипноза); внушение в естественном сне.
3. Убеждение — основано на обращении к сознанию людей посредством логической систематизации и упорядочивания фактов, выводов, умозаключений, подтверждающих открыто декларируемый тезис, с целью добиться согласия собеседника с высказанной точкой зрения. Обязательным условием убеждения является строгое следование правилам логики, поскольку оно апеллирует к рациональному мышлению субъекта, его разуму.

Несмотря на различие механизмов, лежащих в основе убеждения и внушения, они, дополняя друг друга, реализуются почти в каждом акте общения преступника и жертвы.

В юридической психологии существуют и другие классификации методов и форм психологического воздействия. Так, в работах различных авторов представлены следующие методы психологического воздействия, проявляющиеся в условиях уголовно-релевантных ситуаций: внушение, заражение, манипуляция, убеждение, подражание, общественное влияние, личностное влияние, аргументирование (Рыбников и др., 2003; Арбузова, Дубнякова, 2010). Все они, в свою очередь, не являются однозначными и включают в себя определенное количество форм проявления (Горбатов, Арбузова, 2021). Классификация основных методов и форм воздействия представлена в табл. 10.1.

Наиболее распространенным методом психологического воздействия является манипулирование. Противоправное манипулирование как вид психологического воздействия применяется в целом ряде корыстных и насильственных преступлений. Чаще всего данная форма психологического воздействия используется в мошенничестве (ст. 159 УК РФ).

Таблица 10.1. Методы и формы психологического воздействия

Методы психологического воздействия	Формы применения методов психологического воздействия
Убеждение	Логическое убеждение Эмоциональное убеждение Убеждение-дискуссия Информирование Доказательство Опровержение Полное словесное воспроизведение событий
Принуждение	Запрет Категорическое требование Предупреждение Угроза
Внушение	Приказ Гипноз
Манипулирование	Простое манипулирование Рефлексивная игра Правовое регулирование
Постановка и варьирование мыслительных задач	Информационное воздействие Эмоциональное воздействие Ассоциация

Источник: Рыбников и др., 2003, с. 15.

Манипуляция в широком значении этого слова рассматривается как вид психологического воздействия, направленный на неявное побуждение другого лица к совершению определенных действий, не совпадающих с его актуально существующими желаниями. Как отмечают многие авторы, важным правилом манипуляций является воздействие на подсознание человека таким образом, чтобы он выполнял вашу команду, но при этом считал, что делает это сам, по доброй воле и собственному желанию (Доценко, 2003; Менделевич, 2004; Зелинский, 2008; и др.).

Однако манипулирование — это не единственный способ воздействия, способный нанести ущерб потерпевшему. Так, *заражение* представляет собой метод воздействия, связанный с передачей эмоционального настроения от одного человека к другому. *Внушение*, как уже ранее указывалось, носит вербальный характер и во многом зависит от внешних и внутренних факторов внушающего, таких как авторитетность, а также форм внушения (гипнотическое, внушение в состоянии расслабленности, внушение в состоянии бодрствования). *Убеждение* как метод воздействия основано на логических приемах, используемых для оказания как индивидуального, так и группового давления (влияние авторитета на аудиторию, эффект ореола и т. д.). Отдельным элементом убеждения может считаться целевое *информационное воздействие*. При анализе поведения подростков следует учитывать и еще одну форму воздействия — *подражание*. Последнее в значительной мере зависит от внутренних установок субъекта, его мотивации, направленности и отношения

к внушающему и не всегда проявляется против воли субъекта. Анализ методов противоправного психологического воздействия является важным звеном судебно-психологической экспертизы.

Учитывая сложную структуру данного понятия и его содержательных составляющих, вопросы, имеющие отношение к понятию воздействия, чрезвычайно неоднородны. Так, к данному виду экспертизы обращаются в следующих случаях:

- при расследовании различных сект, братств, культов, финансовых пирамид, центров саентологии и дианетики и пр.;
- при расследовании преступлений сексуальной направленности в отношении несовершеннолетних;
- при расследовании причин отказа подозреваемых от ранее данных показаний;
- при расследовании преступлений, связанных с имущественными сделками;
- при обвинении сотрудников правоохранительных органов в психологическом воздействии (давлении) на подозреваемых и т. д.

Д. С. Чижова в своих работах выделяет следующие виды экспертизы, связанные с воздействием: оказание воздействия на соучастника преступления; оказание воздействия на другого человека с целью совершения преступления; экспертиза личности обвиняемого; экспертиза свидетелей и потерпевших; экспертиза потерпевших по фактам сексуального насилия (Чижова, 2003).

Как подчеркивает В. А. Полянская, психологическое воздействие на потерпевшего может оказываться при совершении практически любого преступления против личности (Полянская, 2011). Однако в следственной практике экспертиза противоправного психологического воздействия инициируется только в том случае, если имеют место следующие основания:

- факт психологического воздействия, имеющего юридическое значение и запрещенного законом;
- наличие реальных результатов такого воздействия в виде негативных последствий для здоровья жертвы, ее социального статуса и/или финансово-имущественного положения.

В целом к компетенции СПЭ психологического воздействия в научной литературе принято относить установление наличия (отсутствия) у личности повышенной склонности к внушаемости, а также способности оказывать психологическое воздействие. С учетом практической составляющей Д. С. Чижова предлагает разделять все виды дел, связанных с воздействием, на три основные категории:

- установление факта психологического воздействия (при помощи фонограмм, записей допросов);
- установление наличия либо отсутствия у испытуемого признаков повышенной склонности к внушаемости (чаще всего в составе других видов экспертиз);
- установление наличия или отсутствия способности личности оказывать воздействие на других людей (экспертиза по делам о мошенничестве) (Чижова, 2003, с. 13–14).

Для этого эксперт-психолог проводит тщательный анализ личностных особенностей подэкспертных с использованием психологических методов, а также анализирует характеристики, представленные в материалах дела.

Как отмечают М. В. Кроз с соавторами, в процессе экспертной оценки необходимо учитывать следующие факторы:

- уровень произвольной регуляции деятельности воздействующего;
- уровень опосредованности контакта воздействующего и жертвы воздействия;
- направленность, степень открытости и длительность воздействия.

Например, при произвольном психологическом воздействии воздействующий сознательно стремится оказать влияние на своего партнера, а при непроизвольном он не ставит перед собой такой цели и возможные результаты заранее не планируются. По уровню опосредованности контакта между взаимодействующими сторонами выделяются непосредственное и опосредованное воздействие. Непосредственное воздействие осуществляется в условиях реального контакта между двумя или более субъектами. Опосредованное же может проявляться в форме угроз или шантажа в адрес не самой жертвы, а ее близких — детей, супруга, родителей и т. д. с целью оказать на жертву влияние и таким образом заставить совершить действия, выгодные преступнику. По направленности выделяются индивидуальное воздействие, направленное на конкретного человека, и социально-психологическое, направленное на группу (от нескольких человек до больших социальных общностей). По степени открытости принято выделять открытое и скрытое воздействие. Открытое воздействие подразумевает обращение к уровню сознания субъекта и нередко выражено в форме угроз, шантажа, оскорбления, а скрытое проявляется в форме внушения, гипноза и пр. По длительности воздействия разделяют на длительные и краткосрочные (Кроз и др., 2008).

Кроме этого, при анализе специфики психологического воздействия различают простое воздействие, направленное на достижение тактических целей в течение одного или двух актов общения, и сложное, направленное на достижение стратегической цели (например, убедить жертву в необходимости сотрудничества). Форма воздействия может быть открытой, закрытой и комбинированной. Открытая форма подразумевает обращение непосредственно к уровню сознания. Закрытая связана с приемами, воздействующими на подсознание (косвенное внушение, гипноз, нейролингвистическое программирование и т. п.). При комбинированной форме воздействия могут использоваться как открытые, так и закрытые формы психологического воздействия. Часто проблема экспертной оценки методов психологического воздействия, используемых в криминальных целях, достаточно сложна и требует специальных познаний не только в области клинической психологии, но также психотерапии и психиатрии.

Целостный анализ противоправного психологического воздействия включает в себя в первую очередь рассмотрение уголовного дела. Эксперт должен тщательно проанализировать материалы дела по следующим направлениям:

- 1) наличие корыстных целей и задач воздействующего;
- 2) направленность психологического воздействия (коллективное или индивидуальное);
- 3) мотивационные факторы воздействующих и их жертв с учетом нравственно-психологических качеств и личностных особенностей;
- 4) понимание жертвами воздействия самой ситуации в целом и их отношение к случившемуся;
- 5) возрастно-половые, образовательные, профессиональные характеристики воздействующих и их жертв;
- 6) используемые методы психологического воздействия;
- 7) материалы видео- или аудиозаписей, если они представлены в материалах дела.

При наличии суггестивных методов воздействия, если это отражено в материалах дела, необходимо обратить внимание на результаты, полученные другими специалистами и фигурирующие в материалах дела (к примеру, психотерапевтами, гипнологами) с целью анализа качества и специфики воздействия.

Кроме определения методов и форм психологического воздействия, важной составляющей данного вида экспертных исследований является анализ личностных особенностей, которые в материалах дела зачастую представлены лишь частично. В структуре личностных свойств наиболее важными составляющими, нуждающимися в специальном анализе, являются особенности личности и самооценки, а также волевой компонент, интроверсия и экстраверсия, сенситивность, спонтанность, тревожность — все то, что составляет «портрет» наиболее внушаемой личности (Чицова, 2003, с. 20).

Однако некоторые авторы указывают на тот факт, что психологические составляющие, способствующие совершению различных видов преступлений, в том числе с использованием воздействия, могут быть совершенно различны и в значительной мере зависят от типа преступления (Васильев, 2001).

Отдельное место в экспертных исследованиях занимают уголовно-релевантные ситуации, связанные с психологическим воздействием на группы людей. Примером могут служить финансовые бизнес-сообщества, мошенничество против группы людей. В таком случае экспертное исследование должно быть направлено на анализ:

- содержательных аспектов влияния при использовании противоправного психологического воздействия;
- способов психологического воздействия;
- индивидуально-психологических особенностей личности подозреваемых (манипуляторов) и их жертв;
- наличия у потерпевших таких стойких характерологических особенностей, как повышенная внушаемость, конформность, доверчивость, склонность к зависимому поведению.

Предрасположенность человека к психологическому воздействию в каждом конкретном случае определяется не каким-либо одним свойством личности, а совокупностью взаимосвязанных и взаимообусловленных свойств.

Противоправное психологическое воздействие на личность часто наблюдается в *малых группах*. Примером может служить брачное мошенничество. Традиционно выделяются два его вида: добрачное и собственно брачное. При добрачном мошенничестве мошенник «очаровывает» жертву, но не имеет фактических намерений вступить в брак. Он обещает это сделать, злоупотребляя доверием, и обманным путем получает от жертвы денежные средства или имущество, после чего исчезает. При собственно брачном мошенничестве мошенник регистрирует брак не с целью создания семьи, а с целью получения денежных средств и имущества на «законных» основаниях от супруги. Расследуя подобные преступления, юристы испытывают существенные трудности в доказывании умысла на совершение преступления. В таких случаях судебно-психологическая экспертиза зачастую является единственной возможностью отделить неудавшиеся отношения между сожителями или супругами от корыстных замыслов одного из супругов.

Например, мы проводили судебно-психологическую экспертизу добрачного мошенничества, когда «жених» в течение двух месяцев уговаривал «невесту» продать квартиру, а затем исчез с ее деньгами. Из постановления известно, что неустановленное лицо, пред-

ставлявшееся И., ввело П. в заблуждение относительно своих намерений на заключение брака с последней, уговорив ее продать ее однокомнатную квартиру под предлогом покупки в дальнейшем двухкомнатной квартиры, где они будут совместно проживать после заключения брака. Далее И. вынудил П. продать принадлежащую ей квартиру, получил от потерпевшей вырученные от продажи квартиры деньги в сумме 74 тыс. долл. США и скрылся, причинив таким образом П. материальный ущерб в крупном размере. В порядке ст. 91 УПК РФ по подозрению в совершении указанного преступления гр. И. был задержан и была избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде. И. был неоднократно допрошен по данному уголовному делу в качестве подозреваемого, однако ввиду того, что в процессе допросов он давал противоречивые показания, отвлекался на несущественные для дела эпизоды, фантазировал и пр., был приглашен эксперт-психолог для участия в допросах. На основании изложенного и в соответствии со ст. 195 (196) УПК РФ была назначена судебно-психологическая экспертиза.

В процессе экспертного исследования изучались материалы уголовного дела, протоколы допросов и очных ставок. Психолог непосредственно участвовала в допросе подозреваемого, проводилось психологическое исследование подэкспертного с использованием специальных методов диагностики.

Подэкспертный И. 1969 г. р. в контакт с экспертом вступает охотно, адекватно отвечает на вопросы, фрагментарно излагает свои биографические данные. Родился в Ленинграде, родного отца не знал, воспитывал его отчим, которого И. считал родным отцом. В настоящее время с матерью не общается, причину не объясняет. Образование среднее техническое, занимался спортом (греблей). Утверждает, что «выступал за сборную Союза». Служил в армии, после демобилизации поступил в институт, но ушел со второго курса. О своей работе в настоящее время рассказывает неохотно, трудовая книжка не представлена. Подчеркивает, что был руководителем строительной фирмы, причем дает противоречивую информацию. Вначале утверждал, что «фирма занималась реставрацией», затем рассказывал, что «оценивали коттеджи, квартиры, проводили ремонтные работы и пр.». В настоящее время нигде не работает, проживает у жены, подчеркивая: «Жена пожалела меня в этой ситуации и разрешила мне пожить у нее». Отмечает, что с женой «дружеские отношения», что она окончила факультет психологии в РГПИ.

К экспериментально-психологическому обследованию относится позитивно, охотно отвечает на тестовые вопросы, наблюдается хороший темп работы. Уровень осведомленности, суждения, обобщения соответствуют возрасту и полученному образованию. В структуре личности четко прослеживаются высокая общительность, доминантность, склонность к рискованным ситуациям, самоуверенность, высокий самоконтроль поведения. Обращает на себя внимание высокий уровень воображения, склонность к фантазированию. Наблюдается высокая гипертимность (активность, инициатива), выраженных патохарактерологических радикалов личности не прослеживается. В ситуации конфликта наблюдаются конструктивные реакции с тенденцией самостоятельного разрешения конфликта. В целом уровень психической адаптации в период следствия вполне удовлетворительный: непринужденное общение, аффективная устойчивость; однако при ответах на вопросы, относящиеся к материалам дела, проявляет негативизм, волнение, особенно при противоречивых ответах. В присутствии психолога был проведен допрос подозреваемого. Обращает на себя внимание настороженное отношение И. к специалисту, отказ подписывать протокол допроса еще до его начала, тремор в руках при ответе на значимые для следствия вопросы. Подозреваемый утверждал, что с женой не проживал с марта 2006 года: «...мы поняли, что не подходим друг другу и дело идет к разводу». На вопрос психолога, почему И. вернулся к жене, утверждает, что у него конфисковали большую сумму денег. «...супруга знает точку зрения следствия и мою... мы находимся в дружеских отношениях, и она относится к этому нормально... жена посмеялась надо мной, так как эта ситуация ко мне не подходит, так как не в моей натуре совершать мошенничество».

И. познакомился с П. через брачное агентство. На момент подачи заявления И. был женат, не имел постоянного места работы, но обратился в агентство с целью создать семью. Утверждает, что другие способы знакомства для него неприемлемы: «Все девуш-

ки, с которыми я знакомился ранее, рассказывали о тряпках и своих меркантильных интересах».

Подэкспертный недостаточно четко отражает причину обращения в брачное агентство и необходимость знакомства с целью женитьбы. По словам И., выбрать П. ему посоветовала брачный агент, за услуги которой он заплатил 5000 рублей. Следует обратить внимание на то, что в анкете в брачном агентстве клиенты обязательно указывают семейное положение. И. рассказал агенту, что у него своя фирма, он занимается реставрационными работами, не женат; показывал паспорт и пр. За неделю до исчезновения И. снова пришел в агентство, рассказал, что разочаровался в таком способе знакомства, сказал, что «уезжает за границу надолго, разорвал анкету и унес ключки с собой».

Обращают на себя внимание некоторые обмолвки, допущенные И. в беседе с психологом. Например, на вопрос психолога «Как долго у Вас было воздержание перед тем, как встретиться с П.?» подэкспертный утверждает: «Я могу воздерживаться три года, если это нужно для дела». Для какого дела — не уточнил. Или на вопрос «Как можно создать семью, не имея жилья?» подэкспертный ответил: «Создать жилье в наше время не проблема, но старушек я в жизни не трогал». О своей профессиональной деятельности И. не рассказывает конкретно, при наводящих вопросах отмечает, что консультировал агентов по вопросам цен на квартиры, то есть имел отношение к квартирным сделкам.

Специальный анализ выявил выраженную трансформацию показаний И. на этапах следствия. Имеются и объективные данные, указывающие на отсутствие мотивации на создание семьи. Так встречи И. с П. проходили в выходные дни, а в будние дни И. звонил П. Будучи женатым, И. не пытается оформить развод, не знакомит П. со своими родственниками, друзьями. В то же время знакомится с родителями и братом П., представляет себя как будущий муж. В беседе с психологом И. утверждает, что на знакомство с родителями он согласился под давлением П., что не согласуется с его личностными особенностями, а именно доминантностью, самоуверенностью, высоким самоконтролем поведения.

Анализ динамики психологического воздействия И. на П. показал, что на *первом этапе* (знакомство с жертвой) наблюдались элементы психологической атаки: И. разыгрывал роль успешного предпринимателя, богатого, с высокими моральными требованиями, нацеленного на семейную жизнь и желающего иметь детей. Однако данный образ никак не вписывается в истинный образ И.: неопределенность занятий, семейное положение (женат), отсутствие постоянного места жительства и регистрации. На *втором этапе* (психологическое программирование) И. много рассуждает о будущем бизнесе, о красивой жизни для П. в будущем, рассказывает о временных проблемах с деньгами. На *третьем этапе* (психологическое манипулирование) он предлагает П. различные варианты разрешения материальной проблемы: занять деньги у подруги, заложить или продать квартиру. Чтобы закрепить успех манипуляции, И. знакомится с родителями П., рассказывает им о предстоящих планах на будущее совместное проживание с их дочерью. На *четвертом этапе* (психологическое давление) И. не дает возможности П. воспользоваться услугами ее знакомого агента, а настоятельно предлагает своего; чтобы П. долго не раздумывала, устанавливает короткие сроки для совершения сделки, торопит ее. При этом сам И. не участвует в сборах вещей, в организации переезда, а только дает П. небольшую сумму денег на переезд к родителям.

Противоречивые высказывания об особенностях взаимоотношений с П. прослеживаются у И. на всех этапах следствия. Вначале И. утверждает, что не хотел расстраивать П., поэтому оговорил себя, затем — что через полтора месяца разо-

чаровался в ней, понял, что они не подходят друг другу, не хотел с ней общаться. Однако при этом И. сопровождает П. при получении денег от продажи квартиры, пересчитывает их и пр., после этого звонит ей, договаривается о предстоящей встрече, а затем скрывается, хотя знает адрес ее родителей, место работы, знаком с ее подругой и пр.

На основании экспертного анализа психологи сделали вывод о наличии у подэкспертного таких личностных свойств, как доминантность, решительность, высокий самоконтроль поведения, самостоятельность и конструктивность при разрешении конфликтных ситуаций. Имеет место склонность к фантазированию и лжи, которые являются устойчивыми личностными характеристиками. Показания И. существенно менялись в ходе следствия. Особенности его поведения в ситуации общения с П., специфика его последующего поведения, характер его показаний на разных этапах следствия вполне согласуются с психологическим портретом мошенника.

Психологическое исследование потерпевшей проводилось с помощью следующих методов и методик:

- 1) метод направленного наблюдения в процессе допроса и беседы;
- 2) клинико-биографический метод;
- 3) методика Кеттелла (анализ структуры личности подэкспертной);
- 4) опросник Шмишека (анализ патохарактерологических радикалов личности);
- 5) методика Роршаха (анализ личностных установок, позиций на подсознательном уровне);
- 6) методика «Хенд-тест» (анализ степени агрессивности);
- 7) функциональные пробы (анализ работоспособности, скорости реакций);
- 8) цветовой тест отношений (анализ системы значимых личностных отношений);
- 9) рисуночные тесты (для получения дополнительной информации об особенностях личности).

Подбор методов осуществлялся с целью изучить все стороны личности подэкспертной с учетом уровня ее внушаемости, конформности, склонности к фантазированию, а также стереотипов поведения и жизненного опыта.

Подэкспертная П. 1971 г. р. в контакт с экспертом вступает легко, охотно отвечает на поставленные вопросы. При описании ситуаций общения с И. проявляет волнение, плачет. Свои биографические данные излагает охотно. С ее слов: «Окончила школу и институт с отличием. В студенческие годы вышла замуж по любви за однокурсника, но муж трагически погиб, долго переживала смерть мужа». Со слов ее матери: «...росла и развивалась нормально, отличалась чувством справедливости, была послушная, трудностей в воспитании дочери не было...» Мать подчеркивает трудолюбие дочери, ее самостоятельность, стойкость моральных принципов. Отмечает, что постоянного мужчины у дочери не было и она мечтала выйти замуж, иметь ребенка.

В процессе психологического обследования П. проявляет интерес к заданиям, охотно их выполняет. Работоспособность удовлетворительная. Уровень интеллектуального развития соответствует возрасту и полученному образованию. Темп речи ускоренный, что отражает эмотивность и волнение у подэкспертной. Структура личности дисгармоничная: при высоком уровне общительности, самостоятельности выявлены высокая зависимость от близкого окружения, ориентация на мнения и оценки окружающих, эгоцентризм на фоне доверчивости. Внушаемость

умеренная. В ситуации конфликта склонна к эмоциональному замыканию. Выявлены стойкие моральные принципы, ответственность, самостоятельность, педантичность. Подэкспертная успешно работала, пользовалась уважением среди коллег. Самооценка и уровень притязаний высокие. Наблюдается высокая тревожность, фрустрированность, нервно-психическая напряженность, что соответствует ситуации. Уровень психической адаптации снижен. Уровень воображения умеренный, склонности к фантазированию не наблюдается.

П. утверждает, что в жизни она всегда добивалась всего самостоятельно, старалась не зависеть от родителей. Мечтала о нормальной семейной жизни, в связи с чем обратилась в элитное брачное бюро по совету знакомых. В брачном бюро в анкете отразила все свои данные: размер оклада, наличие недвижимости и пр. Утверждает, что вопросы анкеты показались ей странными, однако агент предупредила, что женщин с окладом менее 500 долларов, а мужчин — менее 1000 долларов они не обслуживают. После отпуска П. позвонила агенту и сообщила, что уже находится в городе. Агент ответила, что ее данными в анкете заинтересовался мужчина и вечером будет звонить. По утверждению П., И. рассказал ей, что во время ее звонка находился в агентстве и заинтересовался ею. Подэкспертная подчеркивает, что при первой встрече с И. он ей очень понравился: «Меня что-то обожгло, когда я его увидела, я поняла, что это мой идеал... до встречи с ним мы долго разговаривали по телефону, мне было интересно с ним говорить».

Отношения П. с И. развивались стремительно: «Сначала пошли в ресторан, затем уехали на такси к И. домой». Со слов П., И. в первый вечер знакомства обратил ее внимание на то, что это его квартира и находится она в элитном доме, где живут обеспеченные люди, показал окна квартиры, которую он хочет купить, сказал, что дал залог хозяину квартиры — 5000 долларов. В ходе беседы рассказал, что имеет реставрационно-строительный бизнес, долго работал в Бельгии, был женат, но в настоящее время разведен. «В первую ночь на этой квартире полноценного полового акта не было, так как И. много выпил...» П. была в квартире, якобы принадлежавшей И., только один раз при первой встрече, так как он говорил, что «должна приехать сестра с семьей из другого города и он их поселит в ту квартиру... он им не хочет мешать». С И. подэкспертная стала встречаться в своей квартире по выходным дням. На вопрос психолога «Каковы были ваши сексуальные отношения?» П. отвечает: «Редкие, но качественные. Первое время И. лежал рядом со мной под одним одеялом, но не обнимал, не прижимал к себе, но недели через две мы стали ближе с ним». На вопрос психолога, почему И. приходил только по выходным дням, П. отвечает: «Я ему предлагала, но он говорил, что ему неудобно будет ездить на работу, что он очень занят, у него работа, деловые встречи на очень высоком уровне». П. обращает внимание психолога на то, что «с большим удовольствием готовила ему обеды, ухаживала за ним, была счастлива в его присутствии». Примерно через месяц И. пригласил П. в океанариум, где признался ей, что хотел бы видеть ее своей женой. Утром следующего дня И. заявил П., что хочет приобрести для нее, как для будущей жены, двухкомнатную квартиру. В этот период предложений о продаже квартиры П. не было. «Через неделю он приехал ко мне расстроенный, на мой вопрос, что случилось, сказал, что хотел взять денег в долг, но очень большой процент». П. обсуждала ситуацию с И., затем он предложил заложить ее квартиру. П. согласилась с его предложением, мотивированным тем, что квартира, которую хочет приобрести И., в хорошем месте. И. говорил, что эта квартира им необходима для их совместного проживания. С ее слов: «Я ему предлагала, чтобы он квартиру оформил на себя, но он мне сказал, что меня любит и оформит на меня, что не хочет показывать свои доходы налоговой инспекции и друзьям из недвижимости». На вопрос психолога «Почему, если он был таким обеспеченным, он предлагал продать Вашу квартиру?» П. отвечает: «Он не требовал, он убеждал меня, что моя квартира находится в плохом районе, а там двухэтажная и в прекрасном месте, в элитном доме...» После согласия П. продать квартиру И. стал представлять ее окружающим как свою жену, познакомился с ее родителями и братом, рассказывал им о планах на будущее. П. утверждает, что полностью доверяла И., любила его, пыталась

во всем ему угодить. «Мне надоело в этой жизни решать все вопросы самой... мне хотелось иметь рядом мужчину, за которого я могла спрятаться, прислониться, который бы решал все проблемы за меня... Я полностью доверяла И.». После исчезновения И. с деньгами за проданную ее квартиру П. обзванивала морги и больницы: «Я была уверена, что с ним что-то случилось, так как мой бывший муж ушел из дома и не вернулся... Решила найти И. своими силами, попросила брата помочь, только через некоторое время поняла, что надо заявить в полицию».

У П. прослеживалась высокая психологическая зависимость от И., что проявлялось в особенностях ее поведения в тот период. Например, она предлагала подружке заложить квартиру и дать денег в долг И.; просила брата не приходиться на первую встречу родителей с И. по его настоятельной просьбе; согласилась пойти в инвестиционный фонд и пр. П. не задумывалась, почему И. не знакомит ее со своими родными и друзьями, почему он много и противоречиво рассказывает о своей работе (строитель, реставратор, собирает антиквариат и пр.), не смотрела в его паспорт, полностью доверяя брачному агентству.

Как было выявлено в процессе исследования, на особенности поведения П. оказали негативное влияние: высокая потребность в аффилиации (тесных эмоциональных контактах); огромное желание выйти замуж, иметь детей, быть материально обеспеченной, жить красивой жизнью, которую описывал ей И.; личностная дисгармония П., проявляющаяся в высокой эмотивности; ориентация на мнения и оценки окружающих; эгоцентризм на фоне доверчивости и эмоциональной ригидности, которые в значительной степени определили особенности ее поведения в общении с И.

Анализ показал отсутствие трансформации показаний П. в ходе следствия. Она достаточно подробно описывает разговоры с И. Несмотря на то что их контакты были эпизодическими (по выходным дням в течение двух месяцев), для нее они являлись аффективно значимыми, что четко отражается в детализации ее показаний.

Среди психологических особенностей П. можно отметить: дисгармоничную структуру личности, что проявлялось в высокой зависимости от близкого окружения и мнения окружающих, наличии парадоксальных черт (доверчивость и эгоцентризм); ригидность; высокую внушаемость. В ходе исследования не было выявлено признаков внушаемости и склонности ко лжи.

Анализ показал высокую эмоциональную вовлеченность П. в отношения с И., что обусловлено не только перечисленными выше личностными особенностями, но и высокой потребностью в создании семьи, в материальном благополучии. Способы воздействия И. способствовали актуализации виктимного поведения П.

Суд учел результаты судебно-психологической экспертизы и действия И. квалифицировались как мошенничество, то есть хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием, с причинением ущерба П. (ч. 1 ст. 159 УК РФ).

Отдельным подвидом данного вида исследований является судебно-психологическая экспертиза психологического воздействия при совершении преступлений в сфере *экономических отношений*. Начиная с 90-х годов XX века количество таких экспертных исследований многократно возросло. И связано это с тем, что возросло количество преступлений не только в сфере контактных отношений с одним субъек-

ектом, но и тех, которые осуществляются в группе, в форме специально организованных групповых тренингов. В исследованиях некоторых авторов было показано, что организаторы данных тренингов используют методы скрытого психологического воздействия (Менделевич, 2004; Полянская, 2011). В работах В. А. Полянской и Е. Н. Волкова были выделены психологические характеристики участников подобных тренингов, а также отдельные технологии и психотехники группового воздействия. Большей частью такое воздействие носит целенаправленный характер и ориентировано на обогащение его организаторов (Волков, 2000; Полянская, 2011).

Как правило, подобное воздействие осуществляется в несколько этапов. На *первом этапе* привлекается максимальное количество участников, которых в «дружественной» атмосфере информируют о возможности быстро заработать. К используемым на этом этапе *техникам* можно отнести: ложное обоснование; сокращение сроков обдумывания; изоляцию от внешних контактов (невозможность посоветоваться с кем-либо); элементы эриксоновского гипноза (блокирование систем восприятия с помощью яркого света, звуков, ритма с целью вызвать усталость аналитической системы). По данным М. С. Яницкого, на этом этапе лишь небольшая часть участников отказываются от вступления в организацию (Яницкий, 2007). *Второй этап* является диагностическим и проводится в форме индивидуального собеседования с каждым, кто посещал семинары, при этом уточняются данные членов «бизнес-клуба». Нередко на данном этапе приглашаются профессиональные психологи, которые составляют «портрет» потенциальной жертвы для повышения эффективности манипулирования. Используются специально подобранные техники воздействия, такие как обман, дезинформирование о целях и задачах организации, плюсах вступления в нее. Для проверки вовлеченности предлагается сдать первичные взносы. На данном этапе, по данным М. С. Яницкого, отказывается от участия еще часть обследуемых. На *третьем этапе*, который можно обозначить как манипулятивный, предлагается на добровольных началах внести денежные средства в установленном размере, к примеру 1000 долларов США. Подчеркивается, что преимущество имеют те люди, которые вносят деньги в «бизнес-клуб» в короткий срок (к примеру, от 2 до 5 часов). Решение о внесении денежных средств обязательно оформляется в письменном виде и включает в себя пункт «передаются добровольно и возврату не подлежат».

М. С. Яницкий в своей статье приводит следующий пример экспертной беседы с потерпевшей: «Время было ограничено, возможности подумать не давали. Все происходило очень быстро...» (Яницкий, 2007, с. 153).

На этом этапе большая часть участников информационных бизнес-семинаров прекращали занятия. По отношению к оставшимся применялись многочисленные манипулятивные техники: искажение информации; техника незначительных уступок (с помощью использования метода трех «да»); отдельные приемы эриксоновского гипноза (введение в легкий транс); домашние задания (с целью держать жертву на контроле); парадоксальные приемы манипулирования (эмоциональный взрыв со стороны манипулятора); переход на личность (с целью снижения самооценки); обман и угрозы.

В процессе психологической экспертизы данной категории дел необходимо обратить пристальное внимание не только на специфику противоправного воздействия,

но и на особенности личностей руководителей подобных групп, а также жертв воздействия. По мнению авторов, занимающихся исследованием данной проблемы, лидеры подобных преступных группировок отличаются волевыми качествами, эмоциональной устойчивостью, компетентностью в юридических и экономических вопросах, а также проявляют признаки настойчивости, доминантности, решительности, самодисциплины, собранности, энергичности, упорства в достижении цели.

В свою очередь, жертвами организованных бизнес-сообществ часто становятся не только люди малоимущие и плохо разбирающиеся в правовых вопросах, но и обеспеченные, ориентированные в вопросах права граждане. Возрастной разброс участников в исследовании М. С. Яницкого также был значительным (от 35 до 60 лет).

К личностным характеристикам, повышающим уязвимость к мошенничеству, Э. Н. Ульянова относит экстравертированность, высокий уровень притязаний, повышенную готовность к мобильным действиям, неудовлетворенность своим социальным положением, дефицит общения, завышенные стандарты потребления, внушаемость. С другой стороны, внушаемость может проявляться в комплексе с тревожностью, неуверенностью в себе, робостью и зависимостью, недостаточным развитием критических способностей (Ульянова, 2019).

Все указанные особенности позволяют сделать вывод о том, что на момент совершения мошеннических действий большинство участников находились в измененном состоянии сознания и не могли в полной мере осознавать последствия собственных действий, не были полностью самостоятельны в волеизъявлении (Тобиас, Лалич, 2000; Лири, Стюарт, 2002; Иванцов, 2009; Яшин, Слешкина, 2019; и др.).

В последнее время получили распространение мошеннические действия, связанные с совершением незаконных банковских операций по телефону. По мнению ряда авторов, ключевой мотивацией жертв данного вида мошенничества является страх потери уже имеющихся средств (а не стремление их приумножить). Среди личностных особенностей отмечают снижение самоконтроля и ориентации на других людей, отсутствие ориентации на безопасность (недоверие к среде), нарушения в структуре когнитивных стилей, а также снижение способности сопротивляться мошенникам, что свойственно людям после определенного возраста (Мешкова и др., 2022). Согласно нашим исследованиям, которые еще находятся на стадии сбора данных, к *личностным чертам* жертв подобного мошенничества можно отнести: ригидность, чрезмерную ответственность перед другими людьми, излишнюю нормативность, доходящую до социального инфантилизма. Среди *техник*, которые используются в структуре данного вида воздействия, можно назвать обращение к авторитетам (звонок от статусного источника), ориентацию на значимые потребности, трансовые методы.

Таким образом, в процессе СПЭ данной категории уголовных дел эксперт-психолог должен тщательно проанализировать личностные особенности жертвы и мошенника; ситуацию и динамику психологического воздействия мошенника на жертву; поведение жертвы и мошенника на всех этапах взаимодействия.

Следует подчеркнуть, что, по мнению некоторых авторов, многие виды неправомерного воздействия наносят значительный вред психике субъекта, сопоставимый с травмой насилия, и нуждаются не только в исследовании, но и в разработке новых методов коррекции жертв воздействия.

Перечислим **типовые вопросы** , выносимые юристом в постановление о назначении судебно-психологической экспертизы, связанной с анализом результатов видео- или аудиограмм опроса (допроса):

1. Каков психологический характер ситуации, зафиксированной на видеозаписи? Каково психоэмоциональное состояние участников юридически релевантных событий?
2. Могли ли психологическая ситуация и психоэмоциональное состояние подэкспертного способствовать снижению у него способности правильно оценивать свои действия и действия окружающих и контролировать свое поведение?
3. Имеются ли на видеозаписи признаки психологического воздействия, оказываемого кем-либо на подэкспертного, из-за чего он мог быть введен в заблуждение по поводу ситуации?

Вопросы, выносимые юристом в постановление о назначении судебно-психологической экспертизы, связанной с воздействием в сфере брачных отношений:

4. Каковы индивидуально-психологические особенности подэкспертного (подэкспертной)?
5. Есть ли в характере подэкспертного такие устойчивые личностные характеристики, как повышенная внушаемость, доверчивость, склонность ко лжи и фантазированию?
6. Какова степень эмоциональной вовлеченности подэкспертной(-ного) в отношениях с подэкспертным(-ной)?
7. Учитывая динамику ситуации общения подэкспертной(-ного) с подэкспертным(-ной) и личностные особенности подэкспертной(-ного), возможно ли оценить ее (его) поведение как виктимное?
8. Какова степень трансформации показаний подэкспертных на разных этапах следствия?

Вопросы, выносимые юристом в постановление о назначении судебно-психологической экспертизы, связанной с воздействием в сфере экономических отношений:

9. Находились ли участники группы в состоянии измененного сознания, что позволило им внести денежные средства (подписать договор и пр.)?
10. Было ли внесение денежных средств (подписание документов и пр.) осознанным или неосознанным (следствием целенаправленного психологического манипулирования)?

Следует отметить, что структура типовых вопросов к данному виду экспертиз является достаточно разнообразной и существенно зависит от специфики и вида производимой экспертизы.

Заключение

Экспертное исследование является наиболее сложным из всех видов деятельности психолога, и поэтому экспертизой могут заниматься только специалисты, имеющие опыт практической работы в данной области. Желательно, чтобы это были клинические психологи, успешно владеющие методами клинико-психологической диагностики механизмов не только сознательной, но и бессознательной деятельности человека, а также имеющие навыки использования как бланковых, так и инструментальных методов исследования.

Необходимо отметить, что судебно-психологическая экспертиза, как и любая другая экспертиза, имеет свои пределы компетенции. Традиционно используются три универсальных критерия компетенции психологов, задействованных в проведении психологической экспертизы: юридический, гносеологический и этический.

Юридический критерий предполагает, что на разрешение эксперту-психологу не могут быть поставлены вопросы правового характера, такие как юридические мотивы преступления, вина, дееспособность, состояние душевного волнения. Все эти вопросы решаются исключительно судом. Юридические критерии распространяются не только на психологическую экспертизу, но также на другие виды экспертиз.

Гносеологический критерий компетенции в значительной степени предопределяется уровнем развития теоретической и практической психологии. Большое значение имеет уровень развития методического аппарата экспертно-психологических исследований. Однако следует помнить, что никакая методика не заменит профессиональных психологических знаний в области особенностей поведения, психического состояния, индивидуально-типологических характеристик личности, ее структуры, системы отношений, ценностных ориентаций и пр. Причем эти данные могут быть получены не только путем экспериментального анализа, но и при экспертно-психологическом анализе материалов дела, свидетельских показаний в судебном процессе, а также в ходе направленного наблюдения за подэкспертным в процессе общения.

Этический критерий предполагает, что эксперт, работая с подозреваемыми или обвиняемыми, даже если это злостные преступники (наильники, убийцы), должен проанализировать психологические механизмы их поведения. При этом он не имеет права давать социально-нравственную, моральную оценку их личности. Такую оценку дает только суд.

Важными критериями любого вида деятельности являются ее успешность и эффективность, которые для экспертного исследования не всегда очевидны. Для успешного проведения судебно-психологической экспертизы необходим не только высокий уровень профессиональных знаний у специалиста-психолога: она также предъявляет повышенные требования к его личности. Получение объективных экспертных данных требует от психолога высоких морально-нравственных качеств. Бывают случаи, когда психолог по каким-то субъективным мотивам или под влиянием участников процесса искажает экспертные данные, дает заведомо ложные характеристики. Принципиальность, стойкость морально-этических принципов — это один из главных критериев успешной профессиональной деятельности эксперта-психолога.

Эффективность экспертного исследования во многом определяется особенностями психологического контакта психолога с подэкспертным. Это в значительной степени зависит от сформированности у эксперта-психолога таких личностных качеств, как уважение к ценности другой личности, отсутствие предубеждений, эмоциональная стабильность и объективность, чувствительность к установкам и поведению других людей.

Психологические исследования все активнее внедряются в юридическую практику. Исходя из этого функции психолога не должны ограничиваться только экспертными исследованиями. Психолог может участвовать также в качестве консультанта на этапах судебно-следственного процесса. Такая форма сотрудничества возможна для получения юристами (следователями, судьями, адвокатами и др.) информации о типичных особенностях гностических процессов, об индивидуально-типологических и личностных характеристиках, психических состояниях, особенностях межличностных отношений подследственных. Формы консультаций могут быть разными. Например, психолог может помочь следователю в составлении психологического портрета подозреваемого, порекомендовать методы для установления контакта с допрашиваемым с учетом его индивидуально-психологических характеристик. Особое значение приобретает сотрудничество юристов с психологами при расследовании групповых преступлений, преступлений с участием несовершеннолетних. Закон предусматривает участие педагога в допросах несовершеннолетних, однако в этой ситуации может быть полезнее участие клинического психолога как специалиста, обладающего научными знаниями в области психологии детей и подростков и владеющего профессиональными практически навыками общения с ними.

В целом участие психологов на разных этапах судебно-следственных действий может значительно повысить эффективность работы юристов не только на этапе проведения судебного процесса, но и при организации оперативных и следственных мероприятий.

Список литературы

- Амбрумова А. Г., Постовалова Л. И. Анализ предсмертных записок суицидентов // Научные и организационные проблемы суицидологии: сб. науч. тр. М.: Моск. НИИ психиатрии, 1983. С. 53–74.
- Амбрумова А. Г., Трайнина Е. Г., Уманский Л. Я. Аутодеструктивное поведение подростков // Сравнительно-возрастные исследования в суицидологии: сб. науч. тр. М.: Моск. НИИ психиатрии, 1989. С. 52–62.
- Амбрумова А. Г., Тихоненко В. А. Диагностика суицидального поведения: методические рекомендации. М.: Б. и., 1980. 48 с.
- Амбрумова А. Г., Тихоненко В. А. Суицид как феномен социально-психологической дезадаптации личности // Актуальные вопросы суицидологии: сб. ст. / отв. ред. проф. А. А. Портнов. М., 1978. С. 6–28.
- Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. 2-е изд. СПб.: Питер, 2001. 260 с.
- Антонян Ю. М., Гульдман В. В. Криминальная патопсихология. М.: Наука, 1991. 243 с.
- Арбузова Е. Н., Горбатов С. В. Проблемы судебной практики с участием психолога по гражданским делам // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии. Материалы международной конференции (Васильевские чтения — 2019), 25 апреля 2019 г. СПб.: С.-Петербург. ун-т МВД РФ, 2019а. С. 36–39.
- Арбузова Е. Н., Горбатов С. В. Специфика экспертного исследования в условиях конфликта лояльности // Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики. Материалы всероссийской научно-практической конференции, 31 октября 2019 г. СПб.: С.-Петербург. ун-т МВД РФ, 2019б. С. 16–20.
- Арбузова Е. Н., Дубнякова А. И. Исследование особенностей аргументации как способа организации взаимодействия в процессе общения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. № 4 (48). С. 193–198.
- Арбузова Е. Н. Допрос в контексте проблемы взаимодействия // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции и технологии решения. Материалы международной научно-практической конференции (Васильевские чтения — 2023), 20–21 апреля 2023 г. СПб.: С.-Петербург. ун-т МВД РФ, 2023. С. 47–51.
- Белоусов А. Д. (сост.). Психологические особенности допроса несовершеннолетних при расследовании преступлений, совершаемых молодежными преступными группами: учеб. пособие. М.: Всерос. науч.-исслед. ин-т МВД России, 2010. 54 с.
- Бердяев Н. А. О самоубийстве. Париж: YMCA-Press, 1931. 45 с.
- Бехтерев В. М. Объективно-психологический метод в применении к изучению преступности // Дриль Д. А. Учение о преступности и методах борьбы с ней. СПб.: Шиповник, 1912. С. 507–568.
- Брусиловский А. Е. Судебно-психологическая экспертиза. Ее предмет, методика и пределы / предисл.: В. Внуков. Харьков: Юрид. изд-во Украины, 1929. 104 с.
- Бурлачук Л. Ф. Психодиагностика личности. Киев: Здоровье, 1989. 163 с.
- Бурлачук Л. Ф. Психодиагностика: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2008. 378 с. (Серия «Учебник нового века»).

- Бурлачук Л. Ф., Коржова Е. Ю. Психология жизненных ситуаций: учебное пособие. М.: Российское педагогическое агентство, 1998. 263 с.
- Буянов М. И. Ребенок из неблагополучной семьи: записки детского психиатра. М.: Просвещение, 1988. 207 с.
- Васильев В. Л. Юридическая психология. 4-е изд. СПб.: Питер, 2001. 640 с.
- Васильев В. Л., Мамайчук И. И. Анализ личности несовершеннолетних жертв половых преступлений // Вопросы психологии. 1993. № 1. С. 28–35.
- Васильев В. Л., Мамайчук И. И., Смирнов В. П. Использование психолога в качестве консультанта, специалиста и эксперта на предварительном следствии: учеб. пособие. СПб.: Университет прокуратуры Российской Федерации, 1997. 64 с.
- Васильюк Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 200 с.
- Владимиров Л. Е. Психологическое исследование в уголовном суде. М.: Т-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1901. 291 с.
- Волков Е. Н. Обманы вокруг нас // Школьный психолог. 2000. Февраль. № 5. С. 6.
- Горбатов С. В., Арбузова Е. Н., Абрамович Е. М. Регуляция поведения у молодых женщин, практикующих самоповреждение // Материалы международной научной конференции (Ананьевские чтения — 2021), 19–22 октября 2021 г. СПб.: Скифия-принт, 2021. С. 875–876.
- Горбатов С. В., Арбузова Е. Н. Социально-психологические основы исследования проблемы воздействия // Материалы международной научной конференции (Ананьевские чтения — 2021), 19–22 октября 2021 г. СПб.: Скифия-принт, 2021. С. 877–878.
- Горбатов С. В., Арбузова Е. Н., Шаболтас А. В., Горбачева В. В. Особенности Я-концепции девочек-подростков с несуйцидальным самоповреждающим поведением // Суицидология. 2020. № 11 (1). С. 22–38. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.20-11-01\(38\)-22-38](https://doi.org/10.32878/suiciderus.20-11-01(38)-22-38)
- Горбатов С. В., Горбатова М. Л. Диагностическое исследование психологического пространства личности. Техника символических композиций. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. 228 с.
- Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М.: ЛексЭст, 2002. 1040 с.
- Гурьева В. А. (ред.). Клиническая и судебная подростковая психиатрия. М.: МИА, 2007. 482 с.
- Гусева О. Н., Сафуанов Ф. С., Смирнова Т. А., Ткаченко А. А., Филатов Т. Ю. Клинико-психологические механизмы беспомощного (беззащитного) состояния потерпевших по делам о мошенничестве // Научный портал МВД России. 2008. № 1. С. 120–127.
- Дмитриева Т. Б., Сафуанов Ф. С. (ред.). Медицинская и судебная психология. Курс лекций: учеб. пособие. 4-е изд. М.: Генезис, 2016. 656 с.
- Днов К. В., Баурова Н. Н., Серегин Д. А. Личностные предикторы суицидального поведения военнослужащих по призыву // Доктор.Ру. 2018. № 1 (145). С. 48–53.
- Дозорцева Е. Г. Аномальное развитие личности у подростков с противоправным поведением. М.: Гос. науч. центр соц. и судеб. психиатрии им. В. П. Сербского, 2004. 352 с.
- Дозорцева Е. Г. Психологический подход к решению вопросов комиссионной судебной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних обвиняемых // Клинические и биологические проблемы общей и судебной психиатрии: сб. науч. тр. / под ред. Г. В. Морозова. М.: Всерос. науч.-исслед. ин-т общ. и судеб. психиатрии им. В. П. Сербского, 1988. С. 88–92.
- Дозорцева Е. Г. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза несовершеннолетнего обвиняемого // Медицинская и судебная психология. Курс лекций: учеб. пособие / под ред. Т. Б. Дмитриевой, Ф. С. Сафуанова. М.: Генезис, 2005. С. 480–506.
- Дозорцева Е. Г., Федонкина А. А. Психологические особенности несовершеннолетних правонарушителей с личностной незрелостью // Психолого-педагогические исследования. 2013. Т. 5, № 3. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2013_n3/62522 (дата обращения: 28.05.2024).
- Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. СПб.: Речь, 2003. 304 с.
- Дриль Д. А. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. СПб.: Шиповник, 1912. 568 с.
- Елистратов А. И., Завадский А. В. К вопросу о достоверности свидетельских показаний (опыты А. Бине и В. Штерна). Казань: Типо-лит. Импер. ун-та, 1903. 61 с.
- Енгальчев В. Ф. Профессиональная компетентность специалиста в практической юридической психологии. М.: Высшая школа психологии, 2004. 436 с.

- Енгальчев В. Ф., Шипшин С. С. Практикум по судебно-психологической экспертизе. Калуга: Калуж. гос. ун-т им. К. Э. Циолковского, 2013. 288 с.
- Енгальчев В. Ф., Шипшин С. С. Судебно-психологическая экспертиза: методическое руководство. Калуга: Калуж. гос. пед. ун-т им. К. Э. Циолковского, 1997. 190 с.
- Еникеев М. И. Общая, социальная и юридическая психология: учебник для вузов. 5-е изд. СПб.: Питер, 2003. 752 с.
- Жезлова Л. Я. К вопросу о самоубийствах детей и подростков // Актуальные проблемы суицидологии. Труды Московского НИИ психиатрии. Т. 82. М., 1978. С. 93–104.
- Жезлова Л. Я. Сравнительно-возрастные аспекты суицидального поведения детей и подростков // Актуальные проблемы суицидологии. Труды Московского НИИ психиатрии. Т. 92. М., 1981. С. 124–133.
- Желтов В. М., Холопова Е. Н. Судебно-психологическая экспертиза по гражданским делам: правовое регулирование и правоприменительная практика: монография. Калининград: Калининград. погранич. ин-т ФСБ РФ, 2007. 212 с.
- Зелинский С. А. Манипуляции массами и психоанализ. СПб.: Скифия, 2008. 248 с.
- Зинченко Т. П. Память в экспериментальной и когнитивной психологии. СПб.: Питер, 2002. 320 с.
- Иванцов С. В. Обеспечение органами внутренних дел системного подхода в изучении и предупреждении организованной преступности: монография. М.: Закон и право; Юнити, 2009. 287 с.
- Исаев Д. Н. Психосоматическая медицина детского возраста. СПб.: Специальная литература, 1996. 453 с.
- Калашник Я. М. Патологический аффект // Психология эмоций / под ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппентрейтер. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 288 с.
- Китаев-Смык Л. А. Психология стресса. М.: Академический проект, 2009. 943 с.
- Клайн В. Как подготовить ребенка к жизни / пер. с англ. М.; Л.: Прогресс; Учебный центр — Антарес, 1991. 283 с.
- Кле М. Психология подростка. Психосексуальное развитие. М.: Педагогика, 1991. 176 с.
- Козелецкий Ю. Психологическая теория решений / пер. с пол. Г. Е. Минца, В. Н. Поруса; под ред. Б. В. Бирюкова. М.: Прогресс, 1979. 504 с.
- Козырев Г. И. Введение в конфликтологию / учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2008. 176 с.
- Кон И. Психология юношеского возраста. М.: Просвещение, 1979. 175 с.
- Кондрашенко В. Т. Девиантное поведение у подростков: социально-психологические и психиатрические аспекты. Минск: Беларусь, 2005. 207 с.
- Кони А. Ф. Память и внимание (из воспоминаний судебного деятеля). Пг.: Полярная звезда, 1922. 78 с.
- Коришанова О. Н., Мамайчук И. И., Позднякова Н. В., Серова Е. Б. Особенности расследования преступлений, связанных с завладением жилыми помещениями / учеб. пособие. СПб.: С.-Петербург. юрид. ин-т (филиал Ун-та прокуратуры РФ), 2010. 41 с.
- Косарецкая С. В., Косарецкий С. Г., Синягина Н. Ю. Неформальные объединения молодежи. Профилактика асоциального поведения. М.: КАРО, 2006. 304 с.
- Костицкий М. В. Судебно-психологическая экспертиза: монография. Львов: Вища школа; Изд-во при Львов. гос. ун-те, 1987. 140 с.
- Котик М. А. Психология и безопасность. Таллин: Валгус, 1989. 447 с.
- Коченов М. М. Введение в судебно-психологическую экспертизу. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. 116 с.
- Коченов М. М. Судебно-психологическая экспертиза. М.: Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1977. 179 с.
- Коченов М. М. Судебно-психологическая экспертиза. Теория и практика. Избранные труды. М.: Генезис, 2010. 352 с.
- Криворучко Ю. Д. Медико-социальные и судебно-психиатрические аспекты геронтологии и геронтопсихиатрии. М.: Типография «Наука», 2015. 598 с.
- Кроз М. В., Ратинов Н. А. Психологическое воздействие на жертву при совершении преступлений против личности: научно-методическое пособие. М.: Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2008. 104 с.
- Кроз М. В., Ратинов Н. А., Онищенко О. Р. Криминальное психологическое воздействие. М.: Юрлитинформ, 2008. 198 с.

- Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология М.: Наука, 1982. 287 с.
- Кудрявцев И. А. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. 497 с.
- Кудрявцев И. А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М.: Юридическая литература, 1988. 244 с.
- Кудрявцев И. А., Морозова М. В., Сафина О. Ф. Руководство по написанию заключения экспериментально-психологического исследования подэкспертного при проведении однородных судебно-психиатрических и комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз. М.: Гос. науч. центр соц. и судеб. психиатрии им. В. П. Сербского Минздрава России, 2014. 67 с.
- Кузьмишина Т. Л., Амелина Е. С., Пермьякова А. А., Хохлова Е. А. Стили семейного воспитания: отечественная и зарубежная классификация // Современная зарубежная психология. 2014. № 1. С. 16–25.
- Кулганов В. А. Суицидология. М.: ЛитРес, 2022. 275 с.
- Кулганов В. А., Прокопьев П. Л., Юнацкевич П. И. Психолого-педагогическая коррекция функциональных состояний военных специалистов. Ч. 1. Психолого-педагогическая диагностика и коррекция суицидального поведения военнослужащих. СПб.: Воен.-косм. акад. им. А. Ф. Можайского, 1997. 181 с.
- Лангмейер Й., Матейчек З. Психическая депривация в детском возрасте / пер. Г. А. Овсянниковой. М.: Альма-Матер, 2022. 350 с.
- Лебединский В. В. Нарушения психологического развития у детей: учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1985. 167 с.
- Левитов Н. Д. О психических состояниях человека: монография. М.: Наука, 2015. 344 с.
- Лири Т., Стюарт М. Деструктивные психотехники. Технологии изменения сознания в деструктивных культурах / под ред. И. Митрофановой; пер. с англ. СПб.: Экслибрис, 2002. 224 с.
- Личко А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. 2-е изд. Л.: Медицина, 1983. 255 с.
- Личко А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. СПб.: Питер, 2023. 304 с.
- Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 444 с.
- Лурья А. Р. Природа человеческих конфликтов: объективное изучение дезорганизации поведения человека / под общ. ред. В. И. Белопольского. М.: Когито-Центр, 2002. 527 с.
- Макушкин Е. В. Нейрофизиологическое исследование полушарной организации спектра ЭЭГ при психическом инфантилизме у подростков // Физиология человека. 2001. Т. 27. № 6. С. 62–69.
- Малкин Д. А. Экспертная оценка психического состояния лиц, совершивших сделки (в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы: автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 2004. 28 с.
- Малкина-Пых И. Г. Виктимология. Психология поведения жертвы. СПб.: Питер, 2017. 831 с.
- Малкина-Пых И. Г. Кризисы подросткового возраста: справочник практического психолога. М.: Эксмо, 2004. 382 с.
- Мамайчук И. И. Методологические аспекты судебно-психологической экспертизы на этапе предварительного следствия // Вопросы общей и дифференциальной психологии. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. Вып. 1. С. 119–129.
- Мамайчук И. И. Методологические и методические проблемы судебно-психологической экспертизы // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2011. Вып. 3. С. 198–206.
- Мамайчук И. И. Психологическая помощь детям с проблемами в развитии. СПб.: Речь, 2001. 220 с.
- Мамайчук И. И. Психологические механизмы виктимного поведения жертв половых преступлений // Теоретические и практические вопросы психологии / Гос. ком. по высш. образованию Российской Федерации, С.-Петерб. гос. ун-т (факультет психологии); под общ. ред. проф. А. А. Крылова. Ч. 1. Теоретические проблемы психологии. СПб., 1995. С. 25–33.
- Мамайчук И. И. Экспертиза личности в судебно-следственной практике. СПб.: Речь, 2002. 255 с.
- Мамайчук И. И., Васильев В. Л., Смирнов В. П. Использование психолога в качестве консультанта, специалиста и эксперта // Васильев В. Л. Юридическая психология. 6-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2009. С. 501–547.
- Мамайчук И. И., Ильина М. Н., Миланич Ю. М. Помощь психолога детям с задержкой психического развития. М.: Эко-Вектор, 2017. 539 с.

- Менделевич В. Д. Психиатрическая пропедевтика. 3-е изд. М.: МЕДпресс-информ, 2004. 518 с.
- Метелица Ю. Л. Судебно-психиатрическая экспертиза потерпевших. М.: Юридическая литература, 1990. 204 с.
- Мешкова Н. В., Кудрявцев В. Т., Ениколопов С. Н. К психологическому портрету жертв телефонного мошенничества // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2022. № 1. С. 138–157.
- Миньковский Г. М. Особенности расследования и судебного разбирательства дел о несовершеннолетних. М.: Госюриздат, 1959. 208 с.
- Морозова М. В. Психологический аспект экспертизы способности малолетних и несовершеннолетних давать показания по уголовным делам // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 4. С. 57–68.
- Мясищев В. Н. Психология отношений / под ред. А. А. Бодалева. М.: Ин-т практ. психологии; Воронеж: МОДЭК, 1998. 362 с.
- Нечипоренко В. В. «Малая» психиатрия: избранные разделы. Дискуссии продолжаются... СПб.: Нестор-История, 2017. 160 с.
- Печерникова Т. П., Гульдан В. В., Остришко В. В. Особенности экспертной оценки аффективных реакций в момент совершения правонарушения у психически здоровых и психопатических личностей: методические рекомендации. М., 1983. 19 с.
- Пирожков В. М. Законы преступного мира молодежи. Криминальная субкультура. Тверь: Приз, 1994. 149 с.
- Платонов К. К. Структура и развитие личности. М.: Наука, 1986. 256 с.
- Познышев С. В. Криминальная психология: преступные типы. Л.: Гос. изд-во, 1926. 255 с.
- Полянская В. А. Судебно-психологическая экспертиза психологических воздействий в уголовном процессе // Сибирский юридический вестник. 2011. № 1. С. 123–129.
- Попов Ю. В., Пичиков А. А. Суицидальное поведение у подростков: монография. СПб.: СпецЛит, 2017. 365 с.
- Ратинов А. Р., Ефремов Г. Х. Правовая психология и преступное поведение. Теория и методология исследования. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. 256 с.
- Реан А. А. Психология познания педагогом личности учащихся. М.: Высшая школа, 1990. 79 с.
- Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций / пер. с пол. и вступ. ст. В. К. Вилюнаса. М.: Прогресс, 1979. 392 с.
- Рыбальская В. Я. Виктимность как элемент структуры механизма преступлений несовершеннолетних // Вопросы борьбы с преступностью. 1978. № 29. С. 36–44.
- Рыбальская В. Я. Методика изучения личности потерпевшего по делам о преступлениях несовершеннолетних. Иркутск: Гос. ун-т им. А. А. Жданова, 1975. 53 с.
- Рыбников В. Ю., Косов А. В., Чижова Д. С. Теория и практика судебно-психологической экспертизы психологических воздействий по уголовным делам. СПб.: Калуга; М.: Русаки, 2003. 61 с.
- Савина С. И. К вопросу о профессиональной этике // Организация профессионального психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности в органах и подразделениях внутренних дел Краснодарского края. Краснодар: Главное управление внутренних дел Краснодарского края, 2001. С. 36–40.
- Сафуанов Ф. С. Комплексная судебно-психолого-психиатрическая экспертиза в гражданском процессе // Медицинская и судебная психология. Курс лекций. М.: Гос. науч. центр соц. и судеб. психиатрии им. В. П. Сербского, 2009. С. 577–586.
- Сафуанов Ф. С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе: науч.-практ. пособие. М.: Гардарики; Смысл, 1998. 192 с.
- Сафуанов Ф. С. Судебно-психологическая экспертиза: учебник для акад. бак. М.: Юрайт, 2014. 421 с.
- Сафуанов Ф. С., Русаковская О. А. Методологические проблемы комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по делам о воспитании детей при раздельном проживании родителей // Психологическая наука и образование. 2010. № 2. С. 54–61.
- Сафуанов Ф. С., Савина О. Ф., Морозова М. В., Исаева И. В. Критерии судебно-психологической экспертной оценки юридически релевантных эмоциональных состояний у обвиняемых: методические рекомендации. М.: Нац. мед. исслед. центр психиатрии и наркологии им. В. П. Сербского, 2016. 28 с.
- Сахнова Т. В. Основы судебно-психологической экспертизы по гражданским делам. Хрестоматия по юридической психологии. Особенная часть. М.: Юристъ, 1997а. 136 с.

- Сахнова Т. В. Экспертиза в суде по гражданским делам: учеб.-практ. пособие. М.: БЕК, 1997б. 278 с.
- Секераж Т. Н. О судебно-психологической экспертизе психологического воздействия // Современное состояние и перспективы развития новых направлений судебных экспертиз в России и за рубежом. Материалы международной научно-практической конференции (Калининград, 23–24 апреля, 2003). Калининград, 2003. С. 195–201.
- Секераж Т. Н. Способность совершать гражданско-правовые сделки: юридический и экспертно-психологический аспекты // Судебная психиатрия. Судебно-психиатрическая экспертиза в гражданском процессе. 2007. Вып. 4. С. 184–198.
- Секераж Т. Н. Теоретические и методические основы диагностики «порока воли» в судебной психологической экспертизе: автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 2004. 19 с.
- Семакова А. И., Арбузова Е. Н., Ильянкова Е. И. Психологические особенности и проблемы сопровождения гражданских и уголовных дел, связанных с защитой прав и интересов детей // Прикладная психология и педагогика. 2020. № 3. С. 167–180. <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2020-157-167>
- Серебрякова Т. А. Психология стресса: учеб. пособие. Н. Новгород: Волж. гос. инженер.-пед. ун-т, 2007. 143 с.
- Ситковская О. Д. Психология уголовной ответственности. М.: Норма, 1998. 285 с.
- Скрипченко Б. В. Вред как основание признания потерпевшим // Потерпевший от преступления. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1974. С. 175–182.
- Смирнова С. А., Макушкин Е. В., Аснис А. Я., Васькэ Е. В., Дозорцева Е. Г., Сафуанов Ф. С., Шишков С. Н., Шишин С. С., Ошевский Д. С., Бердников Д. В., Секераж Т. Н., Калинина А. Н. О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы: информационное письмо // Психология и право. 2016. Т. 6. № 3. С. 61–78. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2016060306>
- Тобиас М., Лалич Дж. Терапевтические проблемы жертв культов (отрывки из книги «Плененные сердца, плененные умы») // Журнал практического психолога. 2000. № 1–2. С. 104–125.
- Ульянова Н. Э. Манипуляция в отношении жертв преступлений и иных правонарушений // Виктимология. 2019. № 2. С. 73–77.
- Фаргиев И. А. Уголовно-правовые и криминологические основы учения о потерпевшем. СПб.: Юридический центр, 2009. 430 с.
- Федонкина А. А. Психологическая диагностика способности несовершеннолетних правонарушителей с личностной незрелостью к организации и планированию своей деятельности // Российский психиатрический журнал. 2019. № 5. С. 55–60.
- Федонкина А. А. Способность несовершеннолетних правонарушителей с личностной незрелостью к осознанному руководству своими действиями // Психология и право. 2016. Т. 6. № 3. С. 178–192. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2016060313>
- Филатов Т. Ю. Судебно-психиатрическая и виктимологическая оценка психических расстройств потерпевших // Российский психиатрический журнал. 2009. № 4. С. 12–19.
- Фокс В. Введение в криминологию / пер. с англ.; под ред. и со вступ. ст. Б. С. Никифорова, В. М. Когана. М.: Прогресс, 1985. 312 с.
- Франк Л. В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе: Ирфон, 1977. 237 с.
- Хайдуков Н. П. Тактико-психологические основы воздействия следователя на участвующих в деле лиц. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1984. 128 с.
- Харитонова Н. К., Русаковская О. А. Клинико-психологическая оценка негативного отношения ребенка к отдельно проживающему родителю в судебных спорах о воспитании // Психологические исследования: электр. науч. журнал. 2011. № 4 (16). <https://doi.org/10.54359/ps.v4i16.859>
- Харитонова Н. К., Сафуанов Ф. С., Малкин Д. А. Экспертная оценка делкоспособности по гражданским делам в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы: пособие для врачей. М.: Гос. науч. центр соц. и судеб. психиатрии им. В. П. Сербского, 2005. 32 с.
- Черепанова Е. Психологический стресс: помоги себе и ребенку. М.: Academia, 1996. 95 с.
- Чижова Д. С. Особенности судебно-психологической экспертизы психологического воздействия по уголовным делам: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2003. 23 с.
- Шишин С. С. Метод опосредованной ретроспективной диагностики психического состояния: методические рекомендации для психологов, экспертов, преподавателей, студентов. М.: Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции РФ, 2009. 21 с.

- Штерн В. Психология свидетельских показаний. Экспериментальные исследования верности воспоминаний // Вестник права. 1902. № 2. С. 107–133; № 3. С. 120–149.
- Эйдемиллер Э. Г. Семейный диагноз и семейная психотерапия. Учебное пособие для врачей и психологов. 2-е изд., испр. и доп. / Э. Г. Эйдемиллер, И. В. Добряков, И. М. Никольская. СПб.: Речь, 2003. 332 с.
- Эйдемиллер Э. Г., Добряков И. В., Никольская И. М. Семейный диагноз и семейная психотерапия / учеб. пособие для врачей и психологов. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Речь, 2006. С. 31.
- Юнацкевич П. И. Основы военной суицидологии. СПб.: Ин-т суицидологии АЭСТ, 2018. 120 с. (Теория и методика профессионального обучения и воспитания взрослых).
- Юсевич Л. С. Из практики экспертизы достоверности показаний несовершеннолетних // Проблемы судебной психиатрии. Сборник второй. Особенности судебно-психиатрической экспертизы несовершеннолетних / под общ. ред. Н. И. Озерецкого и Ц. М. Фейнберг. М., 1940. С. 65–80.
- Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / пер. с англ. Т. С. Дабкиной. М.: Класс, 1999. 576 с.
- Яницкий М. С. Приемы и методы психологического воздействия на потенциальных участников финансовых пирамид // Сибирский психологический журнал. 2007. № 25. С. 151–154.
- Яшин А. В., Слашкина В. Р. Криминологические особенности личности лидера и члена религиозной секты // Вестник Пензенского государственного университета. 2019. № 2 (26). С. 25–29.
- Baumrind D. Current Patterns of Parental Authority // *Developmental Psychology*. 1971. Vol. 4. No. 1. Pt 2. P. 1–103.
- Naglieri J. A., Goldstein S. Baumrind's Parenting Styles // *Encyclopedia of Child Behavior and Development*. New York: Springer, 2011. P. 213–215.
- Nye F. I. *Family Relationships and Delinquent Behavior*. New York: Wiley, 1958. 168 p.
- Shaboltas A. V., Gorbatov S. V., Arbuzova E. N. The Ethical Problems in Forensic Psychological Expert Evaluation: A View from Modern Russia // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2020. Vol. 13. No. 1. P. 11–21. <https://doi.org/10.11621/pir.2020.0102>

Научное издание

*МАМАЙЧУК Ирина Ивановна,
АРБУЗОВА Елена Николаевна*

**ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА
В ПРАКТИКЕ КЛИНИЧЕСКОГО ПСИХОЛОГА**

Часть 2

Психологическая экспертиза в судебно-следственной практике

Учебное пособие

Редактор *В. С. Щеглова*
Корректоры *И. П. Журова, Ю. А. Стрельбицкая*
Компьютерная верстка *А. М. Вейшторт*
Обложка *И. А. Колтушиной*

Подписано в печать 00.00.2024. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 11,22. Тираж 000 экз. Print-on-Demand. Заказ №

Издательство Санкт-Петербургского университета.
199004, Санкт-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11.
Тел./факс +7(812) 328-44-22
publishing@spbu.ru

publishing.spbu.ru

Типография Издательства СПбГУ.
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.

Книги Издательства СПбГУ можно приобрести
по издательским ценам на сайте publishing.spbu.ru
и в Доме университетской книги СПбГУ:
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.
Тел. (812) 329-24-71.

Часы работы: 10.00–20.00 (пн. — сб.).